

Министерство науки и высшего образования РФ
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научное издание

13 (2019)

Екатеринбург 2019

УДК 81:39
ББК Ш100.63
Л59

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

доктор филол. наук, профессор А. П. ЧУДИНОВ

Выпускающий редактор:

кандидат филол. наук, доцент С. А. ЕРЕМИНА

Редакционная коллегия:

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА

кандидат филол. наук, доцент Е. В. ДЗЮБА

кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Л59 **ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ** : ежегодный сборник научных трудов / Уральский государственный педагогический университет ; главный редактор А. П. Чудинов. – Екатеринбург : [б. и.], 2019. – Выпуск 13. – 234 с. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7186-1239-4

Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвокультурологии, в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Журнал предназначен для ученых-языковедов всех специальностей, он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами языка и культуры.

УДК 81:39
ББК Ш100.63

Научное издание
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
ВЫПУСК 13

ISBN 978-5-7186-1239-4

© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2019
© Лингвокультурология, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Агафонова К. Ю.

Москва, Россия

Проблема значения в свете когнитивной теории..... 7

Асмус Н. Г.

Челябинск, Россия

Лингвокультурологическое исследование
концепта «devil» в детской языковой картине мира
(на материале интернет-изданий
англоязычных страшных историй)..... 14

Бачурка М. С.

Алматы, Казахстан

Некоторые культурно-специфические особенности
реализации оценочных речевых актов
в педагогическом дискурсе..... 31

Булахова Н. П.

Красноярск, Россия

Об использовании эпитетов в газетных текстах
с признаками информационно-психологической войны:
тактико-стратегический аспект..... 36

Гоголина Т. В., Иванова Е. Н.

Екатеринбург, Россия

Специфика включения иностранных магистрантов
в освоение лингвистических дисциплин..... 56

Громова Н. С.

Екатеринбург, Россия

Термин как профессиональная и субкультурная единица
(на примере анализа лексемы «экстремизм»)..... 68

Ерастова Д. А.

Москва, Россия

Неологизмы и способы их образования
в английском языке..... 80

Ерёмина С. А. <i>Екатеринбург, Россия</i> Речевой портрет Н. С. Трубецкого на материале письма к Р. О. Якобсону.....	87
Жижко П. К. <i>Екатеринбург, Россия</i> Динамика представлений о нереальном в русском языковом сознании: экспериментальные данные.....	97
Ишаева О. В. <i>Москва, Россия</i> Термин как лексическая единица специального языка.....	105
Кабирова Ю. И., Курбанов И. А. <i>Сургут, Россия</i> Зооморфная метафора как способ выражения категории дерогативности в разносистемных языках.....	111
Кирилова И. В., Желонкина Ю. С. <i>Екатеринбург, Россия</i> Невербальная коммуникация в художественном тексте (на примере рассказа А. И. Куприна «Гранатовый браслет»).....	118
Коновалова М. В. <i>Челябинск, Россия</i> Когнитивные аспекты верификации в интернет-медиадискурсе	125
Крижановская Е. М. <i>Пермь, Россия</i> Способы выражения речевой агрессии в сетевом сообществе как реакции интернет-пользователей на реальные политические события.....	132

Кручинкина Н. Д. <i>Саранск, Россия</i>	
Внеязыковые и внутриязыковые условия актуализации отражательной функции языка.....	142
Назаренко Е. Б. <i>Белгород, Россия</i>	
О роли стереотипов и предрассудков в процессе межкультурной коммуникации.....	160
Пашкова А. Д. <i>Екатеринбург, Россия</i>	
Языковые средства репрезентации общей оценки реформы образования в американском медиа-политическом дискурсе.....	165
Попова Т. Г., Субачева Е. Г. <i>Москва, Россия</i>	
Метафора как многоплановое явление.....	174
Светкина А. А. <i>Екатеринбург, Россия</i>	
Гадание как сакральный текст: лингвокультурологический аспект.....	181
Субачева Е. Г. <i>Москва, Россия</i>	
Роль метафоры в познании мира.....	188
Чжао Цюе <i>Харбин, Китай</i>	
Хуан Тяньдэ <i>Гуандун, Китай</i>	
Диахронное исследование языкового сознания «свой-чужой» русских.....	195
Чудакова Н. М. <i>Нижний Тагил, Россия</i>	
Концепт «молодежь» в зеркале концептуальной метафоры.....	206

Ширяева Е. А.

Екатеринбург, Россия

Синтагматические модели русских
и британских фразеологических единиц
с монетарной семантикой..... **216**

К. Ю. Агафонова

Москва, Россия

ПРОБЛЕМА ЗНАЧЕНИЯ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию проблемы значения в свете когнитивной теории. В статье описываются различные подходы к исследованию значения слова, и отмечается, что языковой знак представляет в языке концепт. Автор статьи приходит к заключению, что при исследовании концептов необходимо использование нескольких приемов анализа, что будет способствовать точности результатов и увеличит количество выделяемых признаков.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *значение слов; концепты; когниция; понятия; когнитивная лингвистика.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Агафонова Ксения Юрьевна, старший преподаватель кафедры английского языка, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации.*

Адрес: 125047, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14.

E-mail: fortobe29@yandex.ru.

K. Yu. Agafonova

Moscow, Russia

MEANING EVALUATION IN THE THEORY OF COGNITION

ABSTRACT. *The article is devoted to the evaluation of meaning evaluation in the theory of cognition. The author describes different theories of the nature of meaning and points out that the meaning is defined as the realization of a notion (or concept, in other terms) by means of a definite language system. The researcher comes to the conclusion that it is important to use different tools for a cognitive evaluation.*

KEYWORDS: *meaning of words; concepts; cognition; notions; cognitive linguistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Agafonova Kseniya Yur'evna, Senior Lecturer Department of English, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.*

Какое бы исследование не проводили, мы неизменно сталкиваемся с вопросом нашего отношения к языку. Поэтому, приступая к освещению вопроса значения в свете когнитивной

теории, мы, прежде всего, определим наше отношение к проблемам языка. Мы понимаем язык как условие для осуществления мышления и средство, которое позволяет хранить и передавать мысли, уже сформированные в процессе мышления. Соответственно, язык организован системно и функционирует по правилам кода. Отсюда вытекает, что говорящий, отправляясь от очень небольшого числа основных элементов, может составлять знаки, затем группы знаков и, следовательно, бесконечное количество разнообразных высказываний.

Кроме этого, необходимо подчеркнуть и то обстоятельство, что язык является кодом, с помощью которого мы фиксируем свое представление об окружающем мире и передаем друг другу информацию о нем. Таким образом, отталкиваясь от точки зрения Л. Л. Нелюбина, мы констатируем, что «язык – это средство общения людей, оружие формирования и выражения мыслей, чувств, эмоций, средство усвоения и передачи информации» [Нелюбин 2001: 218-219].

В настоящее время в лингвистической науке происходит методологический сдвиг. В результате смены научных парадигм, начавшейся в 70-е годы XX века, и становления парадигмы антропологической лингвистики, в которой язык мыслится не как некоторая безликая имманентная система, но как система, составляющая конститутивное свойство человека, его личность и знание о мире, внимание лингвистов сконцентрировалось на когнитивных аспектах языка.

Проведя в качестве теоретической базы анализ литературы по когнитивной лингвистике, мы приходим, на наш взгляд, к закономерному выводу о том, что именно необходимость понять то, как человек способен перерабатывать, трансформировать и преобразовывать информацию, вызвала повышенный интерес к когнитивным аспектам языковых систем.

На современном этапе развития когнитивной лингвистики исследователи приходят к единому мнению, что процесс формирования значений является когнитивным. Таким образом, мы можем констатировать, что появление когнитивной лингвистики связывают «с распространением взглядов о том, что ... при исследовании понимания речи следует обращаться не только к собственно языковым (лингвистическим) знаниям, но и к знаниям о мире» [КСКТ 1996: 71].

Действительно, в процессе знакомства с окружающей действительностью у человека формируются соответствующие

понятия. Знакомясь с новым словом, он не всегда знакомится с главным значением, так как различные значения одного и того же слова можно понять внутри соответствующего контекста.

Однако слово является не только средством выражения наших мыслей, посредством слова нам доступно концептуальное знание, мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, данным словом непосредственно не названные.

Человеку важно быть знакомым с новым понятием, но нужно отметить, что это является не единственным условием, поскольку в процессе когнитивной активности индивид получает ту или иную информацию, неизменно познает и осмысливает самые разнообразные стороны явления и, следовательно, узнает новые значения конкретного слова.

Исходя из такого понимания, мы можем констатировать, что именно в подобном процессе и образуется многомерный образ знака. Языковой знак представляет концепт в языке. Однако слово представляет концепт не полностью, а отражает лишь те признаки, которые являются важными и значимыми в конкретной ситуации.

Мы также хотели бы отметить и то немаловажное, с нашей точки зрения, обстоятельство, что в различных языковедческих трудах исследователями приводится мысль о том, что анализ языка должен основываться на когнитивных аспектах деятельности индивида.

Именно этим обстоятельством можно объяснить то, что для современной языковедческой науки характерно обращение к вопросу «человеческого фактора» в языке. Лингвисты, работающие в области когнитивной лингвистики, обратили внимание на то, что язык по своей сути антропоцентричен: язык описывает действительность через восприятие окружающего мира человеком.

В контексте данного описания антропоцентрического подхода к языку важно подчеркнуть нашу мысль о том, что антропоцентризм как особый принцип анализа языкового материала заключается в исследовании объектов науки с позиции их роли для человека и функции в его жизнедеятельности. Говоря другими словами, антропоцентризм знаменует тенденцию поставить человека во главу угла.

Далее остановимся на проблемах лексической семантики в свете когнитивного подхода и отметим, что этой проблеме посвящены труды многих современных ученых. Красной нитью в

этих исследованиях проходит мысль, что характерной чертой языка как такового является выражение значения, которое связывает всякий знак с предметом внешнего мира. Подобное наблюдение было сделано еще древнегреческим философом Демокритом, а позже в более четком виде было сформулировано индийским языковедом V века до нашей эры Яска, который в своих комментариях к языку Вед пришел к заключению о том, что между словом и предметом находится значение, которое связывает их в человеческом сознании.

Следовательно, проанализировав важность исследования значения в антропоцентрическом свете, мы приходим к закономерному выводу о том, что обсуждаемый вопрос не может быть решен без привлечения психологического плана. Отметим также наше понимание лексического значения, которое есть не что иное, как результат некоторой «идеализации» конкретной ситуации.

Идея структурности значения была впервые высказана Л. Ельмслевом. Разработка этой идеи привела к созданию учения о компонентах значения (семах) и компонентном анализе. Значение слова может быть представлено как совокупность компонентов. Наиболее распространенный термин для обозначения таких компонентов – «сема», который в лингвистике трактуется как минимальная, предельная единица плана содержания.

На наш взгляд, пристального внимания заслуживает подробная типология сем, предложенная И. А. Стерниным [Стернин 1985: 56-71]. Автор разграничивает денотативные и коннотативные семы. Классификация денотативных сем осуществляется по нескольким основаниям: по отношению семантического компонента к системе языка, по различительной силе, по степени яркости, по характеру выявленности в значении, по характеру содержания, по отношению к акту речи. Вероятностные семы могут отражать функцию, применение и другие существенные признаки объекта.

Соотношение между компонентами значения – семами – обуславливает семантические связи. Для сравнения ряда единиц по семному составу необходим компонентный анализ этих единиц. Компонентный анализ значения заключается в выявлении семного состава значения и структуры семных связей.

Мы уже отмечали выше немаловажное, на наш взгляд, обстоятельство, что языковой знак представляет собой в языке концепт. В современной лингвистике исследованию природы концепта уделяется большое внимание (см., например, [Попова 2003: 17-39]). В когнитивных описаниях лексики понятие концепта является

ключевым. Однако вопрос о том, что есть концепт, в настоящее время окончательно не решен, поэтому многое требует пояснения.

З. Д. Попова и И. А. Стернин называют концептами «мыслительные образы, стоящие за языковыми знаками, означаемые языковых знаков... Из концептов составляется семантическое пространство языка, а по семантическому пространству можно судить о структурах знаний в их конкретно-национальном преломлении» [Попова, Стернин 1999: 7]. Они определяют концепт как глобальную мыслительную единицу, представляющую квант структурированного знания. Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека» [Там же].

А. П. Бабушкин понимает концепт как объект из мира «Идеальное», который имеет имя и отражает культурно обусловленное представление человека о мире «Действительность», считая эту трактовку одной из наиболее удачных [Бабушкин 1998: 19].

Приведенные определения концепта показывают многоаспектность этого явления, и только комплексный учет выявленных аспектов понятия «концепт» позволит эффективно использовать его в семасиологическом исследовании.

Изучение концептов показывает, что по форме они делятся на вербализованные и невербализованные. Вербализованные концепты получают выражение с помощью средств языка, невербализованные концепты могут выражаться неязыковыми средствами. Кроме того, в разных коммуникативных условиях одно и то же слово может представлять разные признаки концепта и даже разные концепты. Это будет зависеть, прежде всего, от интенции говорящего, а также от смысловой структуры слова и его семантических возможностей.

При этом терминологически концепт и значение должны быть разграничены как явления. Первое – явление универсального предметного кода, второе – явление языка. Семантика лексем членится на семантические компоненты, содержание концепта – на концептуальные признаки. Мы, вслед за И. А. Стерниным [Стернин 1999: 70], понимаем концепт как то, что мыслится вместе, что существует в сознании как некая отдельность; семема – это часть концептуальных признаков в их определенном сочетании..., которая названа той или иной лексемой...

По мнению Т. Г. Поповой [Попова 2003: 63], концепты разного типа (образы, представления, понятия) или их объединения (картины, гештальты, схемы, диаграммы, пропозиции, фреймы и

т. д.) рождаются в процессе восприятия мира, они отражают и обобщают человеческий опыт и осмысленную в разных типах деятельности действительность.

Именно концепт лежит в основе категоризации, которая позволяет группировать объекты, имеющие определенные сходства, в определенные классы.

Существуют различные приемы анализа и описания концептов, из которых мы выбираем тот, где выбор ключевого слова используется для анализа лексической сочетаемости ключевого слова, выявления и анализа синонимов ключевого слова, построения и анализа семантемы ключевого слова, а также уделяется пристальное внимание экспериментальным методикам и построению лексико-семантического или лексико-фразеологического поля ключевого слова, а также некоторые другие важные ключевые моменты исследования концепта и концептуального поля.

Таким образом, рассмотрев исследование роли значения в когнитивной парадигме знаний, мы приходим к заключению, что при исследовании концептов необходимо использование нескольких приемов анализа, что будет способствовать точности результатов и увеличит количество выделяемых признаков. Мы также делаем вывод о том, что когнитивный анализ предполагает анализ системных значений и речевых употреблений лексических единиц, вербализующих соответствующий концепт, а лексическую семантику можно считать источником сведений о содержании концептов.

ЛИТЕРАТУРА

Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии. Методика их выявления // *Leksyka w komunikacji jezykowe : materialy konferencji miedzynarodowe*. – Gdansk, 1998. С. 19-24.

КСКТ : Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М. : Изд-во МГУ, 1996. 245 с.

Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь : учеб пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Изд-во МПУ «Народный учитель», 2001. 282 с.

Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект) : курс лекций. Английский язык. – М. : Изд-во МГОУ, 2005. 153 с.

Попова Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков) : монография. – М. : Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. 247 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1999. 30 с.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 170 с.

Стернин И. А. Концепт и языковая семантика // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект : межвузовский сборник научных трудов. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. Вып. II. С. 69-75.

REFERENCES

Babushkin A. P. Kontsepty raznykh tipov v leksike i frazeologii. Metodika ikh vyyavleniya // Leksyka w komunikacji jezykowe : materialy konferencji miedzynarodowe. – Gdansk, 1998. S. 19-24.

KSKT : Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina. – M. : Izd-vo MGU, 1996. 245 s.

Nelyubin L. L. Tolkovyy perevodcheskiy slovar' : ucheb posobie. Izd. 2-e, pererab. i dop. – M. : Izd-vo MPU «Narodnyy uchitel'», 2001. 282 s.

Nelyubin L. L. Vvedenie v tekhniku perevoda (kognitivnyy teoretiko-pragmaticheskiy aspekt) : kurs lektsiy. Angliyskiy yazyk. – M. : Izd-vo MGOU, 2005. 153 s.

Popova T. G. Natsional'no-kul'turnaya semantika yazyka i kognitivno-sotsiokommunikativnye aspekty (na materiale angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov) : monografiya. – M. : Izd-vo MGOU «Narodnyy uchitel'», 2003. 247 s.

Popova Z. D., Sternin I. A. Ponyatie «kontsept» v lingvisticheskikh issledovaniyakh. – Voronezh : Izd-vo VGU, 1999. 30 s.

Sternin I. A. Leksicheskoe znachenie slova v rechi. – Voronezh : Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1985. 170 s.

Sternin I. A. Kontsept i yazykovaya semantika // Svyazi yazykovykh edinits v sisteme i realizatsii. Kognitivnyy aspekt : mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. – Tambov : Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 1999. Vyp. II. S. 69-75.

Н. Г. Асмус

Челябинск, Россия

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
КОНЦЕПТА «DEVIL» В ДЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАШНЫХ ИСТОРИЙ)**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются основные особенности репрезентации концепта «devil» в англоязычных детских страшных историях. Проведенный анализ текстов позволил выделить четыре основных концептуальных признака концепта: «внешность», «цвет», «место», «звук». Концепт «devil» как архетип страха и зла представлен следующим ассоциативным рядом: мужчина – черный цвет – дом – резкий громкий звук.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвокультурология; концепты; концептосфера; детская языковая картина мира; английский язык; страшные истории.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Асмус Нина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет.

Адрес: 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.

E-mail: nasmus@74.ru.

N. G. Asmus

Chelyabinsk, Russia

**LINGUOCULTURAL STUDY OF THE CONCEPT “DEVIL”
IN THE CHILD'S WORLD IMAGE (ON THE MATERIAL
OF THE INTERNET EDITIONS OF ENGLISH GHOST STORIES)**

ABSTRACT. The article discusses the main features of the representation of the concept “devil” in children's ghost stories in the English language. The analysis of the texts made it possible to identify four main conceptual features: “appearance”, “color”, “place”, “sound”. The concept of “devil” as an archetype of evil and fear is represented by the following associative characteristics: man-black color-house-sharp loud sound.

KEYWORDS: linguoculturology; concepts; concept sphere; children's language picture of the world; English language; scary stories.

ABOUT THE AUTHOR: Asmus Nina Gennad'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of English, Chelyabinsk State University.

Лингвистика XXI века активно разрабатывает направление, которое рассматривает язык не только как способ коммуникации и познания, но и как код нации и ее культуры. Язык – это зеркало культуры, в котором отражаются все ее особенности и традиции. Язык не познается отдельно от культуры, точно так же, как и культура не познается отдельно от языка. Лингвокультурология как наука, изучающая взаимовлияние структур языка, языковой картины и культуры, рассматривает способы языковой трансляции культуры.

Наметившаяся в последнее время тенденция к взаимопроникновению различных областей знания вызвала потребность в единице, сводящей воедино результаты различных познавательных процессов и ментальных операций, опредмеченных в языке и задействованных в коммуникации. Такой единицей стал концепт, при изучении которого произошло обобщение ряда аспектов лингвокогнитивной деятельности, прежде рассматривавшихся изолированно.

Ю. С. Степанов определяет концепт как сгусток культуры в сознании человека. Концепт – то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее [Степанов 1997: 40].

Национальный концепт – самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая в сознании, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью.

Лингвокультурология широко обсуждает категорию концептосферы человека – области знаний, составленной из концептов как ее единиц. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа.

Совокупность концептов, которыми располагают носители языка, не есть раз и навсегда данное множество. Известно, что в ходе исторического развития наборы концептов претерпевают

© Асмус Н. Г., 2019

Материалы были представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (состоялась 29-30 ноября 2019 года на базе Уральского государственного педагогического университета)

изменения, что определяется практическими потребностями людей, уровнем развития цивилизации, науки и техники, культуры общества в самом широком смысле слова и некоторыми другими факторами. С прогрессом человечества многие концепты оказываются навсегда утраченными, с появлением других происходило и продолжает происходить обогащение концептосферы. Судить об этом можно по изменениям в словарном составе языка.

Существуют концепты, уникальность которых заключается не только в принадлежности к определенной языковой культуре, но и в принадлежности к определенной группе людей в рамках этой культуры. Многие ученые отмечают тот факт, что языковая картина мира ребенка – явление уникальное, так как она формируется вместе с ним и очень отличается от языковой картины мира взрослых, хотя и испытывает на себе влияние последней и имеет некоторые ее черты.

Уже на ранних стадиях онтогенеза и социализации, которая, как известно, длится всю жизнь, ребенок начинает активно познавать окружающий его мир. Он не только учится родному языку, но и словно пробует слова на «вкус», вырабатывает к ним ассоциативные образы, через язык срастается со своей культурой. Языковое мышление ребенка – это та невидимая субстанция, которая формирует особую детскую концептосферу, отражающую детскую картину мира.

Концептосфера детской языковой картины мира включает в себя понятия, которые для детей кажутся особо важными и интересными. В детской языковой картине мира существует много концептов. Мы остановимся на одном из них – концепте «devil» как архетипе страха и зла.

Детская языковая картина мира отражает не только то, что дети видят, то, чему они учатся, но и их внутреннее психологическое состояние. Формирование психики – очень сложный этап в жизни ребенка, поэтому он с помощью языковых средств словно «помогает» сам себе преодолеть этот этап, рассказывая или сочиняя страшные истории.

Страшные истории помогают ребенку пережить страх, связанный с тем или иным явлением или ситуацией, выражают объективную реальность, так как большинство страшных историй имеют своей целью поразить слушателя своей правдивостью. А разнообразие сюжетов и героев только увеличивает возможность творчества.

С самых ранних времен люди верили в то, что дьявол является искушителем, испытателем человеческой души, олицетворением зла и порока. Его боялись, ему поклонялись. Основа английской религиозной культуры – христианство. Согласно истории религиозная культура всегда определяла состояние культуры народа в целом. Поэтому стоит отметить, что английская культура оказалась под влиянием религиозных канонов.

Понятие «*devil*» в английском языке появилось еще в XII веке. В библейских рассказах это понятие использовалось наравне с понятием «*satan*», что означало *the spirit or power of evil* (злой дух).

В рамках нашего исследования мы считаем необходимым рассмотреть определение понятия «*devil*», опираясь на толковые словари, каждый из которых рассматривает его с разных позиций.

“The Devil is the title given to the supernatural being, who, in mainstream Christianity, Islam, and some other religions, is believed to be a powerful, evil entity and the tempter of humankind. The Devil is commonly associated with heretics, infidels, and other unbelievers” (Дьявол – сверхъестественное существо, которое в большинстве религий, таких как христианство, ислам и многих других, считается могущественным, злым искушителем человечества. Дьявола часто ассоциируют с еретиками и атеистами) [Энциклопедия Википедия [http](http://)]. Здесь мы видим теологическое определение понятия «*devil*». В данной трактовке дьявол предстает в виде искушителя человечества. *“Devil in many religions, the major personified spirit of evil, ruler of Hell, and foe of God”* (Дьявол – во многих религиях основное олицетворение зла, владыка ада, противник Бога) [Online dictionary [http](http://)]. В данной трактовке появляется противопоставление дьявола и Бога, то есть одно явление объясняется путем противопоставления его другому. Исходя из данных определений, понятие «*devil*» – это некое существо, которое является олицетворением зла и греховности.

Исследование концепта «*devil*» представляется нам актуальной и достаточно сложной проблемой, так как понятие «*devil*» восходит к религиозным представлениям о мироздании. Религиозные идеи становятся для детей базой для познания основных категорий мира: что такое добро и зло; что такое хорошо, и что такое плохо; какого человека можно назвать хорошим и добрым, а какого – плохим и злым.

«*Devil*» в религии, философии, детских страшных историях выступает частью дихотомии «добро-зло», которая является

наиболее важной и сущностной для ребенка, но, вместе с тем, одной из наиболее относительных и субъективных. В детских страшных историях религиозные и философские знания получают субъективную окраску. Дети, обладая богатой фантазией и хорошим воображением, зачастую рожают новые видения концепта. В итоге главной чертой концепта становится нечто таинственное и необъяснимое, то, что происходит в результате действия сверхъестественной силы. Одной из самых главных «метафизических» проблем, занимающих ребенка, является тайна смерти. Вот почему большинство «страшилок» смертоносны. Обязательность смерти или ее угроза позволяют говорить о детских страшных историях не просто как о рассказах о страшном, а как о рассказах о смерти.

В рамках нашей статьи мы выделили в страшных рассказах контексты, в которых репрезентирован концепт «devil», интерпретировали данные фрагменты, провели классификацию полученных результатов и на основании статистического анализа вывели концептуальный «портрет», состоящий из наиболее частотных лингвокультурологических признаков.

В результате анализа нам удалось выделить основные характеристики репрезентации концепта «devil» в детских страшных историях:

1) религиозная концепция понятия строит базу миропонимания ребенка. «Devil» ассоциируется со злом, несет в себе негативный концептуальный признак, «Бог» или «священник» ассоциируется с противоборствующей силой, то есть добром, и несет в себе позитивный концептуальный признак;

2) если в религии «devil» является олицетворением категории зла, то в детских страшных историях происходит слияние этих понятий, то есть «дьявол» не только искушает или карает, но и помогает человеку;

3) в детских страшных историях «devil» персонифицирован, максимально приближен к человеку и так же, как и человек, противоречив;

4) само включение концепта «devil» в детский страшный рассказ привносит в повествование таинственность и мистицизм.

Многие ученые отмечают тот факт, что детское мышление во многом похоже на мышление первобытного человека, поэтому способность к персонализации и игровая фантазия служат прекрасной базой для рождения целого ряда демонологических

персонажей. Архетип зверя, с момента его появления в наивной картине мира ребенка, вызывает тревогу и ужас.

Анализ текстов детских страшных историй позволил выделить четыре основных концептуальных признака концепта «devil»: «внешность», «цвет», «место», «звук», которые помогли исследовать концепт на лексико-семантическом и фоносемантическом уровнях. А сам концепт «devil» в сознании ребенка несет в себе уже целый ряд устрашающих признаков. Рассмотрим концептуальный признак «внешность». Обычно дьявола отождествляют с драконом. Например, “...*a dragon, with a head like a horse, a snake-like body and bat’s wings with thick forked tail*” (...дракон с головой лошади, телом змеи, крыльями летучей мыши и вилкообразным хвостом) [American folklore http], “*The horns on the head were very sharp, and the legs impossibly long*” (Рога на его голове были очень острые, а ноги невероятно длинные) [American folklore http], “*It has snakes for hair. If you look at its eyes you will faint. Then it will bite you. Its breath is a rock*” (Вместо волос у него змеи. Если посмотришь в его глаза, упадешь в обморок. После этого он укусит тебя. Его дыхание каменное) [Real ghost stories http].

Такой «сборный» портрет чудовища аккумулирует в себе все то страшное и непонятное, все то, что не может объяснить ребенок, и что, по его мнению, способно впечатлить других детей. Подобные зооморфные образы, по мнению ученых, взяты из других, возможно, более старых сказок, поверий и легенд.

В другом рассказе дьявол предстает в виде черного коня, обладающего недюжинной силой: “*It was magnificent animal, pitch black in color, tall, sleek and rippling with muscle. It had a wicked gleam in its black eyes*” (Это было величественное черное как смоль животное, высокое, с гладкой кожей и рельефными мускулами. В его черных глазах был виден зловещий блеск) [American folklore http]. Качественные прилагательные «*magnificent*» (величественный), «*tall*» (высокий), «*sleek*» (гладкий, холеный), «*rippling*» (напряженный, пульсирующий) подчеркивают ничтожность человека перед таким существом, а также мощь и силу самого дьявола. На подсознательном уровне ребенок испытывает страх перед всем большим, могучим, непонятным.

В иных контекстах мы видим, что дьявол видится ребенку в виде существа с головой лошади и ногами птицы – “...*a large winged creature with a horse-like head and bird-like legs*” (...большое существо с крыльями, головой лошади и птичьими

лапами) [American folklore [http](#)]; в виде волосатого гнома с пластмассовой ногой – “*A monster of a lawn gnome... It had a plastic leg that it could take off and hit people with it. It had a detached head. Its long hair could come alive and kill you*” (Монстр лесной гном... У него есть пластмассовая нога, которой он бьет людей. Его голова отрывается от тела, а длинные волосы могут ожить и убить тебя) [A spooky story [http](#)]; в виде бабочки с красными глазами и огромными крыльями – “*...a creature with large red eyes and large wings like a moth... It has no head, and red eyes set into its chest*” (существо с большими красными глазами, большими крыльями бабочки... У него нет головы, а красные глаза смотрят из грудной клетки) [Urban legends [http](#)]. Так как корни детских страшных историй лежат в фольклоре и мифологии, важно учитывать и национальную мифологию при анализе детской языковой картины мира. В кельтской мифологии рогатый олень являлся богом-покровителем. Рогатый Кернуннос – бог охоты и травли, божество умирающей и воскресающей природы, охотник и зверь в одном лице, ассоциировавшийся с плодородием и мужской силой. Однако позже в средневековой Англии рога стали символом позора, презрения, порочности и обманутого мужа. Это связано с тем, что христианство ассоциировало Рогатого Бога с дьяволом и силой зла. Именно поэтому дьявола часто изображают с рогами на голове.

Волк в кельтской мифологии – посредник между небесным и подземным мирами, а также проводник в загробном царстве. В кельтской и германской мифологии встречаются псы преисподней, сопровождающие владыку мертвых или просто владыку иного мира. Именно из-за мифической принадлежности волка к демоническому миру дьявол в воображении детей приобретает форму волка.

Следующий концептуальный признак – «цвет». Одной из главных характеристик страшной истории является цвет персонажа или окружающих его предметов. Цвета детских страшных рассказов, а их мы выделили пять, являются символами и могут интерпретироваться каждый по-своему. Мы исследовали частотность употребления следующих цветов в проанализированных страшных историях: черный, красный, желтый, оранжевый, серый.

Функция цвета в детских рассказах значительна. Демонологические силы начинают действовать с обретением мифолого-символического цвета. Именно цветом иницируются их злоеющие свойства и качества.

Доминирующим цветом по частотности употребления является черный. Лексические сочетания с черным цветом указывают на прямую причастность предмета к злым силам, родство с дьяволом: «*black arts*» (черная магия), «*black hair*» (черные волосы), «*long black whiskers*» (длинные черные усы), «*thick black oozing mass*» (плотная черная влажная масса), «*little black dog*» (маленькая черная собака), «*a huge black wolf*» (огромный черный волк), «*eyes were completely black*» (абсолютно черные глаза), «...*a dim light appeared from the pitch-black hallway*» (...тусклый свет появился в темном коридоре), «*a black figure*» (черная фигура).

Черный – это неизвестность и тайна, которая дает путь всему новому. Черный – символ ночи, смерти, раскаяния, греха, тишины и пустоты. Поскольку черный поглощает все другие цвета, он также выражает отрицание и отчаяние, является противостоянием белому и обозначает негативное начало. В христианской традиции черный символизирует горе, оплакивание и скорбь. Черный – это также цвет неожиданности. Неожиданное появление чего-то неприятного: “*All of a sudden everything went black!*” (Внезапно все вокруг стало черным!) [Spooky stories [http](#)], “*All I saw was black*” (Все, что я видел, было черного цвета) [Spooky stories [http](#)].

Черный цвет для ребенка синонимичен страху. Дети боятся темноты, верят в примету о перебежавшей дорогу черной кошке. Дети больше всего не любят именно этот цвет, называя его цветом зла и несчастья.

Следующим цветом по частотности употребления идет красный. Он рождает ассоциации с ярким пламенем, опасностью, сердцем и кровью. Красный цвет символизирует гнев, войну, революцию, силу. Красный флаг в Британском военноморском флоте существует с XVII века и символизирует «вызов на бой». Этот цвет используют для предупреждения об опасности (например, дорожные знаки). В христианской религии сатана, дьявол часто изображаются либо красными, либо носящими красную одежду.

Лексические сочетания со словом «*red*» подтверждают идею о зловещем предзнаменовании, опасности: «*red-lipped girl*» (девушка с красными губами), «*pulsing red muscles*» (красные пульсирующие мускулы), «*on the mirror in big, red letters words said*» (на зеркале большими красными буквами написано), «*eyes glowing red*» (сверкающие красные глаза), «*eyes turned red*» (глаза налились кровью), «*ruby red colored smoke*» (дым цвета рубина).

Иногда красный и черный цвета встречаются в сочетании. Например, в рассказе “*Nowhere*” («Нигде»): “*What was inside was red and black, and had a face. It was the owner of the house, and he had a note in his hand*” (То, что было внутри, было красного и черного цвета, и у него было лицо. Это был хозяин дома, в руке его была записка) [Spooky stories [http](http://)]. Девочка, спустившись в подвал ужасного дома, увидела там красно-черного мертвеца. Очевидно, что мертвые люди вовсе не красные и не черные, но детская фантазия и особенности мировосприятия рисуют именно такую картину. Сочетание красного и черного в сознании ребенка является символикой загробного мира. Обычно в красно-черном цвете делают гробы. Возможно, именно этим можно объяснить такое цветовое видение мертвеца в рассказе.

В проанализированных нами страшных историях следующими по частотности идут серый и желтый цвета. Желтый – цвет предательства, ревности, трусливости, лжи. В некоторых странах Европы желтым мазали двери домов преступников и предателей. Иуда и Каин обычно изображаются с желтыми бородами. Желтый цвет – цвет болезни. Желтый крест ставили на чумных домах.

Для ребенка желтый цвет символизирует боль и отвращение. Лексические сочетания подтверждают эту идею: «*long yellowed fangs*» (длинные желтые клыки), «*glowing yellow eyes*» (сверкающие желтые глаза), «*blood is thick and yellowish*» (густая желтая кровь).

А серый в основном имеет несколько негативное значение (отречение, смирение, меланхолия, безразличие, смерть, траур, наказание и т. п.). Чаще всего серый цвет встречается в словосочетании «*grey fog*» (серый туман).

Оранжевый, последний в списке по частотности цвет, в геральдике – цвет предательства и лицемерия. Однако в большинстве своем он воспринимается детьми как цвет радости, солнца, лета. Это и объясняет низкий уровень частотности лексемы «*orange*» в текстах страшных историй.

Необходимо также отметить, что важную роль в страшных историях играет цвет глаз описываемого монстра или чудовища. Как известно, глаза – зеркало души, и именно цвет глаз для детей выдает намерения человека. Вера в «дурной глаз» убеждает ребенка в том, что нужно опасаться людей, глаза которых выглядят странно. Детское сознание очень восприимчиво к подоб-

ным запретам и потому рождает невиданные формы (красные, желтые и даже оранжевые глаза).

Следующий концептуальный признак – «место». Для детей очень важно разграничение опасных и безопасных мест. Опасные места – это те, где существует большая вероятность встретиться со злыми, демоническими силами. Безопасное место, в свою очередь, – то, где ребенок чувствует себя максимально защищенным.

Страшная история, по своей сути «шоковая терапия», ломает все стереотипные детские представления об опасных и безопасных местах. Демонические силы беспрепятственно проникают в дом (самое безопасное место, по мнению детей), прячутся в шкафах, под кроватью, за закрытыми дверями, в ванной комнате. Понятие «дом» для детей имеет много смыслов, слитых воедино и эмоционально окрашенных. Это и кров, убежище, защита от непогоды и напастей внешнего мира, здесь можно укрыться, спрятаться, отгородиться: «Мой дом – моя крепость».

Для большинства детей отсутствие родителей дома – трудный момент. Они чувствуют себя оставленными, беззащитными, а привычные комнаты и вещи без взрослых словно начинают жить своей особой жизнью, становятся другими. Поскольку тема защищенности дома и страшные фантазии актуальны практически для всех детей, они находят свое отражение в детском фольклоре, в традиционных страшных историях, передающихся из поколения в поколение.

Ребенок – герой страшной истории может чувствовать себя защищенным, только если в его доме нет никаких отверстий, которые могли бы открыться как вход во внешний мир, полный опасностей.

В проанализированных нами страшных рассказах столкновение героя с дьяволом, демонической силой чаще всего происходит именно дома. Дом становится объектом атаки со стороны злых сил. Поэтому лексема «*house*» (дом) встречается в детских страшных историях наиболее часто: «*darkened house*» (темный дом), «*nightmare house*» (дом кошмара), «*house of terror*» (дом ужаса), «*spooky old house*» (странный старый дом), «*old house*» (зловещий старый дом), «*eerily quiet house*» (зловещий тихий дом). Оценочные прилагательные, использованные в данных эпитетах, несут в себе негативную коннотацию.

Например, в рассказе «*Boo-hag*» («Ведьма») главный герой, для того чтобы изгнать и уничтожить свою жену-демона,

закрашивает все окна синей краской и заколачивает их, полностью изолируя внутреннее пространство дома. Однако демону удается проникнуть в дом сквозь маленькое окошечко на чердаке: *“Bobby listened as she flew around the house, testing each window and door and howling like a banshee when it burned her skinless hands. Then she found the little window in the cellar, and he heard the thump as she landed beside it, followed by a painful whimpering sound as she squeezed and squeezed herself through the narrow opening, her skinless red muscles and blue veins tearing painfully against the rough wood”* (Бобби слышал, как она летала вокруг дома, проверяя каждое окно, каждую дверь, и завывала как банши, когда что-то прикасалось к ее оголенной руке. Потом она обнаружила маленькое окошечко на чердаке. Он услышал, что она приземлилась рядом с ним. Она протискивалась через маленькое окно, раздирая оголенные красные мускулы и синие вены о дерево, воя от боли) [American folklore [http](http://)].

Лексема *«banshee»* (банши) в ирландской мифологии означает павшего ангела, который появляется возле дома обреченного на смерть человека и своими характерными стонами и рыданиями оповещает, что час его кончины близок. Это существо, обладающее демоническими способностями, является из потустороннего мира. Лексема *«banshee»* несет в себе негативную коннотацию.

В другом рассказе продавший душу дьяволу человек каждую ночь вынужден был встречать дьявола на пороге своего дома, в обмен на первенство среди фермеров: *“The canoe landed on the ground in the clearing next to Dubroise house and the Devil jumped out with a whip in his hand”* (Каное приземлилось на поляне рядом с домом Дюбруа, и из него выпрыгнул дьявол с кнутом в руке) [American folklore [http](http://)]. В данном примере лексема *«whip»* (кнут) подчеркивает силу и нацеленность дьявола на какое-то злое действие. Кнут отождествляется с могуществом и способностью полностью контролировать ситуацию.

Дом и некоторые находящиеся в нем комнаты могут стать «страшным местом» – местом потенциальной встречи с демоническими силами. В детских страшных историях столкновение героя-ребенка с дьяволом в собственном доме происходит именно тогда, когда ребенок остается один. Оставшись в одиночестве, ребенок чувствует себя беззащитным и более уязвимым.

Очень часто в детских страшных историях встречается лексема *«basement»* (подвал). Это то самое страшное и необжи-

тое место в доме, где герой истории абсолютно беззащитен. История начинается с обычного детского любопытства: *"I always wondered what is in my basement, but my mom told me never to go down there"* (Мне всегда было интересно, что находится в нашем подвале, но моя мама запретила мне ходить туда) [Spooky stories [http](#)]. Конечно же, в повествовании запрет нарушается, и в качестве кары за это нарушение герой становится жертвой демонической силы, обитающей в подвале: *"The werewolf came towards me and grabbed my legs and chained me to the wall"* (Оборотень подошел ко мне, схватил меня и приковал цепями к стене) [Spooky stories [http](#)].

Следующее по частотности место встречи героя детской страшной истории с демоническими силами выражается в текстах лексемами «*forest*»/«*woods*». Древние кельты верили, что лес является таинственным местом, населенным духами, богами и призраками. Детское мышление схоже с архаичным, поэтому в детских страшных рассказах лес является символом дикой природы, опасности и отдаленности от цивилизации. В этом случае лексемы «*forest*» и «*woods*» не только по семантическому, но и по эмоциональному наполнению, становятся частью дихотомии «опасно-безопасно», где понятие «опасно» выражено через лексемы «*forest*» и «*woods*», а понятие «безопасно», соответственно, через лексему «*house*». Встреча с демоническими силами происходит, как правило, в темном, туманом лесу или в лесу, обладающем дурной славой. Описание леса в рассказе зачастую осуществляется при помощи эпитетов с негативной коннотацией. В рассказе *"Step drag"* («След») молодые люди, отправившиеся в лес на пикник, становятся жертвами духа, живущего в лесу – *"They all ran off in different directions into the dark woods. After a few minutes David yelled for everyone to come to him. It was hard to follow his voice in the underbrush; it was hard to believe that the woods in camp were so thick and impenetrable"* (Все разбежались по темному лесу в разных направлениях. Через несколько минут Дэвид позвал всех. Кустарники мешали идти на звук его голоса – трудно было поверить, что лес возле лагеря был таким густым и непроходимым) [Ghost stories [http](#)].

Лес в мифологии древних кельтов, населявших Англию, был местом перехода в загробный или потусторонний мир. Кельты полагали, что врата в другой мир выглядят как лабиринт, изогнутый спиралью и покрытый туманом, и существуют во многих местах, а переход в потусторонний мир наиболее удачно

осуществлялся в темное время суток, особенно в сумерки и в тумане. Поэтому образ темного и туманного леса в английской лингвокультуре является одним из наиболее ярких, способных вызвать животный страх и любопытство.

Посещение «страшных мест» является одной из самых ранних попыток самостоятельного исследования и эмоционального переживания значимых элементов окружающей среды и формирования детского мифа о мире. Посещение «страшных мест» переживается как магический выход в качественно иное пространство, где ребенок панически боится оказаться, потому что оно не для живых людей. В описаниях «страшных мест» вне дома дети обычно отмечают их темноту, холод, запах сырости и тлена – их могильность, принадлежность миру мертвых. Предполагается, что там находятся ужасные обитатели, не являющиеся людьми. Дети идут в «страшные места», чтобы постоять на границе знакомого и обжитого дневного мира и входа в мир иной. Зачем? Чтобы почувствовать экзистенциальный ужас. Это первая попытка активного совладания с ним, когда ребенок уже не избегает, а, наоборот, ищет встречи с ужасным и готов с ним соприкоснуться [Осорина 1986: 44].

Важную роль в лингвокультурологическом исследовании концепта «devil» в детских страшных историях играет концептуальный признак «звук».

Использование звукоизобразительности для создания ярких художественных образов, усиления экспрессивности речи особенно характерно для детских рассказов. Широкое распространение звукоизобразительной лексики и фоностилистических приемов в текстах для детей обусловлено, прежде всего, наличием звукоизобразительности в детской речи, особенно на ранних стадиях онтогенеза. Ребенок ищет в слове образные элементы, которые помогают ему связать физическую сторону слова и свойства предмета [Егорова 2008: 8].

Детские страшные истории характеризуются средствами фоносемантической экспрессии, такими как: аллитерация, диссонанс, повторение, звукоподражание.

Основная цель детских страшных историй, которые являются частью устного фольклорного жанра, – вызвать страх и ужас у слушателей. Функциональная направленность детских страшных историй во многом определяет их звуковое оформление. Ниже приведен пример из рассказа “*Blue baby bonnet*” («Ре-

бенок в голубом чепчике»), обладающий высокой частотностью звуковых и лексических повторов:

*“As she began to walk home she heard
‘Blue Baby Bonnet One Mile Away’
As she reaches her home she hears
‘Blue Baby Bonnet, One Mile Away’
As she sits in her living room to read a book she hears
‘Blue Baby Bonnet, Coming Up the Driveway’
She runs upstairs and sits on her bed she hears
‘Blue Baby Bonnet, Standing At Your Door’
She hides under the bed and hears
‘Blue Baby... BOOO!”*

(По дороге домой она услышала

«Ребенок в голубом чепчике в миле от тебя»

Дойдя до дома, она услышала

«Ребенок в голубом чепчике в миле от тебя»

Читая в комнате книгу, она слышит

«Ребенок в голубом чепчике приближается к твоему подъезду»

Она бежит вверх и сидя в своей комнате, слышит

«Ребенок в голубом чепчике стоит у твоей двери»

Спрятавшись под кровать, она слышит

«Ребенок в голубом... Бу!») [The bogeyman [http](http://)].

Лексическое повторение словосочетания *Blue Baby Bonnet* («Ребенок в голубом чепчике») создает эффект надвигающейся опасности, неизбежности, невозможности ее предотвратить. Аллитерация глухого взрывного губного звука [b] создает напряжение, звучит зловеще и мрачно. Аллитерация чередующихся фрикативных переднеязычных звуков [j] и [s] создает диссонанс, эффект «шипения», вызывает напряжение и тревогу. Диссонанс в детских страшных историях создает напряженную обстановку повествования. Негативные эмоции, вызываемые диссонансом, подчеркивают негативную коннотацию концепта «devil».

В рассказе “*Creak*” («Скрип») каждая строчка начинается со звукоподражательных слов *creak* (скрип), *crack* (треск), *whoosh* (свист), *thump* (глухой звук, удар). Лексическое повторение этих слов передает монотонность, непрерывность действия. Аллитерация глухого заднеязычного звука [k] и фрикативного переднеязычного [s] создает эффект резких ритмичных движений.

Лексически повторы слов звукоподражаний создают ощущение приближения и надвигающейся опасности.

“step...step...step...step...step” (шаги),

“thump, thump, thump...” (шум),
“step...drag...step...drag...step” (волочащиеся шаги).

Подобные лексические повторы служат мощным средством создания экспрессии, заставляют слушателя поверить в приближение какого-то существа, возможно, наделенного демонической силой.

Анализ детских страшных историй показал, что на фонетическом уровне концепт «devil» объективируется также посредством междометий, большее число которых выражает испуг. К примеру, *“All of a sudden everything went black! ‘AAAAHHHHH!’ I heard something scream”* (Внезапно все вокруг стало черным! АААА! Я услышал чей-то крик) [Spooky stories [http](#)]; *“I felt a painful pinch. Maybe it was a spider bite, but then I felt it sizzling in pain. It hurt more than anything! Ouch!”* (Я почувствовал болезненный щипок. Возможно, меня укусил паук, после я почувствовал обжигающую боль. Болело, так как никогда! Ой!) [Spooky stories [http](#)]. Подобные междометия приближают рассказ к реальности, заставляют слушателя поверить, что это все было на самом деле и что рассказчик, это испытывавший, до сих пор чувствует ту самую боль или страх. Употребление междометий в повествовании усиливает фактографичность «страшилки».

Отдельным пунктом среди фонетических и лексических средств выразительности мы выделяем так называемые магические слова. Например, *“Hickory, hickory, Do make these boys disappear”* (Хикори, хикори, пусть эти мальчики исчезнут). Или *“... and Baptiste said the magic words: ‘Acabris! Acabras! Acabram!’”* (... и баптист сказал магические слова: «Акабрис! Акабрас! Акабрам!») [Spooky stories [http](#)]. Обычно такие слова не имеют никакого смысла и зачастую придумываются детьми на ходу. Однако вовлеченные в текст «страшилки» они создают мистический эффект, когда при произношении каких-то непонятных слов происходит что-то невероятное: исчезают люди, появляются монстры и т. д.

Обобщив результаты анализа четырех концептуальных признаков, можно сделать вывод, что концепт «devil» как архетип зла и страха в детской языковой картине мира представлен следующим ассоциативным рядом: мужчина – черный цвет – дом – резкий громкий звук.

Исследование специфики детской языковой картины мира, выраженной в детских страшных историях, позволило выявить, что концепт «devil» способствует развитию у ребенка опреде-

ленных моделей поведения, разграничению понятий «добро» и «зло», «хорошо» и «плохо», помогает пережить страх и фобии.

ЛИТЕРАТУРА

Егорова А. А. Звукоизобразительность в традиционной английской детской поэзии (на материале Nursery Rhymes) : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2008. 25 с.

Осорина М. В. «Черная простыня летит по городу» или Зачем дети рассказывают страшные истории // Знание-сила. – 1986. № 10. С. 43-45.

Словарь литературоведческих терминов. – Режим доступа: <http://slovar.lib.ru/dictionary/koncept.htm> (дата обращения: 20.10.2019).

Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры: опыт исследования. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Энциклопедия Википедия. – Режим доступа: <http://en.wikipedia.org/wiki/Devil> (дата обращения: 15.10.2019).

A spooky story. – Mode of access: <http://hubpages.com/hub/A-Spooky-Story> (date of access: 27.10.2019).

American folklore. – Mode of access: <http://www.americanfolklore.net/folktales/tx3.html> (date of access: 21.10.2019).

Ghost stories. – Mode of access: <http://www.macscouter.com/Stories/GhostStories.asp> (date of access: 22.10.2019).

Halloween ghost stories. – Mode of access: <http://www.halloweenghoststories.com> (date of access: 25.10.2019).

Halloween stories. – Mode of access: <http://www.halloweenmagazine.com/articles/gobandghouls.htm#at> (date of access: 18.10.2019).

Online dictionary. – Mode of access: <http://dictionary.reference.com> (date of access: 20.10.2019).

Real ghost stories. – Mode of access: <http://www.yourghoststories.com/real-ghost-story.php?story=2588> (date of access: 15.10.2019).

Spooky stories. – Mode of access: <http://www.myteacherpages.com/webpages/mrsthonus/student.cfm?subpage=221421> (date of access: 22.10.2019).

The bogeyman. – Mode of access: http://www.bukisa.com/articles/124978_the-bogeyman (date of access: 21.10.2019).

Urban legends. – Mode of access: <http://www.scaryforkids.com/urban-legends> (date of access: 23.10.2019).

REFERENCES

Egorova A. A. Zvukoizobrazitel'nost' v traditsionnoy angliyskoy detskoy poezii (na materiale Nursery Rhymes) : dis. ... kand. filol. nauk. – Moskva, 2008. 25 s.

Osorina M. V. «Chernaya prostynya letit po gorodu» ili Zachem deti rasskazyvayut strashnye istorii // Znanie-sila. – 1986. № 10. S. 43-45.

Slovar' literaturovedcheskikh terminov. – Rezhim dostupa: <http://slovar.lib.ru/dictionary/koncept.htm> (data obrashcheniya: 20.10.2019).

Stepanov Yu. S. Konstanty : slovar' russkoy kul'tury: opyt issledovaniya. – M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1997. 824 s.

Entsiklopediya Vikipediya. – Rezhim dostupa: <http://en.wikipedia.org/wiki/Devil> (data obrashcheniya: 15.10.2019).

A spooky story. – Mode of access: <http://hubpages.com/hub/A-Spooky-Story> (date of access: 27.10.2019).

American folklore. – Mode of access: <http://www.americanfolklore.net/folktales/tx3.html> (date of access: 21.10.2019).

Ghost stories. – Mode of access: <http://www.macscouter.com/Stories/GhostStories.asp> (date of access: 22.10.2019).

Halloween ghost stories. – Mode of access: <http://www.halloweenghoststories.com> (date of access: 25.10.2019).

Halloween stories. – Mode of access: <http://www.halloweenmagazine.com/articles/gobandghouls.htm#at> (date of access: 18.10.2019).

Online dictionary. – Mode of access: <http://dictionary.reference.com> (date of access: 20.10.2019).

Real ghost stories. – Mode of access: <http://www.yourghoststories.com/real-ghost-story.php?story=2588> (date of access: 15.10.2019).

Spooky stories. – Mode of access: <http://www.myteacherpages.com/webpages/mrsthonus/student.cfm?subpage=221421> (date of access: 22.10.2019).

The bogeyman. – Mode of access: http://www.bukisa.com/articles/124978_the-bogeyman (date of access: 21.10.2019).

Urban legends. – Mode of access: <http://www.scaryforkids.com/urban-legends> (date of access: 23.10.2019).

М. С. Бачурка

Алматы, Казахстан

НЕКОТОРЫЕ КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОЦЕНОЧНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются особенности реализации оценочных речевых актов в педагогическом дискурсе, которые обладают культурной спецификой. К специфическим характеристикам коммуникативной ситуации, в которых разворачиваются оценочные речевые акты, относятся особый ролевой статус говорящего и адресата и характер отношений между ними, время и место осуществления речевого акта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевые акты; речевая деятельность; педагогическая риторика; педагогический дискурс; культурно-специфические особенности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Бачурка Мария Сергеевна, кандидат филологических наук, Директор института языковой подготовки и сертификации, Казахстанско-Немецкий университет.

Адрес: 050010, Казахстан, г. Алматы, ул. Пушкина, 111.

M. S. Bachurka

Almaty, Kazakhstan

SOME CULTURAL-SPECIFIC FEATURES OF IMPLEMENTATION OF VALUED SPEECH ACTS IN PEDAGOGICAL DISCOURSE

ABSTRACT. The article discusses the features of the implementation of evaluative speech acts in pedagogical discourse, which are culturally specific. The specific characteristics of the communicative situation in which evaluative speech acts unfold include the special role status of the speaker and the addressee and the nature of the relationship between them, the time and place of the speech act.

KEYWORDS: speech acts; speech activity; pedagogical rhetoric; pedagogical discourse; culturally specific features.

ABOUT THE AUTHOR: Bachurka Maria Sergeevna, Candidate of Philology, Director of the Institute of Language Training and Certification, Kazakh-German University.

Специфика национального характера и культурные ценности оказывают большое влияние на русскую и американскую языковую личность. Однотипные речевые акты в схожих коммуникативных ситуациях реализуются по-разному и оформляются разными языковыми средствами.

Носители рассматриваемых коммуникативных культур по-разному понимают коммуникативную целесообразность и успешность речи и, соответственно, в каждой из них сложились своеобразная категория вежливости и набор правил речевого этикета.

К специфическим характеристикам коммуникативной ситуации, в которых разворачиваются оценочные речевые акты, относятся особый ролевой статус говорящего и адресата и характер отношений между ними, время и место осуществления речевого акта.

Говорящий – это учитель, обладающий более сильной коммуникативной позицией, иерархически находящийся в силу особенностей педагогической коммуникации выше ученика. В русскоязычном дискурсе педагогическая доминантность обусловлена не только профессиональным фактором, но и спецификой национального коммуникативного поведения. И. А. Стернин, Ю. Е. Прохоров отмечали такую специфическую черту поведения русских, как регулятивность: «Возможность модификации поведения собеседника в русских коммуникативных традициях очень высока. Русские люди достаточно часто и в самых разных ситуациях пытаются регулировать поведение окружающих людей – детей (своих и чужих), которым все взрослые постоянно говорят, что надо делать и что не надо делать; знакомых, которым дают советы, как лучше поступать; незнакомых и иностранцев, которым делают замечания, предъявляют определенные требования, предупреждают об их неправильном поведении и т. д. Русский человек может открыто, в лицо предъявить претензии как знакомому, так и незнакомому ему человеку, может потребовать соблюдения определенных норм или правил. Например: „А почему вы...“ С точки зрения западноевропейцев, русские постоянно вмешиваются в дела других людей. Английский преподаватель сформулировал это так: „В каждой ситуации

© Бачурка М. С., 2019

Материалы были представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лигвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (состоялась 29-30 ноября 2019 года на базе Уральского государственного педагогического университета)

в России есть кто-то, кто хочет контролировать поведение окружающих. Обычно это бабушки". Американский волонтер „Корпуса мира“ замечает: „Каждая бабушка будет тебя ругать, что ты не оделся тепло в холодный день“. Й. Ричмонд так об этом пишет: „Русские выглядят обязанными вмешиваться в личные дела других. Пожилые русские выговаривают совершенно незнакомым молодым мужчинам и женщинам за совершенные ошибки, используя неперсонифицированные обращения *молодой человек, девушка*. На улицах пожилые женщины выступают с добровольными советами молодым матерям по уходу за детьми. К американским родителям на улице пристали русские женщины и обвинили их в том, что они недостаточно тепло одевают ребенка для суровой зимы. Американец, ребенок которого был одет в изолирующий костюмчик, ответил в этой ситуации тем, что, расстегнув костюмчик ребенка, призвал русских женщин попробовать, насколько теплым было тело ребенка. В коллективистском обществе дело каждого – это и дело всех остальных (одно из вмешательств, которое приветствуется и ожидается, сообщение, что у вас уши побелели – признак обморожения)“ (с. 19-20)» [Прохоров 2006: 114].

Далее Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин говорят о проявлении этой национальной черты в русской педагогической традиции: «Коммуникативное поведение педагога в силу этого имеет черты доминантности, предполагает безусловное выполнение его требований, как связанных с учебной, так и с дисциплиной. Допускается повышение голоса, императивные конструкции. Вежливость по отношению к ученикам желательна, но не обязательна, может допускать исключения. Учитель в общении с учащимися фактически имеет право повысить голос, усилить эмоциональность речи, допустить резкие и категоричные высказывания, предъявить категоричные требования, может нарушить некоторые общепринятые „взрослые“ нормы вежливости» [Прохоров 2006: 115].

Доминантность позиции учителя как коммуниканта проявляется прежде всего в том, что он практически всегда является инициатором речевых актов, далее именно он осуществляет выбор адресата из множества других. Коммуникативное доминирование учителя обусловлено экстралингвистическими факторами: должностью, возрастом, большим жизненным опытом, профессиональной подготовкой. Он занимает должность учителя, намного старше ученика, обладает более значительным

жизненным опытом, владеет специальными знаниями, имеет профессиональное и должностное право оценивать ученика, его учебную деятельность, внеучебную подготовку и поведение.

Ученик, соответственно, является более слабым коммуникантом, ролевой статус ограничивает его «коммуникативные права». Так, например, он не всегда может быть инициатором коммуникативного контакта. Его желание инициировать речевой контакт с учителем носит ритуализованный характер, например, в русской коммуникативной традиции ученик должен поднять руку, если он хочет обратиться к учителю, чтобы получить разрешение, должен встать при разговоре с ним. Коммуникативная свобода ученика в русской коммуникативной культуре ограничена также тем, что он не имеет права разговаривать с другими учениками во время урока без разрешения учителя. Иначе учитель фиксирует это нарушение с помощью замечаний:

Дронов, помолчи, я тебе не давала разрешения высказываться.

Слава, ты что там разговорился? Я тебе, кажется, слова не давала.

Кто там у меня болтает на задней парте? Может, у доски лучше поболтаете о галетах и монозиготном размножении?

Для американской коммуникации характерна коммуникативная неимпозитивность, которая предопределяет относительно небольшую вертикальную дистанцию, т. е. несоблюдение иерархии во взаимоотношениях коммуникантов. В русской коммуникативной культуре вертикальная дистанция гораздо больше. Даже при наличии социальной асимметрии американцы, обладающие большей властью, не стремятся демонстрировать ее, а напротив, стараются ее завуалировать, соблюдая принцип социального равенства: *Will you kindly open your bag?* (на таможне) [Ларина 2003: 91].

Эта неформальность и демократичность взаимоотношений проявляется и в педагогическом дискурсе: *Would you like to read, Mary?* (учитель на уроке).

Учащиеся в американской педагогической коммуникации более свободны как коммуниканты, могут инициировать речевые акты с учителем во время урока без соблюдения определенных ритуалов – поднятия руки, вставания и проч. Учитель, обладая более сильной коммуникативной позицией, не стремится обозначать ее вербально и не подчеркивает ее.

ЛИТЕРАТУРА

Ларина Т. В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (на материале английской и русской коммуникативных культур) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20. – М. : РУДН, 2003.

Прохоров Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – М. : Флинта, 2006. 193 с.

Стернин И. А. Коммуникативное поведение как предмет описания. – Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~susov/Sternin.htm>.

REFERENCES

Larina T. V. Kategoriya veshlivosti v aspekte mezhkul'turnoy kommunikatsii (na materiale angliyskoy i russkoy kommunikativnykh kul'tur) : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.20. – M. : RUDN, 2003.

Prokhorov Yu. E. Russkie: kommunikativnoe povedenie / Yu. E. Prokhorov, I. A. Sternin. – M. : Flinta, 2006. 193 s.

Sternin I. A. Kommunikativnoe povedenie kak predmet opisaniya. – Rezhim dostupa: <http://homepages.tversu.ru/~susov/Sternin.htm>.

Н. П. Булахова

Красноярск, Россия

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭПИТЕТОВ В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ С ПРИЗНАКАМИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ: ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются особенности функционирования эпитетов в тактиках, реализующих стратегию дискредитации, на материале текстов, тяготеющих к осуществлению интенций информационно-психологической войны. Анализ показал, что рассматриваемое средство языковой выразительности способствует снижению социальной роли мишени ИГВ, приданию тексту иронической тональности, созданию пейоративной характеристики и компрометирующих ассоциаций, передаче авторской оценки того или иного объекта, выражению речевой агрессии и речевой манипуляции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационно-психологические войны; эпитеты; стратегия дискредитации; речевая агрессия; речевая манипуляция; политический дискурс; СМИ; средства массовой информации; медиалингвистика; медиатексты; медиадискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Булахова Наталья Петровна, преподаватель, аспирант 1-го года обучения, Сибирский федеральный университет.
Адрес: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79.
E-mail: Nbulakhova21@gmail.com.

N. P. Bulakhova

Krasnoyarsk, Russia

ABOUT THE USE OF EPITITES IN NEWSPAPER TEXTS WITH SIGNS OF INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WAR: A TACTICAL AND STRATEGIC ASPECT

ABSTRACT. The article discusses the features of the functioning of epithets in tactics that implement the strategy of discredit, on the basis of texts gravitating towards the implementation of the intentions of the information and psychological warfare. The analysis showed that the considered means of linguistic expressiveness helps to reduce the social role of the information and psychological warfare target, to give the text an ironic tone, to create a pejorative characteristic and incriminating associations, to transmit the author's assessment of an object, to express speech aggression and speech manipulation.

KEYWORDS: *psychological warfare; epithets; defamation strategy; speech aggression; speech manipulation; political discourse; media; media linguistics; media texts; media discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Bulakhova Natalia Petrovna, Lecturer, Postgraduate Student, Siberian Federal University.*

Введение. В последние несколько лет особое место в исследованиях такого социально-политического феномена, как информационно-психологическая война (далее – ИПВ), занимает языковой аспект – изучение специфики использования языка как оружия ИПВ. Это обстоятельство обусловило возникновение такого направления политической лингвистики, как лингвистика информационно-психологической войны (далее – ЛИПВ). ЛИПВ – новое междисциплинарное и многоаспектное направление политической лингвистики, привлекающее к себе внимание все большего количества исследователей (см., например, работы, опубликованные в журналах «Экология языка и коммуникативная практика» и «Политическая лингвистика»; коллективные монографии «Лингвистика информационно-психологической войны: Книга 1 (2017), Книга 2 (2019)»; Сборник трудов Всероссийской научной конференции «Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов. Новосибирск, 26-27 апреля 2018 г. и др.). Объектом изучения этой дисциплины является «специфика использования языка как средства ведения информационно-психологических войн» [Лингвистика... 2017: 17].

Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных информационной войне, вопрос об особенностях функционирования средств языковой выразительности в текстах, тяготеющих к осуществлению интенций ИПВ, изучен недостаточно. Одним из таких средств является эпитет, который мы определяем как «экспрессивное, то есть образное и/или эмоционально-оценочное определение предмета, явления, признака, признака и действия, создающее или подчеркивающее (интенсифицирующее) их изобразительное качество и/или аксиологическую характеристику и тем самым воздействующее на адресата. <...> Экспрессия, являющаяся обязательным признаком эпитета, может быть присуща ему как явлению языковой системы или задаваться контекстом его употребления» [Сквородников, Булахова 2017:

143]. Такое понимание эпитета позволило нам выделить 15 структурных моделей этого экспрессивного определения, включая и нетрадиционные его виды (деепричастия, деепричастные обороты, причастные обороты, экспрессивные придаточные определительные), названные нами эпитетоидами [Там же].

Исследование проводилось на основании 1340 примеров употребления эпитетов, обнаруженных в текстах с признаками ИПВ газет «Завтра» и «Новая газета».

Поскольку цель нашего исследования – определение особенностей функционирования эпитетов в тактиках, реализующих стратегию дискредитации, нами были использованы следующие методы: лингвоидеологический анализ, задача которого, согласно определению А. П. Сковородникова, – «вычленение, демонстрация и комментирование тех высказываний и фрагментов текста <...>, которые в совокупности своих контекстуальных связей обуславливают аксиологическую тональность» в отношении того или иного объекта (мишени – в терминах ЛИПВ) (подробнее см. [Сковородников 2019: 30]); представленный метод способствует не только определению идеологической направленности рассматриваемого материала, но и ее языковому описанию. Кроме того, методы компонентного и контекстного анализов использовались для выявления семантических особенностей анализируемого материала с целью дальнейшего выявления специфики функционирования эпитетов в рассматриваемых текстах; а также метод лексикографической идентификации для разграничения фактов языка и речи.

В данной работе под речевой стратегией, вслед за авторами коллективной монографии «Лингвистика информационно-психологической войны. Книга I» [Лингвистика... 2017], мы понимаем общий мыслительный план, или общую психологическую линию речевого поведения, определяемую «интенцией и коммуникативной целью (целями) говорящего/пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации как совокупности факторов, влияющих на планирование и реализацию речевой коммуникации (время и место коммуникации, интенции участников коммуникации, их профессиональные, возрастные, гендерные, этнические характеристики, социальные статусы и роли, особенности характера, тип межличностных отношений, эмоциональное состояние и другие факторы)» [Лингвистика... 2017: 66]; а под речевой тактикой – «речевое действие (речевой акт или несколько взаимосвязанных речевых актов), соответствующее

тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа. Использование речевой тактики или некоторой их совокупности призвано обеспечить осуществление речевой стратегии и, в конечном итоге, достижение коммуникативной цели говорящего/пишущего» [Там же].

В текстах ИПВ реализуются две основные стратегии – дискредитации (подрыва авторитета кого- или чего-либо) и глобификации (поднятия авторитета кого- или чего-либо). Поскольку каждая из этих стратегий реализуется в большом количестве речевых тактик и специфических языковых средств, мы ограничились целью статьи выявлением и описанием речевых тактик и соответствующих речевых средств, реализующих только одну стратегию – дискредитации.

Результаты исследования. На основании проанализированной литературы нами был создан перечень основных тактик стратегии дискредитации, в формулировках названий которых в ряде случаев мы ориентировались на работы следующих авторов: [Лингвистика... 2017; Михалёва 2009; Копнина 2008, 2017; Иссерс 2009; Тагильцева 2018, 2019; Сквородников, Копнина 2016а, 2016б, 2016в; Сквородников, Королькова 2015; Колмогорова 2018]. В стратегии дискредитации мы выделили три субстратегии – а) диффамации, б) прямого негативного оценивания, в) косвенного негативного оценивания, которые реализуются в основном различными тактиками.

I. Субстратегия диффамации – распространения порочащих сведений, характеристик мишени, представлена следующими тактиками.

1.1. Тактика бездоказательных негативных высказываний, характеризующих описываемое явление действительности:

*В Чечне является новостью только жизнь – общественная и частная – Рамзана Кадырова. Его управленческая деятельность, его силовые структуры, его вмешательство в религиозную сферу, его внешнеполитические связи, его поездки в Хадж с ближайшим окружением, его семейные визиты к очередному арабскому шейху, его дети-хафизы, его жена-предпринимательница, его мать-благотворительница, его многочисленные хобби: футбол, бокс, бои без правил, лошади, собаки и остальной зверинец. Теперь вот появилась постоянная рубрика: «Его враги». Вся эта **простая и грубая информационная***

машина работает на деньги, которые министерство печати Чечни, местные СМИ и блогеры получают из федерального российского бюджета (НГ. 2016. № 10). В данном примере рассматриваемая тактика, представленная бездоказательным тезисом, негативно характеризующим Кадырова, дополняется перечислением таких же бездоказательных фактов о его жизни и деятельности. Эпитеты в данном случае интенсифицируют заключительную часть негативной характеристики Кадырова.

*Тихой сапой, где-то летом, что-то они там приняли, провернули, передернули, подписали, и вот с 1 января **безжалостная пила** пошла резать льготы инвалидам. <...> Листовки с поздравлениями и рекламой сыпали в почтовые ящики **килограммами**, но листовку, где власть оповещала бы инвалидов о том, что им уменьшили льготы, разнести не удосужились. <...> Такие вещи они делают втихую* (НГ. 2016. № 8). В данном примере эпитеты придают характеристике действий властей значение скрытости, бесчеловечности, причем решающую роль в формировании оценки здесь играют контекст и лексическая сочетаемость. Так, благодаря ближайшему контексту усиливается отрицательная оценочность эпитета *безжалостная*; образность эпитета-интенсификатора *килограммами* создается приемом гиперболзации, а эпитет *втихую*, который в словаре имеет стилевую помету *прост.* [Ожегов, Шведова 2006: 107], уже в лексическом значении содержит сему отрицательной оценки.

*Асад, может, и выиграл с российско-иранской помощью гражданскую войну, но большинство населения его **люто ненавидит**, а страна **совершенно разорена и разрушена**, и ни Запад, ни богатые арабы существенной помощи пока не обещают.* (НГ. 2019. № 8). В данном примере рассматриваемая тактика реализуется благодаря эпитетам-интенсификаторам *люто* и *совершенно*, которые способствуют подчеркиванию отрицательной оценочности определяемых слов.

1.2. Тактика такой подачи диффамирующей информации, при которой факты и аргументы заменяются мнением автора, что создает эффект обличения оппонента:

*Любое сближение между ЕС и Россией вытесняет американцев на периферию сначала европейской, а потом и мировой политики. Поэтому США **кровно заинтересованы** в разжигании конфликтов в центре Европы* (Завтра. 2016. № 16). В данном примере диффамация представлена во фрагменте *заинтересованы в разжигании конфликтов в центре Европы*,

отрицательная оценочность которого усиливается благодаря эпитету-интенсификатору *кровно*.

Нынешние метания России выглядят вблизи суетой местного режима, загнанного в угол собственной близорукостью и корыстью (НГ. 2016. № 16). В приведенном примере эпитетом выступает причастный оборот, представленный фразеологической метафорой (*загнанного в угол*) и словами с явно негативным лексическим значением: *близорукостью* («перен. Недальновидный, лишенный проницательности» [Ожегов, Шведова 2006: 51]), *корыстью* («тоже, что корыстолюбие» [Толковый... 2011: 369]). Наличие нескольких оценочных элементов способствует усилению пейоративной характеристики политического режима.

Одновременно с этим в Америке продолжают существовать мощные амбициозные группы, требующие участия Америки в глобальном управлении. И эти два процесса – глобальные амбиции и усталость – складываются во внутренние противоречия, которые разрушают и разъедают Америку (Завтра. 2016. № 11). Эпитет, выраженный экспрессивным придаточным определительным, выполняет роль заключительного компонента высказывания, выражающего авторскую оценку, тем самым придавая пейоративную тональность всему высказыванию.

1.3. Тактика «детективного расследования», где автор представляет пошаговое разоблачение объекта через указание на его ошибки в виде иронии или издевки:

17 сентября сирийская ПВО сбита над Средиземным морем российской ракетой большой дальности 5В28 ЗРК С-200В разведывательный самолет Ил-20 ВКС РФ, который заходил на посадку в Хмеймим после проведения разведки позиций боевиков в соседней провинции Идлиб. Все 15 человек на борту – летный экипаж и расчет радиоэлектронного комплекса – погибли. В ответ Москва безвозмездно поставила сирийцам три дивизиона С-300 и до 200 ракет, а также системы РЭБ (радиоэлектронной борьбы) и контроля воздушного пространства. В Минобороны обосновали это странное решение, обвинив в катастрофе ЦАХАЛ и представив в качестве доказательства фантастическую 3D-мультипликацию, на которой, как потом выяснилось, радарные отметки гражданских самолетов, летевших вблизи воздушного пространства Кипра, были представлены как израильские истребители, которых там не было (НГ. 2019. № 8). Данный текст построен так,

чтобы обвинить, с одной стороны, военное руководство России в некомпетентности и даже глупости (**безвозмездно поставило сирийцам три дивизиона С-300 и до 200 ракет**), а с другой, в попытке свалить вину на израильтян (**представив в качестве доказательства фантастическую 3D-мультимпликацию**).

Что до Лизы, то бедная Лиза раскололась за несколько дней. <...> Стали делать над ней экспертизы – и узнали: с двенадцати лет два любовника было у Лизы, а насилия не было, нет. Так что **символ невинности чистой** оказался не чище, увы, чем нацисты, садисты, чекисты и другие кумиры Москвы (НГ. 2016. № 10). Отметим, что в данном примере представлен особый случай взаимодействия двух разных моделей эпитетов в виде синтаксически связанной цепочки **символ невинности** → **невиновности чистой**. Отрицательная оценочность выделенных эпитетов создается благодаря ближайшему контексту (**оказался не чище, увы**), создавая эффект обманутого ожидания; и такому расположению атрибутивного словосочетания, в котором происходит сопоставление нескольких между собой несвязанных понятий, что приводит к дискредитации одного из них (**символ невинности чистой** → **нацисты, садисты, чекисты и другие кумиры Москвы**).

Как передают из Киева, отсутствие новых траншей «финансовой помощи» и кредитов нынешнему «правительству Украины» вызывает у Порошенко и Ко **растущую панику**, что проявляется как в заявлениях ряда участников нынешнего кабинета министров об отставке, так и в **лихорадочных попытках** получить хоть какие-то новые активы (решение Верховной Рады о «виртуальном реверсе» из ЕС транзитного российского газа, идущего через территорию «незалежной») (Завтра. 2016. № 6). В данном примере эпитеты способствуют созданию характеристики действий мишени, причем негативная тональность передается при помощи ближайшего контекста.

1.4. Тактика такой детализации отрицательной характеристики мишени в широком смысле (ситуации, события, чьих-либо действий и т. д.), которая создает иллюзию компетентности автора (авторов) этой характеристики и позволяет создать в тексте тональность осуждения (или, по крайней мере, – неприятия данного события или ситуации):

Ельцин стал Ельциным не потому, что он **люто ненави-дел** социализм или коммунизм, который, в общем-то, его **взрастил**, и в котором он **дорос** сначала до главы одного из

важнейших регионов, Свердловской области, а затем – и до кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. А потому, что он люто ненавидел саму Россию и русский народ. Истоки такой ненависти нам до сих пор неизвестны, но это была ненависть глубокая и всепоглощающая (Завтра. 2016. № 5). Эпитет-интенсификатор люто придает определяемому дополнительную пейоративную оценку, причем в этом фрагменте текста повтор этого эпитета не только реализует манипулятивный воздействующий потенциал, но и способствует выражению речевой агрессии. Эффект речевой агрессии в данном случае усиливается благодаря эпитетам глубокая и всепоглощающая (ненависть).

Впрочем, эта нелепица меркнет в сравнении с повадками нашей внесистемной оппозиции <...>. С «внесистемщиками» давно все ясно – кроме одной вещи: зачем они вечно тирану на тиранию жалуются? <...> Потому что сперва эти люди проповедуют на всех углах: «Путин – сатрап, режим держится лишь на терроре, <...> Кремль уже ничего не контролирует, а его ржавые ракеты не летают!» После чего следует молниеносный логический кульбит: «Поэтому спаси нас, тираннице, от кадыровцев и путинистов! <...>». Жить с такой логикой, должно быть, очень стыдно. <...> Показываться на людях, решившись выбежать из обмоченной каморки, – рискованно. С такой логикой можно лишь отбивать опостылевшую роль шута <...> (Завтра. 2016. № 8). В данном примере тональность осуждения создается за счет контекста и выделенных эпитетов, которые во взаимодействии с контекстом 1) подчеркивают нелогичность действий оппозиции (ср. зачем они вечно тирану на тиранию жалуются и После чего следует молниеносный логический кульбит: «Поэтому спаси нас, тираннице, от кадыровцев и путинистов!»); 2) способствуют (в последних двух предложениях) созданию иллюзии компетентности автора благодаря якобы фактическому изложению событий.

Нынешнее возвращение на Ближний Восток все больше похоже на повторение советского опыта 30-40-летней давности. Противостояние с Америкой, которую уже вполне официально переименовали из «партнера» в «вероятного противника». Нарастающие расходы и безвозмездные поставки вооружений, техники и оборудования в Сирию, Египет, Ливию и Ливан. Капиталовложения в обустройство бесполезных заморских баз. Гибель людей и потери в технике. И самое неприятное – местные союзники, которые, как и в прошлом, все

глубже втягивают нашу страну в бесконечные, бессмысленные и кровопролитные свары (НГ. 2019. № 8). В данном примере немаловажную роль в создании негативной тональности текста играет его структура, построенная как доказательство тезиса. Выделенные же отрицательно-оценочные эпитеты способствуют такому описанию ситуации, в котором негативная аксиологичность нагнетается, чему способствует нанизывание пейоративных прилагательных в конце предложения (**бесконечные, бессмысленные и кровопролитные свары**).

1.5. Тактика изображения мишени интеллектуально неполноценной и эмоционально неадекватной (недалекой, импульсивной, неосведомленной, агрессивной и т. п.):

*Сегодня перед нашими странами общие вызовы – это в первую очередь экспансия Запада, стремящегося **агрессивно навязать** нам свои стандарты и ценности* (Завтра. 2016. № 16). Эмоционально-оценочный эпитет *агрессивно* вместе с определяемым глаголом *навязать* входит в причастный оборот, являющийся в свою очередь эпитетом к существительному *Запада*, и в совокупности со словосочетанием *экспансия Запада* создает характеристику действий Запада как насильственных и намеренно вредительских.

*Либеральная часть общества подняла вопрос о свободе слова и конституционном праве на высказывание своего мнения. Михаил Ходорковский даже призвал российские СМИ поддерживать французских коллег и опубликовать карикатуры на пророка. «Эхо Москвы» провело опрос на эту тему, который вызвал **яростную реакцию** Размана Кадырова* (НГ. 2016. № 8). В данном примере за счет эпитета *яростную* создается негативный (импульсивный) образ главы Чеченской республики.

*На сегодняшнюю Чечню и ее лидера Кадырова объявлена настоящая охота. На него нападают с разных сторон. По-прежнему среди **оголтелых русских националистов** актуален лозунг «хватит кормить Кавказ»* (Завтра. 2016. № 9). В данном примере эпитет, негативная оценочность которого содержится в его лексическом значении («потерявший всякое чувство меры, крайне разнузданный» [Большой... 2000: 697]), создает пейоративную характеристику определяемого.

1.6. Тактика уничижительной характеристики мишени (или ее действий) без предъявления доказательств, например:

Бувайсар Сайтиев встретился с «клоуном», и на следующий день на чеченском телевидении вышел сюжет с записью

телефонного разговора Константина Сенченко с <...> Дмитрием Ефремовым. <...> В разговоре с Ефремовым Сенченко ведет себя совершенно безвольно и признает (а по сути, повторяет за Ефремовым), что чеченские сепаратисты (на стороне которых до 2002-го были Кадыровы) и российские федералы «воевали за единую общую Россию». Так себя ведут только те, кого запугали до смерти (НГ. 2016. № 10). В данном примере характеристика действий мишени создается благодаря пейоративному эпитету безвольно, при этом снижение авторитета участника телефонного разговора усиливается за счет всей конструкции (определяемое плюс определяющее) запугали до смерти.

Теперь в «Литературной газете» больше нет места государственным и патриотам. Результат этого сказался немедленно: тираж газеты упал, подписчики разбежались, газета вновь превратилась в литературного микроба, столь мелкого, что он не в состоянии породить эпидемии (Завтра. 2019. № 3). В данном примере уничижительная оценка содержится в яркой развернутой метафоре газета вновь превратилась в литературного микроба, столь мелкого, что он не в состоянии породить эпидемии, в которой структурный комплекс столь мелкого, что он не в состоянии породить эпидемии выполняет роль эпитета.

Честно говоря, не хотелось бы даже замечать эту дату. Но так как наши либералы подняли визг и вой в связи с юбилеем человека, которого они долгие годы выдавали за «всенародно избранного» кумира, а сегодня вновь стремятся раздуть эту абсолютно ненужную и позорную для нашей страны величину в нечто значимое, несколько слов по данному поводу сказать все-таки необходимо (Завтра. 2016. № 5). В данном примере уничижительная оценка мишени создается благодаря пейоративным эпитетам ненужную и позорную, отрицательная оценочность которых усиливается эпитетом-интенсификатором абсолютно.

II. Субстратегия прямого негативного оценивания (характеристики) мишени:

2.1. Тактика характеристики действий мишени как несостоятельных или нарушающих закон / нормы морали:

Это была сетевая кампания гражданского неповиновения в Сети, кампания, в которой люди просто отказывались исполнять идиотское решение власти, кампания, которая

так легко и просто самоорганизуется в интернете и так трудно возникает в реальной жизни (НГ. 2016. № 9). В данном примере пейоративный эпитет не только передает авторское отношение, но и способствует очернению власти.

*Это был «марш» солидарности с убийцей, <...> акция за фашистскую хунту – как будто им мало было просто почитать память пройдох (о Б.Е. Немцове – Н.Б.), **разграбившего пол страны** (Завтра. 2016. № 9). Преувеличение недостатков мишени в данном примере происходит благодаря пейоративному эпитету, выраженному причастным оборотом с гиперболизацией – **разграбившего пол страны**, и экспрессивно-оценочному определяемому пройдох, что в совокупности создает саркастическую тональность.*

*Я считаю, что Борис Николаевич Ельцин – это не фанатик какой-то идеи, красной или белой, капиталистической, гуманистической, либеральной и какой угодно. Это, на мой взгляд, просто **властолюбивый самодур**, которого использовали для развала сначала Советского Союза, а потом и России (Завтра. 2016. № 5). В данном примере сема неправомерных действий и поступков содержится уже в лексическом значении определяемого самодур («человек, действующий по произволу, по собственной прихоти, не считаясь с другими людьми» [Большой... 2000: 1143]) и подчеркивается при помощи эпитета **властолюбивый**.*

2.2. Тактика уничижительно-иронического преуменьшения каких-либо достоинств мишени (качества, силы, значимости, масштабности и т. д.) и/или преувеличения ее недостатков:

*До явления Путина Серову ничто не предвещало превращения Третьяковки в Брестскую крепость, которую нужно брать штурмом. С Кадыровым ситуация еще забавней. Его **титаническая борьба** с либералами протекала исключительно в интернете (НГ. 2016. № 8). В данном примере ироническая тональность текста создается благодаря тому, что эпитет **титаническая** выступает в роли антифразиса, который в данном контексте порождает эффект обманутого ожидания.*

*Ну, не настолько, как предлагают вроде бы **подрабатывающие сейчас безопасными либеральными пугалами Чубайс и Ко...** Но заработать на расколе между властью и обществом в России сегодня объявилось что-то слишком много желающих, слева направо и обратно (Завтра. 2019. № 3).*

В данном примере эпитет, выраженный причастным оборотом, создает уничижительную характеристику мишени.

*Среди других **прекрасных достижений антицифровой революции** можно упомянуть: закон о дата-центрах, содержащих персональные данные граждан России <...> Если в мире цифровая революция способствует большому удобству ведения бизнеса и росту ВВП, то российская **антицифровая революция** бизнес затрудняет и является способом перераспределения все более уменьшающегося пирога в пользу приближенных к государству контор <...> (НГ. 2016. № 2). Приведенный фрагмент текста показывает, что эпитет **прекрасных** используется в противоположном значении (антифразис), создавая ироническую окраску атрибутивного словосочетания **достижений антицифровой революции** и всего фрагмента в целом.*

2.3. Тактика нагнетания в тексте слов, обозначающих негативные явления, поступки и т. д. или обладающих негативной коннотацией, для соответствующей характеристики мишени, например:

*Слетелись почтить **«главного архитектора перестройки»**, **расчленившего Советскую Россию**, многие ненавистники нашей Родины <...>, прибывших из Германии, где сегодня в тепле и комфорте проживает большая часть бывшей советской **«номенклатуры»**, **нажившейся на развале собственной страны** <...>. Спасибо М.С. говорят и в Америке. Поскольку, как результат его **гениальных нововведений**, Советская Россия потеряла пояс своей стратегической безопасности <...> (Завтра. 2016. № 10). В приведенном примере причастные обороты в роли эпитетов, содержащие слова с отрицательным лексическим значением, и эпитет-антифразис **гениальных** в совокупности способствуют созданию характеристики периода правления М. С. Горбачева как неэффективного и упадочного.*

*Анатолий Борисович в подобных ситуациях всегда **чувствовал** себя как **рыба в воде**. Две «волги» за ваучер (вам, привыкшим к иномаркам, сегодня не понять этой **тонкой икры** на психологии советского человека), «приватизационные аукционы», где будущие олигархи на одолженные у государства деньги **за бесценок скупали** «Норильские никели», «Русские алюминии» и прочую «Сибнефть» <...>. Нет смысла спорить с Чубайсом, что-то в его словах опровергать, что-то доказывать. Более того, нет смысла вообще слушать и как-то **всерьез воспринимать** сказанное им. Ничего, кроме по-*

пытки очередного надувательства, от этого великого либерала и западника ждать не приходится (Завтра. 2019. № 3). В данном примере в формировании дискредитирующей характеристики мишени большую роль играет контекст, в котором автор текста отсылает читателя к негативному опыту прошлых лет, создавая пейоративную тональность всего текста. Выделенные эпитеты подкрепляют отрицательный образ, а ироническая тональность атрибутивного словосочетания *великого либерала и западника* создает уничижительную оценку.

*На моих глазах тысячи людей обходили блокировку и таким образом отвергали **дикое, ущербное, варварское решение** суда и Роскомнадзора. <...> Это была сетевая кампания гражданского неповиновения в Сети, кампания, в которой люди просто отказывались исполнять **идиотское решение** власти <...>. Блокировка Рутрекера <...> стоит в ряду других **разрушительных решений и намерений** власти. <...> им нужна только человеческая **безгласная и бездумная масса**, которую они могут **мять, выдавливая из нее деньги*** (НГ. 2016. № 9). В данном примере мишенью выступает решение власти и сама власть, которые характеризуются как бессмысленные за счет нагнетания пейоративных эпитетов. Причем манипулятивный потенциал атрибутивных словосочетаний усиливается благодаря нанизыванию отрицательно-оценочных определений (*дикое, ущербное, варварское решение*), использованию, по сути дела, инвективы (*идиотское решение власти*) и созданию особого звучания текста – аллитерации (*разрушительных решений и намерений*) и анафорического повтора (*безгласная и бездумная масса*).

2.4. Тактика дискредитации мишени путем изображения безобразного и/или оскорбления, а также приписывания мишени отрицательных качеств, ей не свойственных:

*Ведь в 1999 году, в момент, когда **Ельцин, уже практически остывающий и разлагающийся от страшных деяний**, <...> передал власть молодому президенту, политологи во всем мире строили прогнозы, когда Россия перестанет существовать <...>* (Завтра. 2016. № 7). Эпитет, выраженный причастным оборотом, содержит не только оценочное имя прилагательное *страшных*, но и метафорические причастия *остывающий, разлагающийся*, за счет которых и дискредитируется Б. Н. Ельцин.

На Ближнем Востоке разверзается **громодная черная дыра**. Из нее выползает **мерзкая отератительная медуза ИГИЛ**, тянет свои щупальца к русскому Северному Кавказу, к Крыму, к Средней Азии (Завтра. 2016. № 10). В данном примере благодаря контексту и эпитетам **мерзкая** и **отератительная** формируется метафорический образ запрещенной в РФ террористической организации.

По мере сжатия даров системной коррупции система просто перестает работать. Уже сейчас она очищена от специалистов и утрамбована универсальными менеджерами, обученными эффективно осваивать бюджеты, но ничему более. Это особая, **безжалостная порода людей с холодными глазами и липкими руками**, которых уже сейчас явное перепроизводство. Когда часть этих людей окажется на улице, а потом и выйдет на улицу, власть будет с тоской вспоминать про белые ленты и зубную эмаль (НГ. 2016. № 2).

III. Субстратегия косвенного негативного оценивания:

3.1. Тактика создания компрометирующих сопоставлений и сравнений:

Теперь Чубайс предлагает реформировать тарифную сетку, увеличить цены на электричество частным и государственным предприятиям и заводам. И это увеличение скажется на продуктовых ценах, которые и так **растут, как поганые грибы** (Завтра. 2019. № 3). В данном примере сравнительный оборот, выступающий в роли эпитета, придает тексту образность, при этом способствует выражению авторской оценки – негодования и недовольства по поводу быстрого роста цен, а следовательно и того, чьи действия вызывают повышение цен.

Вы слышите, как грохочут сапоги либералов по брусчатке Красной площади? Видите, как они перекрашивают кремлевские соборы, дворцы и башни в цвет своей **радужной слизи**? (Завтра. 2019. № 3). Данное высказывание предупреждает об угрозе режиму, исходящей со стороны так называемых либералов, что достигается путем намека через введение словосочетания «радужная слизь».

Запад **спускает Саакашвили с цепи, как азартного пса**, везде, где нужно ломать хребет негодным персонам, народам, государствам (Завтра. 2016. № 7). За счет отрицательно-оценочного эпитета, выраженного сравнительным оборотом с союзом **как**, создается не только пейоративный образ Саакашвили, но и дискредитируется Запад.

3.2. Тактика похвалы одних на фоне порицания других:

А мы всегда проигрываем в такой ситуации, потому что российская внешняя политика выстраивается с позиции справедливости, с позиции блага для всех. Ср. далее: Американцы же всегда будут действовать с позиции лжи, коварства (Завтра. 2016. № 16). За счет антитезы (противопоставляются эпитеты справедливости, блага и лжи, коварства) в рамках небольшого контекста формируется мелиоративная характеристика России и пейоративная Америки, а также ярко очерчивается авторское отношение к описываемому.

Либеральные театры на своих микроскопических сценах продолжают коверкать русскую классику, упражняться в сквернословии и мерзких аллюзиях. Этот парад микроцефалов не будет длиться вечно. Солнце русского Крыма продолжит свое свечение. Ледоколы в арктических льдах поведут караваны русских кораблей: русской философии, русской литературы, русского вероисповедания. Молодое поколение русских писателей, поколение Прилепина и Шаргунова, пробивает полынью в либеральных льдах. «Литературная газета» вновь сбросит с себя тлетворное либеральное рубище и облечется в белые одежды. «Молодые капитаны поведут наш караван» (Завтра. 2019. № 3). В данном примере реализуется также тактика предвосхищения событий, благодаря чему автор создает положительный образ будущего России на фоне негативных высказываний о либеральном течении.

Модерн не отменен, но стал другим, в том числе войдя в метасистему постмодерна. <...> Но Россия вновь вне времени. Она оставляет при себе худшее, что есть в некритично воспринимаемом Модерне. <...> <...> Чем больше ада во внешнем мире показывает телевизор, тем хуже ожидания уготованного нам здесь. Запад, породивший Модерн, но и смиливший его, опять вызывает в России зависть, реализуемую в уничтожении несостоявшегося предмета страсти (НГ. 2016. № 16). В данном примере создается образ неразвитой России. Способствует этому не только контекст, но и эпитет-интенсификатор непрожитое толком, определяемые не новое, доисторическое прошлое, приобретающие в данном тексте негативную оценочность, а также сопоставление Запада и России в заключительной части фрагмента текста.

Представим полученные данные в виде таблицы (см. Таблица).

Таблица

СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ	
Субстратегия диффамации	Тактика бездоказательных негативных высказываний, характеризующих описываемое явление действительности
	Тактика такой подачи диффамирующей информации, при которой факты и аргументы заменяются мнением автора
	Тактика «детективного расследования», где автор представляет пошаговое разоблачение объекта через указание в иронической форме на его ошибки
	Тактика такой детализации отрицательной характеристики мишени в широком смысле (ситуации, события, чьих-либо действий и т. д.), которая создает иллюзию компетентности автора (авторов) этой характеристики и позволяет создать в тексте тональность осуждения (или, по крайней мере, – неприятия данного события или ситуации)
	Тактика изображения мишени интеллектуально неполноценной и эмоционально неадекватной (недалекой, импульсивной, неосведомленной, агрессивной и т. п.)
	Тактика уничижительной характеристики мишени (или ее действий) без предъявления доказательств
Стратегия прямого негативного оценивания (характеристики) мишени	Тактика характеристики действий мишени как несостоятельных или нарушающих закон / нормы морали
	Тактика уничижительно-иронического преуменьшения каких-либо достоинств мишени (качества, силы, значимости, масштабности и т. д.) и/или преувеличения ее недостатков
	Тактика нагнетания в тексте слов, обозначающих негативные явления, поступки и т. д. или обладающих негативной коннотацией, для соответствующей характеристики мишени

	Тактика дискредитации мишени путем ее осквернения, изображения безобразного или приписывания мишени качеств, ей не свойственных
Субстратегия косвенного негативного оценивания (характеристики) мишени	Тактика создания компрометирующих сопоставлений и сравнений
	Тактика похвалы одних на фоне порицания других

Как показано в таблице, наиболее частотны эпитеты принимают участие в реализации субстратегии диффамации, что, на наш взгляд, обуславливается ее распространенностью в рассматриваемых текстах. Во всех трех субстратегиях, в реализации которых участвуют эпитеты, в большей или меньшей степени проявляется так называемая речевая агрессия, под которой мы понимаем «словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Щербинина 2008: 15].

Закключение. В ходе анализа были выявлены особенности функционирования эпитетов в реализации субстратегий и тактик стратегии дискредитации. Рассматриваемое средство языковой выразительности способствует снижению социальной роли мишени ИПВ, приданию тексту иронической тональности, созданию пейоративной характеристики и компрометирующих ассоциаций, передаче авторской оценки того или иного объекта, выражению речевой агрессии и речевой манипуляции. Отметим, что представленные результаты исследования не претендуют на полноту и будут восполняться и уточняться в ходе дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. 1-е изд.-е. – СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.

Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов : сборник трудов Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26-27 апреля 2018 г.) / под науч. ред. проф. В. Ш. Сабирова ; СибГУТИ. – Новосибирск : СибГУТИ, 2018. 820 с.

Иссерс О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». – М. : Флинта : Наука, 2009. 224 с.

Колмогорова А. В. Дискурсивные стратегии легитимации однополых браков в российском медиапространстве // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. № 2. С. 99-117.

Копнина Г. А. Речевые тактики и приемы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов) // Политическая лингвистика. – 2017. № 5 (65). С. 206-216.

Копнина Г. А. Речевое манипулирование : учеб. пособие. 2-е издание. – М. : Флинта, 2008. 176 с.

Лингвистика информационно-психологической войны : монография / А. А. Бернацкая, И. В. Евсеева, А. В. Колмогорова [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сковородникова. – Красноярск : Сиб. федер. унт, 2017. Книга I. 340 с.

Лингвистика информационно-психологической войны : монография / А. А. Бернацкая, Л. А. Гаврилов, В. А. Жилина [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сковородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. Кн. II. 488 с.

Михалёва О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. – М. : Либроком, 2009. 252 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

Сковородников А. П. Ложка дегтя в бочке меда (об одной «детали» романа Евгения Водолазкина «Лавр») // Политическая лингвистика. – 2018. № 2 (68). С. 29-39.

Сковородников А. П., Копнина Г. А. О психологических основаниях лингвистики информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016б. № 2. С. 238-258.

Сковородников А. П., Копнина Г. А. О философских основаниях лингвистики информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016а. № 1. С. 35-50.

Сковородников А. П., Булахова Н. П. К определению понятия «эпитет» (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. № 2. С. 122-143.

Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. – 2016в. № 1 (55). С. 42-51.

Сковородников А. П., Королькова Э. А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. – 2015. № 3 (53). С. 160-172.

Тагильцева Ю. Р. А был ли «новичок»? Стратегии и тактики информационно-психологической войны британских СМИ в «деле Скрипаля» // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 10-14 окт. 2018 г.). – Екатеринбург, 2018. С. 246-248.

Тагильцева Ю. Р. Стратегии и тактики информационно-психологической войны в контексте российско-британских отношений // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. № 4. С. 92-104.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.

Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. Изд. 2-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 360 с.

REFERENCES

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. 1-e izd-e. – SPb. : Norint, 1998. 1536 s.

Informatsionnye voyny kak bor'ba geopoliticheskikh protivnikov, tsivilizatsiy i razlichnykh etosov : sbornik trudov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (g. Novosibirsk, 26-27 aprelya 2018 g.) / pod nauch. red. prof. V. Sh. Sabirova ; SibGUTI. – Novosibirsk : SibGUTI, 2018. 820 s.

Issers O. S. Rechevoe vozdeystvie : ucheb. posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Svyazi s obshchestvennost'yu». – M. : Flinta : Nauka, 2009. 224 s.

Kolmogorova A. V. Diskursivnye strategii legitimatsii odnopolykh brakov v rossiyskom mediaprostranstve // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. – 2018. № 2. S. 99-117.

Kopnina G. A. Rechevye taktiki i priemy diskreditatsii pravoslaviya v sovremennoy informatsionno-psikhologicheskoy voyne (na materiale internet-tekstov) // Politicheskaya lingvistika. – 2017. № 5 (65). S. 206-216.

Kopnina G. A. Rechevoe manipulirovanie : ucheb. posobie. 2-e izdanie. – M. : Flinta, 2008. 176 s.

Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monografiya / A. A. Bernatskaya, I. V. Evseeva, A. V. Kolmogorova [i dr.] ; pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. – Krasnoyarsk : Sib. feder. unt, 2017. Kniga I. 340 s.

Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monografiya / A. A. Bernatskaya, L. A. Gavrilov, V. A. Zhilina [i dr.] ; pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. – Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2019. Kn. II. 488 s.

Mikhaleva O. L. Politicheskii diskurs. Spetsifika manipuliyativnogo vozdeystviya. – M. : Librokom, 2009. 252 s.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy. 4-e izd., dop. – M. : OOO «A TEMP», 2006. 944 s.

Skovorodnikov A. P. Lozhka degtya v bochke meda (ob odnoy «detali» romana Evgeniya Vodolazkina «Lavr») // Politicheskaya lingvistika. – 2018. № 2 (68). S. 29-39.

Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. O psikhologicheskikh osnovaniyakh lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. – 2016b. № 2. S. 238-258.

Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. O filosofskikh osnovaniyakh lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny // *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. – 2016a. № 1. S. 35-50.

Skovorodnikov A. P., Bulakhova N. P. K opredeleniyu ponyatiya «epitet» (predugotovlenie k funktsional'noy kharakteristike) // *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. – 2017. № 2. S. 122-143.

Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // *Politicheskaya lingvistika*. – 2016v. № 1 (55). S. 42-51.

Skovorodnikov A. P., Korol'kova E. A. Rechevye taktiki i yazykovye sredstva politicheskoy informatsionno-psikhologicheskoy voyny v Rossii: etiko-pragmaticheskiy aspekt (na materiale «Novoy gazety») // *Politicheskaya lingvistika*. – 2015. № 3 (53). S. 160-172.

Tagil'tseva Yu. R. A byl li «novichok»? Strategii i taktiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny britanskikh SMI v «dele Skripalya» // *Uchimsya ponimat' Rossiyu: politicheskaya i massmediynaya kommunikatsiya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 10-14 okt. 2018 g.)*. – Ekaterinburg, 2018. S. 246-248.

Tagil'tseva Yu. R. Strategii i taktiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny v kontekste rossiysko-britanskikh otnosheniy // *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. – 2018. № 4. S. 92-104.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / RAN ; Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova ; otv. red. N. Yu. Shvedova. – M. : Izdatel'skiy tsentr «Azbukovnik», 2011. 1175 s.

Shcherbinina Yu. V. Verbal'naya agressiya. Izd. 2-e. – M. : Izd-vo LKI, 2008. 360 s.

Т. В. Гоголина, Е. Н. Иванова
Екатеринбург, Россия

СПЕЦИФИКА ВКЛЮЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ МАГИСТРАНТОВ В ОСВОЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена решению одной из актуальных проблем профессионального высшего образования: обучению иностранных магистрантов в лингвистически ориентированной магистратуре. В статье обобщен методический опыт использования различных форм проведения занятий и тренировочных упражнений с включением межъязыкового комментария в обучение иностранных студентов теоретическим и практическим лингвистическим дисциплинам, к числу которых относятся «Язык современного города», «Проблемы изучения языковой личности», «Теория речевой деятельности», «Теоретические и практические аспекты психолингвистических исследований», и руководства научно-исследовательской работой иностранных магистрантов.*

Основным принципом, организующим совместное обучение русскоязычных и иностранных магистрантов, можно считать разработку заданий и алгоритмов, учитывающих национальный языковой компонент. Материалы статьи могут быть использованы в организации занятий и самостоятельной работы иностранных студентов по лингвистическим дисциплинам магистратуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *китайские студенты; китайский язык; русский язык как иностранный; учебные дисциплины; языковая личность; речевая деятельность; научно-исследовательские проекты; проектная деятельность; метод проектов; магистратура.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *Гоголина Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и русского языка Института филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет.*

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: gogolinatv@yandex.ru.

Иванова Евгения Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и русского языка Института филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет.

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: z3411828@yandex.ru.

T. V. Gogolina, E. N. Ivanova
Ekaterinburg, Russia

THE SPECIFICS OF THE INCLUSION OF FOREIGN UNDERGRADUATES IN THE DEVELOPMENT OF LINGUISTIC DISCIPLINES

ABSTRACT. *The article is devoted to the solution of one of the urgent problems of professional higher education: the training of foreign undergraduates in a linguistically oriented magistracy.*

The article summarizes the methodological experience of using various forms of conducting classes and training exercises with the inclusion of cross-language commentary in the teaching of foreign students in theoretical and practical linguistic disciplines, which include "The language of the modern city", "Problems of studying a linguistic personality", "Theory of speech activity", "Theoretical and practical aspects of psycholinguistic research", and the management of the research work of foreign undergraduates.

The main principle organizing joint training of Russian-speaking and foreign graduate students can be considered the development of tasks and algorithms that take into account the national language component. The materials of the article can be used in the organization of classes and independent work of foreign students in the linguistic disciplines of the magistracy.

KEYWORDS: *Chinese students; Chinese; Russian as a foreign language; educational disciplines; linguistic identity; speech activity; research projects; project activities; project method; magistracy.*

ABOUT THE AUTHORS: *Gogolina Tatyana Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Linguistics and the Russian Language of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University.*

Ivanova Evgeniya Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Linguistics and the Russian Language of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University.

Практика обучения иностранных студентов по основным образовательным программам Института филологии и межкультурной коммуникации (УрГПУ) в настоящее время актуальна и востребована как в России, так и за рубежом. Преподаватели института приобрели опыт разноаспектной работы с иностранными студентами и продолжают совершенствоваться, обучая и стажеров, и студентов бакалавриата и магистратуры, и аспирантов.

Сделаем несколько предварительных замечаний: во-первых, относительно уровня владения обучающимися русским языком, который может быть разным, например, у стажеров, нацеленных на совершенствование своих языковых навыков, он довольно высокий, во-вторых, преподаватели не владеют китайским языком, не используют язык-посредник в обучении. В свою очередь, преподаватель может в какой-то мере опираться на методические разработки в области русского языка как иностранного (см., например, [Лебедева 1981; Барановская 1984; Мазина 1989; Стернин 2013; Биденко 2013]), но они не вполне применимы к изучению теоретических лингвистических дисциплин в магистратуре.

В статье речь идет о студентах второй степени высшего образования из Монголии и Китая, обучавшихся параллельно с русскими студентами по магистерским программам «Психолингвистика в образовании» и «Психолингвистические технологии в обучении русскому языку».

Учебный план этих обучающихся весьма разнообразен в наполнении теоретическими и практикоориентированными лингвистическими дисциплинами, поэтому рассмотрим подробнее формы организации самостоятельной работы в рамках курсов «Теория речевой деятельности», «Теоретические и практические аспекты психолингвистических исследований», «Проблемы изучения языковой личности» и «Язык современного города».

Промежуточная аттестация по двум последним дисциплинам проводится в форме экзамена, который предполагает защиту индивидуального проекта, в основе которого должен быть алгоритм описания личности, заранее предложенный студентам. При разработке алгоритма использованы модели описания языковой личности, авторами которых выступили классики лингвоперсонологии Г. И. Богин [Богин 1984], Ю. Н. Караулов [Караулов 1987]. Сама последовательность операций и их конкретное содержательное наполнение при описании языковой личности представлены, например, в [Иванова 2018].

Алгоритм описания языковой личности, которым пользуются русскоязычные обучающиеся (представлен ниже), позволяет охарактеризовать различные типы языковых личностей, учесть специфику каждого типа.

1. Краткие сведения о личности (образование, род деятельности, окружение и т. д.).

2. Характеристика вида речевой деятельности (говорение или письмо) и особенностей текстов/коммуникативной ситуации, выбранных для представления личности.

3. Анализ вербально-семантического (собственно языкового) уровня языковой личности:

а) выявление орфографических (орфоэпических, в т. ч. акцентологических) предпочтений личности: отношение личности к соответствующей языковой норме, наличие стойких ошибок или соблюдение норм этого уровня, причины отступления от норм и т. п.;

*определение уровня владения фонетикой в таком виде речевой деятельности, как говорение (по Г. И. Богину [Богин 1984]);

б) словообразовательные предпочтения личности (при наличии таковых): словообразовательные ресурсы в текстах личности, языковая игра с аффиксами и т. д.;

в) лексические предпочтения личности: отношение личности к лексической норме в целом, соблюдение таких коммуникативных качеств речи, как чистота, богатство, уместность; отношение личности к заимствованиям, терминам, устаревшим словам, «пристрастия» к фразеологизмам; способность личности к языковой игре;

*определение уровня владения лексикой (по Г. И. Богину [Богин 1984]);

г) грамматические предпочтения личности: отношение к грамматической норме в целом; соблюдение/несоблюдение всех норм в области морфологии и синтаксиса; «пристрастия» личности к определенным конструкциям; разнообразие/однообразие синтаксических конструкций;

*определение уровня владения грамматикой (по Г. И. Богину [Богин 1984]);

д) стилистические предпочтения: использование личностью тропов; владение синтаксическими фигурами.

4. Вывод об уровне языковой/речевой компетенции личности.

5. Характеристика идиостиля (в случае описания языковой личности писателя): норма-аномальность, простота-сложность, инерционность-новаторство.

6. Вывод о возможности отнесения описываемой личности к некоторому типу (с учетом типа речевой культуры личности [Стернин 2013] (элитарная, литературная, среднелите-

ратурная, фамильярно-разговорная, просторечно-жаргонная), стратегии поведения в конфликтной ситуации (инвективная, куртуазная, рационально-эвристическая [Горелов 1997]).

7. Характеристика элементов когнитивного уровня языковой личности (концепты, идеи, понятия – единицы данного уровня модели языковой личности). Реконструкция основных мировоззренческих установок личности (по идеографическим сферам), системы ценностей (ценностных ориентиров).

8. Вывод о психотипе личности, отраженном в текстах (рационал – иррационал, оптимист – пессимист и т. п.).

9. Характеристика элементов мотивационного уровня языковой личности: анализ самопрезентации [Иссерс 2008] личности (особенно публичной): симпатия-антипатия, близость-дистанцированность, сила-слабость в определением ведущих тактик самопрезентации (игра в своего парня, игра на повышение/понижение статуса, «силовое влияние»); описание прецедентных феноменов (имен, текстов, ситуаций) с определением сфер-источников прецедентов, коммуникативных потребностей личности (контактоустанавливающей, информационной, воздействующей) и их языковых маркеров.

10. Вывод об уровне коммуникативной компетенции личности, коммуникативной удаче/неудаче и т. п.

11. Заключение о цельности языковой личности, определенных доминантных ее проявлениях в текстовом материале.

Изучение языковой личности и особенности ее описания можно предложить и иностранным магистрантам с учетом особенностей определенного типа личности (**языковая личность иностранного студента**), при характеристике которого они смогут воспользоваться методами наблюдения и самонаблюдения. Описание языковой личности иностранного обучающегося будет полезным для русскоязычных студентов, в то время как языковые личности, охарактеризованные ими, могут быть интересны студентам-иностранцам.

Алгоритм описания языковой личности иностранного обучающегося (представлен ниже), адаптированный для такого исследователя с учетом специфики освоения русского языка:

1. Информация о личности (образование, род деятельности, окружение и т. д.). Наиболее общие сведения, то, что их объединяет.

2. Характеристика вида речевой деятельности на русском языке: говорение (где и в каких ситуациях используется

русский язык) или чтение (что читается на русском языке: жанры, типы текстов).

3. Анализ вербально-семантического (собственно языкового) уровня языковой личности:

а) выявление орфографических (орфоэпических, в т. ч. акцентологических) предпочтений личности: отношение личности к соответствующей языковой норме, наличие стойких ошибок или соблюдение норм этого уровня;

определение уровня владения русской фонетикой (по Г. И. Богину [Богин 1984]);

б) лексические предпочтения личности: отношение личности к лексической норме в целом, соблюдение таких коммуникативных качеств речи, как чистота, богатство, уместность; отношение личности к заимствованиям, терминам, устаревшим словам, «пристрастия» к фразеологизмам; способность личности к языковой игре;

определение уровня владения русской лексикой (по Г. И. Богину [Богин 1984]);

в) грамматические предпочтения личности: отношение к грамматической норме в целом; соблюдение/несоблюдение всех норм в области морфологии и синтаксиса; «пристрастия» личности к определенным конструкциям; разнообразие/однообразие синтаксических конструкций;

определение уровня владения русской грамматикой (по Г. И. Богину [Богин 1984]);

4. Вывод об уровне владения русским языком в профессиональной деятельности. Соотношение самооощущений с принятыми сертификационными уровнями владения русским языком (A1, A2, B1, B2, C1, C2).

Исходный алгоритм трансформирован для иноязычных магистрантов путем исключения нерелевантных для ожидаемого описания параметров и одновременно введения пунктов, отражающих специфику данного типа языковой личности (иностранного обучающегося).

Далее представим структуру проекта по дисциплине «Язык современного города». Материал для проекта может быть выбран с учетом инокультурной специфики магистрантов, поскольку включает в себя топонимы (названия линейных внутригородских объектов) и эргонимы (названия производственных городских объектов), существующие как в российских городах, так и в зарубежных. Иностранные студенты, характеризуя ономастикон род-

ных городов, могут продемонстрировать специфику их номинации и/или функционирования русскоязычным студентам.

1. Введение с обозначением актуальности, объекта и предмета, цели, задач, языкового материала, его объема, алгоритма описания, практической значимости.

2. Лингвистическая интерпретация языкового материала: описание материала, классификация годонимов или эргонимов по принципам номинации и/или способам номинации.

3. Психолингвистическая интерпретация годонимов или эргонимов: экспериментальное исследование восприятия выбранных онимов с помощью одного из методов психолингвистического эксперимента (метод свободного/направленного ассоциативного эксперимента, метод семантического дифференциала). Описание адекватного метода, гипотезы, цели, эксперимента, стимульного материала, группы испытуемых, формулировки задания, анализ ответов респондентов, вывод о подтверждении гипотезы.

4. Обобщения относительно национально-специфического в представленном языковом материале.

В современном процессе обучения иностранных студентов большое внимание уделяется такой форме работы, как коммуникативный тренинг научной речи, являющийся эффективной лингвометодической технологией преподавания теоретических дисциплин [Атабекова, Беленкова 2010; Беленкова 2015]. Традиционно под тренингом понимается способ активной выработки навыков до уровня необходимого стандарта практикой и инструктажем. Обучение научной речи сохраняет свою актуальность в процессе всего курса преподавания русского языка иностранным студентам. Даже при высоком уровне владения русским языком как неродным формирование научного лингвистического аппарата остается важным элементом учебного процесса. В процессе обучения магистрантов мы используем данную форму работы в курсе «Теоретические и практические аспекты психолингвистических исследований», позволяющем иностранным обучающимся провести границу между разговорной и научной речью, закрепить навык проведения научно-исследовательской работы по выбранной теме магистерской диссертации и ее описания на русском языке, что является обязательным компонентом обучения по любой магистерской программе. Данная учебная дисциплина преподается на протяжении всего обучения в магистратуре, поэтому эту форму можно использовать

неоднократно с целью представления различных этапов научного исследования иностранными магистрантами. Это полезный опыт не только для иностранцев, но и для русских студентов, являющихся участниками такой формы обучения как в научном, так и в коммуникативном аспектах.

В каждом вузе, в том числе педагогическом, существует четкое направление работы студентов, в том числе и иностранных, над собственным научным исследованием – от выбора темы до его публичной защиты. Процесс научного исследования по лингвистическим дисциплинам включает несколько стандартных этапов: 1) определение объекта и предмета исследования, актуальности и новизны, цели и задач, изучение литературы по теме исследования, отбор наиболее эффективных для решения поставленных задач методов исследования и выработка методики анализа языкового материала; 2) проведение самого лингвистического исследования, включающего разработку оптимальной технологии его выполнения; 3) оформление исследовательской работы (умение логично выстроить композицию работы и изложить ее содержание в соответствии с нормами научного стиля и грамотным использованием терминологического аппарата, владение техникой реферирования, оформление ссылочного аппарата и библиографии в соответствии с существующими ГОСТами, техническое оформление работы и др.); 4) защита результатов исследования: подготовка презентации и публичного выступления. Каждый из этапов работы над научным исследованием важен для студента-иностранца (о возможном привлечении научного издания к процессу обучения см., например: [Гоголина, Иванова 2014]).

Курс «Теоретические и практические аспекты психолингвистических исследований» позволяет подготовить иностранного обучающегося к самостоятельной организации такого рода работы. Уровень владения русским языком может быть различным, поэтому степень упрощения в подаче материала варьируется в зависимости от этого фактора. Обучаемому необходимо провести и защитить свое научное исследование, в чем может помочь коммуникативный тренинг научной речи, применяемый на учебных занятиях, проводимых в форме научно-практической конференции с участием русских студентов, также презентующих собственное научное исследование. Возможно периодическое использование такой формы работы с иностранными студентами, которая позволит им не только представлять тему сво-

его будущего исследования, но и защищать итоговую версию научного исследования в период его завершения. Модель выступления для всех участников этого занятия одинакова: определение объекта и предмета исследования, обоснование актуальности, выделение его цели и задач, выдвижение гипотезы исследования, объяснение методики анализа собранного материала с приведением необходимого количества примеров, формулирование предварительных выводов. Данная модель выстраивается с иностранцами заранее, оговаривается необходимость устного выступления в режиме говорения, а не чтения. Русские студенты обычно активно вовлекают иностранных студентов в научную дискуссию по своей теме, задают вопросы по содержанию их научного исследования. Подобная групповая работа в виде коммуникативного тренинга способствует формированию у иностранных обучающихся навыка презентации результатов научного исследования на русском языке по заданной модели, постепенно трансформирующейся в более развернутый и полный вариант защиты магистерской диссертации.

Кроме того, нам хотелось бы отметить, что при преподавании курса «Теория речевой деятельности» можно в процесс описания видов речевой деятельности включать сопоставительный анализ их обучению студентов как на родном, так и на неродном языке (об использовании межъязыкового комментария в целях оптимизации овладения иностранными обучающимися теоретических лингвистических дисциплин см., например: [Гоголина, Иванова 2019]). Обучение в магистратуре предполагает самостоятельную долю освоения учебного материала, контроль над которым можно производить и в виде научных докладов студентов на занятиях, что для иностранных студентов особенно важно, т. к. позволяет рассмотреть определенный материал в удобном для них темпе, в достаточном для выступления на семинаре объеме, на понятном для обучающихся языке и т. д. Использование такой формы работы позволяет магистрантам делать доклады по таким темам, как «Обучение говорению (письму, аудированию, чтению) иностранцев». Подобная форма работы позволит иностранным студентам не только представить теоретический материал по данной проблеме, но и разработать на основе изученной лингвометодической и психолингвистической научной литературы и опыта собственного освоения русского языка как неродного системы заданий по обучению иностранцев конкретному виду рече-

вой деятельности, что позволит сделать данный курс практико-ориентированным для магистрантов.

Обобщая все вышесказанное, отметим, что совместное обучение иностранных и русских магистрантов может быть полезным в равной степени и тем, и другим студентам в плане совершенствования их языковой эрудиции, в силу того что они имеют возможность знакомиться с различным генетическим материалом и национально-специфическими особенностями его существования и интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

Атабекова А. А., Беленкова Н. М. Коммуникативный тренинг формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов в разноуровневой поликультурной учебной группе. – М., 2010. 326 с.

Барановская С. А. Обучение русскому произношению иностранцев. – М. : Издательство УДН, 1984. 86 с.

Беленкова Н. М. Использование технологии коммуникативного тренинга в обучении иностранному языку для специальных целей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. – 2015. № 2. С. 47-53.

Биденко Л. В. Основы русской фонетики в таблицах, комментариях, упражнениях. – Сумы : Сумский государственный университет, 2013. 124 с.

Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидности текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1984.

Гоголина Т. В., Иванова Е. Н. Межъязыковой комментарий в обучении китайских студентов лингвистическим дисциплинам // Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом : сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / главные редакторы Е. В. Дзюба, С. А. Еремина. – Екатеринбург, 2019. С. 74-78.

Гоголина Т. В., Иванова Е. Н. Научное издание в вузе: специфика публикации и опыт его использования в учебной деятельности // Русский язык: человек, культура, коммуникация – IV : сб. матер. Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 15 апреля – 15 мая 2014 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 184-191.

Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики : учебное пособие. – М., 1997. 224 с.

Иванова Е. Н. Вопросы описания языковой личности в свете проектной деятельности учащихся // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2018. № 16. С. 69-79.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : монография. Изд. 5-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность : монография. – М. : Наука, 1987. 262 с.

Лебедева Ю. Г. Пособие по фонетике русского языка. – М. : Русский язык, 1981. 270 с.

Мазина Л. З. Система упражнений для обучения русской интонации студентов-иностранцев. – М. : Русский язык, 1989. 148 с.

Стернин И. А. Типы речевых культур : учебное пособие. – Воронеж : Истоки, 2013. 43 с.

Шуин Х., Задоев Т. П. Начальный курс китайского языка : учебное пособие. – М. : Муравей, 2010. 330 с.

REFERENCES

Atabekova A. A., Belenkova N. M. Kommunikativnyy trening formirovaniya inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii studentov v raznourovnevoy polikul'turnoy uchebnoy grupe. – M., 2010. 326 s.

Baranovskaya S. A. Obuchenie russkomu proiznosheniyu inostrantsev. – M. : Izdatel'stvo UDN, 1984. 86 s.

Belenkova N. M. Ispol'zovanie tekhnologii kommunikativnogo treninga v obuchenii inostrannomu yazyku dlya spetsial'nykh tseley // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika. – 2015. № 2. S. 47-53.

Bidenko L. V. Osnovy russkoy fonetiki v tablitsakh, kommentariyakh, uprazhneniyakh. – Sumy : Sumskiy gosudarstvennyy universitet, 2013. 124 s.

Bogin G. I. Model' yazykovoy lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – L., 1984.

Gogolina T. V., Ivanova E. N. Mezh'yazykovoy kommentariy v obuchenii kitayskikh studentov lingvisticheskim distsiplinam // Kognitivnye strategii filologicheskogo obrazovaniya v Rossii i za rubezhom : sbornik nauchnykh statey po itogam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem / glavnye redaktory E. V. Dzyuba, S. A. Eremina. – Ekaterinburg, 2019. S. 74-78.

Gogolina T. V., Ivanova E. N. Nauchnoe izdanie v vuze: spetsifika publikatsii i opyt ego ispol'zovaniya v uchebnoy deyatel'nosti // Russkiy yazyk: chelovek, kul'tura, kommunikatsiya – IV : sb. mater. Mezhdunar. nauch. konf., Ekaterinburg, 15 aprelya – 15 maya 2014 g. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2014. S. 184-191.

Gorelov I. N., Sedov K. F. Osnovy psikholingvistiki : uchebnoe posobie. – M., 1997. 224 s.

Ivanova E. N. Voprosy opisaniya yazykovoy lichnosti v svete proektnoy deyatel'nosti uchashchikhsya // Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. – 2018. № 16. S. 69-79.

Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi : monografiya. Izd. 5-e. – M. : Izdatel'stvo LKI, 2008. 288 s.

Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' : monografiya. – M. : Nauka, 1987. 262 s.

Lebedeva Yu. G. Posobie po fonetike russkogo yazyka. – M. : Russkiy yazyk, 1981. 270 s.

Mazina L. Z. Sistema uprazhneniy dlya obucheniya russkoy intonatsii studentov-inostrantsev. – M. : Russkiy yazyk, 1989. 148 s.

Sternin I. A. Tipy rechevykh kul'tur : uchebnoe posobie. – Voronezh : Istoki, 2013. 43 s.

Shuin Kh., Zadoenko T. P. Nachal'nyy kurs kitayskogo yazyka : uchebnoe posobie. – M. : Muravey, 2010. 330 s.

Н. С. Громова
Екатеринбург, Россия

**ТЕРМИН КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
И СУБКУЛЬТУРНАЯ ЕДИНИЦА
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЛЕКСЕМЫ «ЭКСТРЕМИЗМ»)**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы бытования терминов в профессиональном коммуникативном поле и за его пределами. Анализируются различия между элементами терминосистем разных сфер, и устанавливается взаимосвязь сферы и интерпретационного потенциала лексемы. Выявляются проблемы интерпретации терминов за пределами профессионального контекста с учетом зависимости значения лексемы от культурных и субкультурных особенностей носителей языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терминология; профессиональная лексика; субкультурная лексика; молодежная субкультура; экстремизм; лексемы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Громова Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования, Уральский государственный экономический университет.

Адрес: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62.

E-mail: n.s.gromova@usue.ru.

N. S. Gromova
Ekaterinburg, Russia

**TERM AS A PROFESSIONAL AND SUBCULTURAL UNIT
(ON THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS
OF LEXEMA "EXTREMISM")**

ABSTRACT. The article considers the existence of terms in the professional communication field and beyond. The differences between the elements of terminological systems of different spheres are analyzed and the interrelation of the sphere and the interpretation potential of the lexeme is established. The problems of interpretation of terms outside the professional context are identified taking into account the dependence of the meaning of the token on the cultural and subcultural characteristics of native speakers.

KEYWORDS: terminology; professional vocabulary; subcultural vocabulary; youth subculture; extremism; lexemes.

ABOUT THE AUTHOR: *Gromova Natalia Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Competition Law and Antimonopoly Regulation, Ural State University of Economics.*

Современная коммуникация представляет собой сферу, в которой происходит постоянное взаимопроникновение элементов из одной системы в другую. Это связано с тем, что многие социальные и политические темы гласно обсуждаются как специалистами, так и простыми обывателями; профессиональные компетенции среднестатистических граждан постоянно расширяются; общество становится более открытым и для межкультурного, и для внутрикультурного взаимодействия его членов. Можно говорить о том, что пересматриваются некоторые принципы коммуникативной политики, и на первый план выходят два процесса: глобализация и глокализация. В первом случае некоторые культурные особенности нивелируются, что позволяет наладить контакт между участниками взаимодействия, во втором – актуализируется возможность сохранить собственную идентичность.

Интересен тот факт, что сходные тенденции наблюдаются и в процессе профессионального общения между специалистами в какой-либо сфере и теми, кто так или иначе к этой сфере имеет отношение. С одной стороны, профессиональное сообщество дистанцируется от «несведущих» лиц, формируя собственный язык; с другой – стремится к взаимодействию через посредников, которыми чаще всего выступают средства массовой информации. Наиболее острым в плане профессиональной групповой идентификации представляется деление лексики на специальную и общую. Так, термины противопоставлены в определенном плане понятиям, бытующим в общественном сознании.

Термин представляет собой элемент специальной лексики, обеспечивающей профессиональное общение узкого круга лиц, объединенных неким набором деятельностных характеристик. Термины номинируют «предметы и понятия, относящиеся к различным сферам трудовой деятельности человека» [Розенталь 1976]. Это обуславливает наличие целого ряда особенностей данной лексической группы: системность; наличие четких дефиниций; стремление к моносемичности; отсутствие экспрессии, кристаллизация значения и др. При этом в случае утраты этих характеристик термин в процессе своего бытования утрачивает и свой статус элемента терминопоя.

Термин, являясь частью профессионального языка, формально противопоставлен тем элементам, которые существуют за пределами речи представителей профессионального сообщества. Так, мы понимаем, что терминология имеет целый ряд ограничений в процессе использования. В частности, можно говорить об ограничениях стилистического характера: большая часть терминов ограничена сферой официально-делового общения субъектов отношений. Термин, в связи с этим, противопоставлен в силу своего официального характера профессионализмам, которые могут бытовать в этой же среде, но обладают иным статусом. В отличие от профессионализмов термин представляет собой некую эталонную форму, которая имеет нормативный характер и может быть средством общения среди широкого круга носителей специальных знаний.

Рассматривая термин как единицу профессионального общения, можем говорить о его специфике: он демонстрирует отнесенность носителя к некоей группе, выделенной по признаку профессиональной принадлежности. Данное свойство термина позволяет ему реализовывать идентифицирующую функцию: в отношении носителя как представителя группы; в отношении текста как формы специальной коммуникации.

При этом термины выступают своеобразными маркерами коммуникативной ситуации в целом, формируя у коммуникантов представление не только о специфике самого процесса общения, но и о культурном и социальном статусе его участников. Профессиональная терминология, как и другие маркированные языковые единицы, обусловлена субкультурными особенностями носителя. Так, статус терминов различных профессиональных сфер не одинаков: более закрытые терминосистемы, свойственные естественным или точным наукам, длительный период времени могут поддерживать изоляцию термина от общеупотребительной лексики, сохраняя тем самым статус термина как особой единицы; менее закрытые терминосистемы, свойственные общественным наукам, подвержены тенденции экстраполяции знаний и, как следствие, нарушению границ между общеупотребительной и являющейся частью закрытой системы лексикой.

Терминологии общественных наук свойственна бинарность как базовая категория, т. к. содержательное наполнение лексемы обусловлено контаминацией информации различного рода: и специальной, и социально детерминированной. Данной терминологией оперируют специалисты и обычные граждане

(часто даже не осознавая специальный статус лексической единицы), что делает сами термины проницаемыми и ставит под сомнение их особый статус. Так, многие правовые термины не воспринимаются гражданами как часть специального языка права, они заимствуются носителями языка из СМИ как элемент общественно-политического контекста и переосмысляются под воздействием того культурного или субкультурного дискурса, в котором оказываются.

В работе «Язык и право» Т. В. Губаева пишет, что те слова, которые являются ключевыми в языке права – это «сигналы», «выражающие духовно-нравственные идеалы общества и моральные принципы, осознанные человеческим разумом и воспринятые данной правовой системой» [Губаева 2003: 17-18]. Следовательно, можем говорить о том, что они несут в себе своеобразный культурный код, позволяющий считать особенности как магистральной культуры в обществе, являющемся носителем конкретных норм, закрепленных в терминологии, так и пределы субкультурных и контркультурных действий индивидов.

На примере особенностей бытования лексемы «экстремизм» рассмотрим специфику перемещения термина из одной группы носителей в другую со сменой при этом культурной доминанты. Так, рассмотрим значение данного слова в профильных словарях и определим, соответствует ли оно субкультурной интерпретации.

Данная лексема относится к числу единиц ценностно детерминированного поля социально-нормативных отношений, что делает ее весьма подверженной семантическим трансформациям с учетом того, к какой социальной группе относится интерпретатор. Так же, как и иные лексемы данного поля (патриот, толерантность, вина, коррупция и др.), понятие «экстремизм» выступает единицей ценностного поля индивида.

Основное значение данной лексической единицы, фиксируемое в словарях, базируется на ключевом компоненте в понятийном слое, перманентно ретранслируемом в формуле «крайность/крайняя степень». Однако нельзя не заметить, что дефиниенс в этом случае не представляется исчерпывающим, предполагается множественность субъективных толкований слова «крайний», что как раз и предопределяет полиинтерпретативность, зависящую от политических, общественных, нравственных и прочих установок интерпретатора. Нельзя не заметить, что само понимание экстремизма как вида деятельности зависит

как от исторических условий использования лексемы, так и от уровня политико-культурного и правового развития общества и государства. В своих исследованиях С. А. Сергеев определяет данную особенность через понятие экзонимичности термина «экстремизм» и предполагает, что он «носит в той или иной мере субъективный и конструируемый характер» [Сергеев 2011]. Это изначально противоречит характеристикам термина, но на практике указывает на прямую обусловленность любого элемента правового поля магистральной государственной политикой, т. е. в дефиниенс искусственно должен быть включен набор правовых признаков, определяющих данное явление для его последующей идентификации в качестве правонарушения. А следовательно, опять обращаем внимание на прямую взаимосвязь термина и общественно-политического развития граждан в государстве, уровень их правовой и общей культуры, а главное – градус допустимых общественных отклонений от установленной государством нормы поведения.

Именно поэтому целый ряд авторов различных лексикографических источников стремится дать расширительное толкование, включающее перечень форм деятельности приверженцев указанных взглядов с целью конкретизации самого явления. В частности, в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова «экстремизм» определяется как «приверженность к крайним взглядам, к использованию крайних мер (включая теракты и взятие заложников) для достижения своих целей» [Ожегов 2010: 727]. Как правило, профильные юридические словари включают в словарную статью два вида толкований: базовое и специальное. Базовое совпадает с толковыми словарями, а специальное выражено в виде содержательной отсылки к профильному закону [Безопасность... 2003].

Но несмотря на тот факт, что данная лексема выступает в качестве термина, она приобретает авторскую интерпретацию даже в научно-правовом поле, а ее содержание подвергается значительным трансформациям даже при сохранении за ней особого статуса специальной единицы. Например, В. Н. Коновалов трактует «экстремизм» через другое понятие «правовой нигилизм» [Словарь по политологии 2001], что спорно с точки зрения содержательной и правовой разницы между первым и вторым.

Одним из наиболее тематически близких к рассматриваемой лексеме выступает слово «экстремист», интерпретация ко-

торого с учетом субкультурной специфики носителей языка демонстрирует максимальный разброс значений.

Данное слово отражено в словарях литературного языка в значении «человек, придерживающийся крайних взглядов» [Современный словарь... 2012: 908], однако в словарях субстандартной лексики оно имеет совершенно иную интерпретацию, определяющуюся реалиями, свойственными конкретной социальной группе. В частности, в Большом словаре русского жаргона В. М. Мокиенко представлено значение «вор, совершающий кражи у родственников и близких знакомых, ворующий из дома» [Мокиенко 2000: 710], а на портале «Жаргон.ру» отражена связь с иной сферой деятельности – «водитель, который не снижает скорости при ограничении видимости».

Так, смена дискурса провоцирует отход основного значения на второй план и устойчивую замену диктума на модус. Выход лексемы за пределы бытования нормативного языка актуализирует персуазивность в рамках ситуативного контекста, способствуя затемнению исходной семантики, подвергающейся воздействию субкультурной дифференциации.

В результате можем отметить, что «экстремизм» как лексическая единица, вышедшая за пределы исключительно терминологического поля, имеет широкое поле интерпретации и представляется как деятельность субъектов (лиц или их объединений), основанная на приверженности к крайним, радикальным взглядам, противоречащим базовым нравственным и правовым нормам, сопровождающаяся противоправными действиями, направленными на умаление или отрицание конституционных принципов. А следовательно, содержание термина зависит от непосредственно магистрального представления о должном, допустимом и противоправном поведении.

Таким образом, можем предположить, что данный термин должен побуждать граждан на определенную оценку тех или иных действий в качестве допустимых или недопустимых с точки зрения правовой квалификации. С целью установления данного факта был проведен ряд лингвистических экспериментов, позволяющих установить семантические особенности лексемы в рамках ее бытования в молодежной субкультуре. Испытуемыми стали молодые люди, обучающиеся в учреждениях высшего профессионального образования. Выбор данной категории участников экспериментов не является случайным, а предопределен возрастом и родом занятий.

Возраст, в основном, составляет от 17 до 25 лет, что укладывается в правовую и социологическую категорию «молодежь», т. е. ту группу лиц, которая является наиболее активной частью населения. Предполагается, что она обладает определенным жизненным опытом и знаниями, необходимыми для адекватной оценки характеристик окружающей действительности. Нельзя не отметить, что лица данного возраста являются активными пользователями социальных сетей и различных удаленных ресурсов, где в последнее время наиболее часто проявляется деятельность запрещенных организаций и ведется пропаганда. При этом именно на эту категорию лиц, в основном, и ориентирован манипулятивный контент большинства Интернет-ресурсов, т. к. молодежь попадает в «межкультурную зону» [Зеленов 2014], имеет неопределенный социальный статус и оказывается более склонной к девиантному поведению. Как отмечено в исследовании А. В. Серикова, преступления экстремистской направленности все чаще совершают молодые люди в возрасте от 15 до 25 лет [Сериков 2005].

Также немаловажным является и тот факт, что молодые люди этого возраста, как отмечает С. Р. Комнатная, «родились и выросли в период после распада СССР, а следовательно, могут быть названы носителями новой системы ценностей» [Комнатная 2018: 57]. Другой круг интересов и иные аксиологические установки определяют полюс восприятия любого явления, включая и «экстремизм», что может иметь принципиальное значение в процессе оценки как собственного поведения, так и поступков окружающих людей.

С 2015 года в экспериментах приняло участие несколько тысяч студентов г. Екатеринбурга и Свердловской области. В данной работе мы остановимся на результатах ассоциативного эксперимента, проведенного в 2017-2019 гг. среди студентов г. Екатеринбурга, обучающихся по разным специальностям.

Рассмотрим результаты цепочного эксперимента, когда испытуемым было предложено привести 3 реакции на словостимул «экстремизм». Полученные реакции были сгруппированы и проанализированы. В основном, полученные реакции представляют собой одно слово, как и стимул, словосочетания респонденты используют редко. Как правило, в одной группе опрашиваемых бывает от 1 до 3 единиц идиоматического характера – *опасный вид деятельности, социально опасный, расовая дискриминация, угроза жизни, государственная измена,*

преступление против мира и человечества, политические взгляды. Все они относятся к официально-деловому стилю и характеризуются принадлежностью к правовому полю. Можно предположить, что у респондентов нормативные ассоциации возникают как следствие обращения к прецедентным текстам специально юридического или учебного характера.

Используя алгоритм обработки результатов ассоциативного эксперимента, предложенный З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [Попова 2007], мы установили ядро и периферию ассоциативного поля. В каждой группе испытуемых в качестве ядра ассоциативного поля представляется *опасность*, оно и его дериваты практически всегда имеют индекс яркости 20-30, за редким исключением в отдельных группах (минимальный показатель 15 по группе). Нужно отметить, что лексема «экстремизм» является специфической, небольшое количество реакций вообще повторяется, поэтому показатель 15-20%, который может показаться невысоким, в нашем случае тоже является достаточным при условии, что иные лексемы его не превышают. Так, если в группе преобладают индивидуально-личностные реакции и формально экстрасигнальные, то лексема, имеющая максимальный процент ретранслируемости в качестве реакции, и признается нами ядром ассоциативного поля вне зависимости от индекса яркости.

Также отметим, что в ядро попадает именно *опасность*, а не *угроза*, которая остается на крайней периферии. Хотя семантически это не оправданно, поскольку *опасность* предполагает существующую возможность негативного воздействия, а *угроза* – конкретную форму проявления опасности, создаваемую целенаправленной деятельностью [Насиров 2015: 123], что с формальной точки зрения больше соответствует содержанию понятия «экстремизм».

В ближнюю периферию попадают ассоциации *терроризм, насилие, смерть*. Это пересекается с результатом проведенного в 2004 году эксперимента Е. Н. Басовской, которая зафиксировала в качестве устойчивых ассоциаций слова «террор» и «война», выступающих как часть одного семантического поля с экстремизмом [Басовская 2005].

Интересен тот факт, что не ядро или ближняя периферия, а именно дальняя периферия практически совпадает с проанализированными материалами лексикографических источников. Это свидетельствует о том, что в рамках формирования собственного понимания термина «экстремизм» большая часть ис-

пытуемых имеет некое концептуальное, эмоционально-образное, культурно детерминированное представление, только частично коррелирующее с доминирующей в рассмотренных источниках семой «крайность».

Теперь обратимся к особой группе реакций, которые мы назвали формально экстрасигнальными, т. к. на первый взгляд они не могут быть мотивированы словом-стимулом. Эта группа представляет повышенное количество реакций за последний год.

В одной из учебных групп 1 курса обучения в составе 28 человек в процессе цепочного ассоциативного эксперимента наиболее частотными стали три лексемы: опасность (28,6%), адреналин (21,4%), скорость (21,4%).

Причину появления таких элементов в ассоциативно-вербальной сети мы видим в наличии дублетов за пределами литературного языка, что было выявлено в процессе анализа лексикографических источников. Из всей группы опрашиваемых 32,1% не смогли установить ни структурную, ни семантическую разницу между словами «экстремизм» и «экстрим (экстремальный спорт)». В другой группе первокурсников такого единодушия в ассоциациях не возникло, но частные ассоциации из паронимического поля были представлены у 30% опрашиваемых: *бесстрашный, смелый, хобби, безбашенность, усилие, экстраординарность, труднейший, риск, прикольно, классно*.

Невозможность дифференцировать семантику лексем указывает на диффузный характер обеих единиц в языковом сознании испытуемых. Фрагментарность концепта «экстремизм» явно устанавливается в результате данного эксперимента; коннотации рассматриваемой языковой единицы мотивируются в сознании носителей языка одновременно парами «экстремист/экстремал», «экстремистский/экстремальный» без учета бинарности семантики. Так, имеющаяся в отношении слова-стимула лакуна заменяется элементом из собственной культурной ниши – молодежной субкультуры. Однако нельзя не заметить при этом и определенную схожесть в обоих элементах: на первый план выходит сема «противопоставление». И в первом, и во втором случаях актуализируются категории идентичности и чуждости, которые О. В. Рябов считает определяющими для поля «экстремизм» [Рябов 2001]. Оппозиция свой/чужой, доминирующая в процессе квалификации рассматриваемого вида противоправной деятельности, полностью идентична существующему в молодежной субкультуре делению субъектов на представителей ингруппы или

аутгруппы. Можем предполагать, что именно оппозиционность экстремистов и экстремалов магистральной культуре объединяет их в сознании молодого человека в одну общую группу, без конкретных детализирующих признаков.

Таким образом, можем сделать вывод, что лексема «экстремизм», поскольку является частью правовой терминосистемы и не обладает в общественном сознании устойчивым набором семантических доминант, нуждается как в конструировании более четкой дефиниции в отношении собственно термина, так и в разъяснении содержания понятия в разнородных источниках информации с целью исключения ретрансляции уже сложившегося клише и замене пустого означающего полноценной лексической единицей в пределах не только литературного языка, но и в сфере субстандарта. Можем предполагать, что терминология общественных наук, в особенности в правой сфере, нуждается в более тщательной проработке, а следовательно, в согласовании ценностных установок не только магистральной культуры, но и в формировании ряда общих доминант за ее пределами, в частности, в пределах ключевых субкультурных образований.

ЛИТЕРАТУРА

Басовская Е. Н. Политическая терминология в языковом сознании семнадцатилетних (по материалам ассоциативных экспериментов 1991, 1995 и 2004 гг.) // Политическая лингвистика. – 2005. № 16. С. 12-19.

Безопасность Евразии-2002 : энциклопедический словарь-ежегодник / автор идеи и концепции, руководитель Проекта В. Н. Кузнецов. – М. : Книга и бизнес, 2003. 540 с.

Губаева Т. В. Язык и право. – М., 2003. 160 с.

Зеленов Ю. Н. Педагогическая профилактика экстремистских проявлений в молодежной среде в системе непрерывного профессионального образования. – М. : Изд-во ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014. 374 с.

Комнатная С. Р. Семантика лексемы воля как фрагмент социально-нормативной составляющей языкового сознания носителей русского языка // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2018. С. 56-60.

Насиров М. Н. Анализ смыслообразующего начала понятия «экстремизм» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. № 3 (31). С. 122-124.

Мокиенко В. М. Большой словарь русского жаргона : 25000 слов, 7000 устойчивых сочетаний. – СПб. : Норинт, 2000. 717 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. – М. : ООО Издательство «Оникс» ; ООО Издательство «Мир и Образование», 2010. 736 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М. : АСТ ; Восток – Запад, 2007. 314 с.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. – М., 1976. 544 с.

Рябов О. В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. – М., 2001. 202 с.

Сергеев С. А. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках // Конфликтология. – 2011. № 3. С. 56-66.

Серилов А. В. Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении у студентов (на примере Ростовской области) : дис. ... канд. социол. наук. – Ростов н/Д., 2005. 159 с.

Словарь по политологии / под ред. проф. В. Н. Коновалова. – Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 2001. 285 с.

Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л. М. Баш, А. В. Боборова [и др.]. – М. : Цитадель-трейд ; Вече, 2012. 960 с.

REFERENCES

Basovskaja E. N. Politicheskaja terminologija v jazykovom soznanii semnadcatiletnih (po materialam asociativnyh jeksperimentov 1991, 1995 i 2004 gg.) // Politicheskaja lingvistika. – 2005. № 16. S. 12-19.

Bezopasnost' Evrazii-2002 : jenciklopedicheskij slovar'-ezhegodnik / avtor idei i koncepcii, rukovoditel' Proekta V. N. Kuznecov. – М. : Kniga i biznes, 2003. 540 s.

Gubaeva T. V. Jazyk i pravo. – М., 2003. 160 s.

Zelenov Ju. N. Pedagogicheskaja profilaktika jekstremistskich projavlenij v molodezhnoj srede v sisteme nepreryvnogo professional'nogo obrazovanija. – М. : Izd-vo FGKU «VNII MVD Rossii», 2014. 374 s.

Komnatnaja S. R. Semantika leksemy volja kak fragment social'no-normativnoj sostavljajushhej jazykovogo soznaniya nositelej russkogo jazyka // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. – 2018. S. 56-60.

Nasirov M. N. Analiz smysloobrazujushhego nachala ponjatija «jekstremizm» // Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2015. № 3 (31). S. 122-124.

Mokienko V. M. Bol'shoj slovar' russkogo zhargona : 25000 slov, 7000 ustojchivyh sochetanij. – SPb. : Norint, 2000. 717 s.

Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka : Ok. 100000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij / S. I. Ozhegov ; pod red. prof. L. I. Skvorcova. 26-e izd., ispr. i dop. – М. : OOO Izdatel'stvo «Oniks» ; OOO Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie», 2010. 736 s.

Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaja lingvistika. – М. : AST ; Vos-tok – Zapad, 2007. 314 s.

Rozental' D. Je., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. Izd. 2-e. – M., 1976. 544 s.

Rjabov O. V. «Matushka-Rus'»: Opyt gendernogo analiza poiskov nacional'noj identichnosti Rossii v otechestvennoj i zapadnoj istoriosofii. – M., 2001. 202 s.

Sergeev S. A. Issledovanija jekstremizma i radikalizma v zarubezhnyh i otechestvennyh social'nyh naukah // Konfliktologija. – 2011. № 3. S. 56-66.

Serikov A. V. Molodezhnyj jekstremizm v sovremennoj Rossii: dinamika i otrazhenie v obshhestvennom mnenii u studentov (na primere Rostovskoj oblasti) : dis. ... kand. sociol. nauk. – Rostov n/D., 2005. 159 s.

Slovar' po politologii / pod red. prof. V. N. Konovalova. – Rostov-na-Donu : Izd-vo RGU, 2001. 285 s.

Sovremennyy slovar' inostrannyh slov: tolkovanie, slovoupotreblenie, slovoobrazovanie, jetimologija / L. M. Bash, A. V. Boborova [i dr.]. – M. : Citadel'-trejd ; Veche, 2012. 960 s.

Д. А. Ерастова
Москва, Россия

НЕОЛОГИЗМЫ И СПОСОБЫ ИХ ОБРАЗОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена описанию особенностей образования новых слов в английском языке. В статье рассматриваются такие способы образования новых слов в английском языке, как суффиксация и префиксация, словосложение, конверсия, сокращение, заимствование, аббревиация и другие способы образования неологизмов. Кроме этого, автор в статье также останавливается на особенностях перевода неологизмов.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *язык; словообразование; суффиксация; префиксация; словосложение; неологизмы; английский язык; заимствование слов; аббревиатура.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ерастова Диана Алексеевна, старший преподаватель, Российский университет транспорта.*

Адрес: 127055, г. Москва, Минаевский пер., 2.

E-mail: jeras12@mail.ru.

D. A. Erastova
Moscow, Russia

NEOLOGISMS AND METHODS OF THEIR EDUCATION IN THE ENGLISH LANGUAGE

ABSTRACT. *The article is devoted to the description word building in the English language. The paper highlights different ways of word building such as suffixation, prefixation, composition, conversion, shortening, borrowing, abbreviation and other ways of word building. The author of the paper analyzes different ways of translating neologisms.*

KEYWORDS: *language; word formation; suffix; prefixing; collocation; neologisms; English language; borrowing words; abbreviation.*

ABOUT THE AUTHOR: *Erastova Diana Alekseevna, Senior Lecturer, Russian University of Transport.*

Язык весьма чутко чувствует все тенденции, которые имеют место в обществе (см. например, [Попова 2003: 37-41]).

Так, Т. Г. Попова и Е. В. Курочкина отмечают, что для языка важно «чуткое чувствование предметов и явлений реальной действительности на основе личного субъективного восприятия окружающего мира и лингвосоциального опыта» [Popova, Kurochkina 2014: 68-75].

Приступая к освещению вопросов, которые связаны с вопросами неологизмов, отметим, что их морфологическая структура и характер значения складываются в русле словообразовательных традиций конкретного языка. Таким образом, новые слова появляются в языке тогда, когда осознается потребность в неологизме.

Современный английский язык располагает многими способами образования новых слов, к числу которых относятся словосложение, конверсия, сокращения, адъективизация, субстантивизация, обратное словообразование, лексико-семантический способ, чередование звуков и перенос ударения в слове (фонологический способ) и т. д. Однако вместе с тем необходимо отметить, что не все перечисленные способы используются в одинаковой степени, и удельный вес каждого из них в словообразовательном процессе неодинаков.

Мы остановимся на следующих наиболее частых из этих способов образования неологизмов:

- аффиксальный способ (префиксальный и суффиксальный способы);
- словосложение;
- конверсия;
- сокращение;
- заимствование из других языков;
- обратная деривация;
- сращение;
- аббревиация.

Далее расскажем о каждом из них подробнее.

Аффиксальные единицы, по данным Кэннона, составляют 24% всех новообразований и в незначительной степени уступают сложным словам [Cannon 1986: 732]. Здесь необходимо также выделить и **префиксальные единицы**, которые ярко демонстрируют возросшую роль префиксов.

Материалы были представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лигвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (состоялась 29-30 ноября 2019 года на базе Уральского государственного педагогического университета)

Основной источник префиксов – латинский, французский и греческий языки: чрезвычайно популярен в американском неформальном общении префикс *mega-*, выступающий как усиительная частица. В последние годы этот префикс активно используется в лексиконе подростков. Например, для выражения высшей оценки события, явления, человека употребляется слово *megadual (totally awesome)* – «нечто чрезвычайно хорошее». *Dual* в данном случае употребляется в значении «в два раза лучше» [Заботкина 1989: 38].

Суффиксальные единицы более употребительны в повседневном общении и в большей степени маркированы пометой «сленг». Так, одним из самых употребительных сленговых суффиксов является суффикс *-u/-ie*, (ироническое значение). Слова, образованные с его помощью, ограничены в употреблении рамками неофициального общения, преимущественно среди молодежи. Например, приведем такое английское слово, как *groupie*, которое на английский язык переводится как «поклонник поп-ансамбля или звезды, повсюду сопровождающий их».

Кроме уже приведенной лексической единицы *groupie*, можно указать в качестве примера и такое широко распространенное в сфере музыкантов слово, как *roadie*, которое на русский язык переводится как «член группы музыкантов, ответственный за транспортировку и установку аппаратуры». Приведем в качестве примера и такое слово, как *weeru*, которое на русский язык переводится как «сентиментальный фильм». Можно также привести и такое английское слово, как *preppie*, которое на русский язык переводится как «ученик частной привилегированной школы». Отметим, что данное слово употребляется с иронией представителями среднего класса.

Конверсия как способ создания новых слов в настоящее время значительно снизила свою активность и уступает всем другим видам словообразования.

Конверсией называется переход слова из одной части речи в другую. Так, например, сейчас в сети Интернет можно часто видеть *E-mail me/us to*. Уяснение значения подобного неологизма не представляет труда. Синтаксический контекст дает возможность определить принадлежность слова к переходным глаголам, и, соответственно, зная значение слова *E-mail* (электронная почта), переводим английское предложение «*E-mail me/us to*» на русский язык как «*Вышлите мне (нам) сообщения электронной почтой по адресу*».

Среди конвертированных существительных усиливается тенденция к образованию от глаголов с послелогом: *rip-off* – «воровство» (от *to rip-off* – «воровать»). Значительное количество новых существительных образуется путем конверсии от прилагательных, например: *collectables* – «предметы, подлежащие коллекционированию, особенно устаревшие или редкие»; *cool* – «самоконтроль, сдержанность» часто употребляется в таких фразах, как «*to lose one's cool*», «*to keep one's cool*», что в русском языке переводится как, «потерять контроль, сдержаться».

Особенно продуктивно образование существительных от прилагательных, оканчивающихся на *-ic*, например: *acrylic*, *transuranic*, *tricyclic*. Существительные могут образовываться от глагольных фраз, например: *work-to-rule* – «выступление рабочих с требованиями соблюдать все пункты трудового договора» [Бреус 2001: 123].

При образовании существительных от прилагательных на семантическом уровне происходит приглушение семы «качество» и добавление семы «предмет», которая становится центром значения субстантивированной единицы: *acrylic* – «акрил (синтетический материал)».

Таким образом, мы можем сделать заключение о том, что при конверсии происходит обогащение содержания понятия.

Следующий вывод, к которому мы приходим, заключается в том, что по территориальному параметру новые конвертированные единицы ограничены преимущественно американским вариантом и, следовательно, в меньшей степени британским вариантом английского языка.

Следующий способ активного образования новых слов в современном английском языке – сокращение.

В этой связи нам видится важным отметить и то обстоятельство, что среди нерегулярных способов образования морфологических неологизмов наиболее продуктивными в последние десятилетия являются сокращения, которые отражают тенденцию к рационализации языка, к экономии языковых усилий. Однако, несмотря на то, что сокращения составляют лишь незначительный процент от общего количества неологизмов, все же их число достаточно активно растет.

Так, например, из четырех видов сокращений, а к ним принадлежат аббревиатуры, акронимы, усечения, а также слияния, преобладают усеченные слова. В этой связи приведем такое слово, как *anchor* < *anchorman*, которое в русском языке переводится

как «обозреватель новостей, координирующий теле- или радио-программы». Здесь важно отметить, что данное слово ограничено в употреблении американским вариантом, тогда как в британском варианте ему соответствует слово *presenter, lib < liberation*.

Далее остановимся на таком способе образования новых слов в английском языке, как заимствование из других языков. В этой связи, прежде всего, следует подчеркнуть то обстоятельство, что заимствование из других языков и лингвокультур на современном этапе развития языка является одним из самых распространенных способов образования новых слов. Приведем пример использования заимствованных слов при отсутствии идентичного слова в языке перевода:

“The Soviets had Sputnik, but the Americans had their open-plan kitchen. No contest”, что на русский язык переводится как «Советский Союз создал “Спутник”, а американцы создали кухню открытого типа. Вне конкуренции» [цит. по: Бархударов 2005: 47].

Следующим способом образования новых слов в английском языке является такой способ, как обратная деривация, которая представляет собой процесс образования глаголов путем усечения суффикса от коррелятивных имен существительных. В качестве примера мы приведем такое широко представленное в языке английское слово, как *televise*, которое на русский язык переводится, как «показывать по телевидению». Английское слово *televise*, которое образовано путем обратной деривации от полного варианта слова, берет начало от полного варианта лексической единицы «*television*», что переводится как «телевидение».

Следующим высокопродуктивным способом образования неологизмов в английском языке является аббревиация. Приведем такие широко распространенные в английском языке аббревиатуры, как *MP* – «член парламента» и *MP* – «миротворец».

Таким образом, рассмотрев особенности неологизмов и наиболее распространенные способы образования новых слов в английском языке, мы приходим к выводу, что неологизмы в английском языке образуются по законам именно английского языка, по его продуктивным моделям словообразования.

Однако вместе с тем мы должны отметить и тот немаловажный факт, что новые слова, которые появляются в литературно-книжном подязыке, подчас создаются и самыми разнообразными непродуктивными способами словообразования. Но это обстоятельство имеет и свои позитивные стороны. Это можно объяснить тем, что в случаях активного использования язы-

ком самых разнообразных способов словообразования сама действенная сила словообразовательных средств становится намного рельефнее, намного нагляднее и, конечно же, более осязательнее. Именно в связи с этим обстоятельством и сами средства образования новых слов выступают часто как стилистический прием. Подтверждение нашим мыслям мы также находим и в труде И. В. Арнольд [Арнольд 2003: 59].

Следующий вывод, к которому мы приходим, сводится к нашей мысли о том, что, с одной стороны, в последнее время в языке наблюдается использование многочисленных способов образования новой лексики (аффиксация, словосложение, смешение, аббревиация, конверсия), отражающих словообразовательные и семантические процессы, происходящие в языке в данный период.

С другой стороны, формирование семантики неологизма служит результатом лингво-креативной деятельности, сопряженной с переходом новой единицы из индивидуального конкретного употребления в использование языковым сообществом. Таким образом, соответственно, наиболее характерными способами образования неологизмов в современном английском языке являются словосложение, конверсия и изменение значений слов.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. – М. : Высшая школа, 2003. 437 с.

Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – М. : Международные отношения, 2005. 499 с.

Бреус Е. В. Теория и практика перевода с английского языка на русский : учебное пособие. – М. : Изд-во УРАО, 2001. Ч. I. 394 с.

Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. – М. : Высшая школа, 1989. 358 с.

Попова Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков) : монография. – Москва, 2003. 176 с.

Popova T. G., Kurochkina Ye. V. Metaphor as a language and mental mechanism in artwork // Language and Culture. – 2014. № 2. P. 68-75.

REFERENCES

Arnol'd I. V. Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka. – M. : Vysshaya shkola, 2003. 437 s.

Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod: Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda. – M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2005. 499 s.

Breus E. V. Teoriya i praktika perevoda s angliyskogo yazyka na russkiy : uchebnoe posobie. – M. : Izd-vo URAO, 2001. Ch. I. 394 s.

Zabotkina V. I. Novaya leksika sovremennogo angliyskogo yazyka. – M. : Vysshaya shkola, 1989. 358 s.

Popova T. G. Natsional'no-kul'turnaya semantika yazyka i kognitivno-sotsiokommunikativnye aspekty (na materiale angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov) : monografiya. – Moskva, 2003. 176 s.

Popova T. G., Kurochkina Ye. V. Metaphor as a language and mental mechanism in artwork // Language and Culture. – 2014. № 2. P. 68-75.

С. А. Ерёмина

Екатеринбург, Россия

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ Н. С. ТРУБЕЦКОГО НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЬМА К Р. О. ЯКОБСОНУ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена вопросу изучения языковой личности на материале личного письма – одного из жанров письменной коммуникации. Цель исследования была выявить языковые единицы, характеризующие языковую личность как полифоничный феномен и носителя определенных идей в личных письмах. С помощью современных методов анализа дискурса и текста были рассмотрены условия, в которых создавалось письмо, определены коммуникативная цель и мотивация создания письма, выявлены лингвистические способы репрезентации адресанта, проанализированы случаи рациональной и иррациональной оценки описываемого материала. Приводятся примеры использования средств выразительности, случаи проявления лингвистической креативности языковой личности. Обосновывается целесообразность изучения речевого портрета ученого на материале его эпистолярного наследия в динамике, где каждый новый текст дает новые образцы вербализации его мыслительного процесса.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *языковая личность; речевой портрет; эпистолярный дискурс; идиолексикон; лингвоперсонология; личные письма.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ерёмина Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет.*

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: swegle@yandex.ru.

S. A Eremina

Ekatereburg, Russia

SPEECH PORTRAIT OF N. S. TRUBETSKOY ON THE MATERIAL OF THE LETTER TO R. O. JACOBSON

ABSTRACT. *The article is devoted to the study of language personality on the material of personal writing – one of the genres of written communication. The aim of the study was to identify the linguistic units that characterize the linguistic personality as a polyphonic phenomenon and the carrier of certain ideas in personal letters. Using modern methods of discourse analysis and text were considered the conditions under which the letter was created, defined*

communicative purpose and motivation of the letter, identified linguistic means of representation of the sender, analyses the cases of rational and irrational evaluation of the described material. Examples of the use of means of expression, cases of linguistic creativity of the linguistic personality are given. The expediency of studying the speech portrait of the scientist on the material of his epistolary heritage in dynamics, where each new text gives new examples of verbalization of his thought process, is substantiated.

KEYWORDS: *linguistic identity; speech portrait; epistolary discourse; idiolexicon; linguopersonology; personal letters.*

ABOUT THE AUTHOR: *Eremina Svetlana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State State Pedagogical University.*

Современная лингвоперсонология, опираясь на базовые понятия теории языковой личности, разработанные Г. И. Богиным, Ю. Н. Карауловым, Н. Д. Голевым, К. Ф. Седовым, О. Б. Сиротининой и др., в последние годы продуктивно исследует особенности элитарной языковой личности. В научный оборот введены понятия эпистолярной языковой личности [Курьянович 2014: 255], антропотекста [Голев 2005], в различных аспектах освещены языковые личности В. В. Виноградова [Кузнецова 2009: 95-100], А. Ф. Лосева [Дружинина 2014], В. И. Вернадского [Курьянович 2010: 188-197], Д. С. Лихачева [Романова 2006: 12-18] и Ю. М. Лотмана [Салимова 2013: 402-408].

Языковая личность ученого – сложная многослойная единица, несущая на себе печать элитарной языковой культуры. А. В. Курьянович отмечает, что «категориальные и типологические свойства языковой личности, проявляемые ею в текстовой деятельности, имеют явную дискурсивную обусловленность», а Н. Д. Голев, вводя понятие «антропотекст» как «отражение в тексте особого качества языковой способности его автора или адресата», подчеркивает, что «вариативность антропотекстов есть отражение разнообразия языковых личностей и типов языковой способности, наличием которых они характеризуются» [Курьянович 2014: 259; Голев 2005: 84]. В связи с этим изучение речевого портрета ученого на материале его эпистолярного наследия, где в каждом новом тексте проявляются новые нюан-

© Ерёмина С. А., 2019

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-012-00465/19 «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот»

сы вербализации его мыслительного процесса, представляется весьма продуктивным.

В процессе коммуникации ученый вербализует свои мысли, и этот процесс вербализации не является статичным явлением, а осуществляется во времени, пространстве и в коммуникативной обусловленности. Полагаем, что языковую личность следует изучать в ее динамике. Этот подход реализуется в изучении репрезентации языковой личности в серии языковых портретов как вариантов такой репрезентации, обусловленных временем создания текста, пространственной составляющей, а также партнером по общению.

При выявлении речевого портрета мы опираемся на модель описания языковой личности, предложенную Ю. Н. Карауловым, представленную тремя основными уровнями: 1) вербально-семантический (вербально-грамматический) уровень, или лексикон, к которому Ю. Н. Караулов относит единицы, традиционно используемые при описании лексического и грамматического строя языка (слово, морфема, словоформа, словосочетание, синтаксема); 2) лингвокогнитивный уровень, или тезаурус, в состав единиц которого включаются денотат, сигнификат, фрейм, фразеологизм, метафора, каламбур и др. Именно эти единицы организуют статичную и относительно стабильную картину мира; 3) мотивационный уровень, или прагматикон, в качестве единиц которого выступают тексты, пресуппозиция, дейксис, способы аргументации, «сценарии» и др. Эти единицы отражают интенции, цели и активную позицию носителя языка [Караулов 2006].

На вербально-семантическом уровне рассматриваются слова и их значения, на когнитивном – концепты. Высшим уровнем является мотивационный, так как отвечает на вопрос, с какой целью адресант использует в своем тексте именно эти слова и когнициии, какую мысль автор хочет выразить и передать в тексте.

Таким образом, в описании языковой личности мы будем придерживаться следующей схемы анализа:

- Социокультурная ситуация и лингвокультурологическая репрезентация личности.

- Репрезентация мотивов адресанта.

- Рефлексия адресанта.

- Особенности речевого поведения (этикетные формулы, речевые клише, прецедентные феномены, языковая игра).

- Особенности языковых единиц разных уровней.

Предметом анализа явилось описание языковой личности ученого Н. С. Трубецкого на материале личного письма, адресованного филологу, хорошему знакомому, человеку одного профессионального круга (профессорско-преподавательского), Роману Осиповичу Якобсону. Анализ проводится на материале первого письма в эпистолярном наследии Н. С. Трубецкого, написанного 12 декабря 1920 года в Софии в начале эмиграции.

Н. С. Трубецкой, князь, специалист в области сравнительного языкознания, этнограф, культуролог. Революция 1917 года застала его во время научной поездки на Кавказ, он некоторое время живет в Кисловодске. В 1918-1919 гг. работает в Ростовском университете в качестве доцента. В 1920 году эмигрирует в Болгарию, преподает в Софийском университете; издает сочинение «Европа и человечество», в котором близко подходит к разработке евразийской идеологии. В 1923 году переезжает в Вену и преподает в Венском университете. Совместно с Р. О. Якобсоном разрабатывает теорию евразийского языкового союза. В конце 1920-х – начале 1930-х годов разрабатывает филологическую теорию. Н. С. Трубецкой – один из участников и идейных лидеров пражского лингвистического кружка, один из создателей школы славянского структурализма в лингвистике. По политическим и идеологическим взглядам – непримиримый противник большевизма и коммунизма, воцерковленный православный христианин.

Личное (частное) письмо в данном контексте понимается как «разговорный жанр, отражающий неофициальное письменное общение людей. Характеризуется соединением целей: автор письма информирует своего адресата о важных для него фактах, мыслях, проблемах, событиях, лицах, он делится с адресатом своими переживаниями, побуждает его к целесообразным действиям. Автор воспроизводит при этом форму непосредственного общения с адресатом, сохраняет принятую между ними тональность общения» [Матвеева 2003: 230].

Методическим способом выявления речевого портрета языковой личности в ее вариантах является метод наблюдения и научного описания эпистолярного дискурса (термин А. В. Курьянович) – писем Трубецкого к Якобсону. Метод контентного анализа позволил выявить частотные темы, затрагиваемые автором в серии писем за 1920-1938 годы. Метод классифицирования позволил выявить конституционные (постоянные) признаки, определяющие языковую личность и переменные (вариантные).

Результатом анализа стал портрет, который и репрезентирует тип языковой личности как полифоничную персону, систему определенных историко-научных ценностей.

С помощью современных методов анализа дискурса и текста были рассмотрены условия, в которых создавалось письмо, определены коммуникативная цель и мотивация создания письма, выявлены лингвистические способы репрезентации мнения адресанта, проанализированы случаи использования средств выразительности и случаи проявления лингвистической креативности языковой личности.

Письмо написано с соблюдением всех канонов текста данного жанра. Используются контактноустанавливающая и контактозавершающая реплики, характерные для дружеского типа общения. Письмо начинается фразой *«Многоуважаемый Роман Осипович!»*, а заканчивается *«Уважающий Вас кн. Н. Трубецкой»*. Первая часть письма наполнена вопросами, выражающими интерес адресанта по поводу проблем, событий, лиц, связанных с научной жизнью в Москве. Основная часть письма содержит рассуждения о науке и научной деятельности Трубецкого. Описание жизни в Кисловодске, Ростове, Баку и Софии дается сжато, он делится с адресатом своими переживаниями, в большей степени касающимися науки и научной работы. Письмо заканчивается яркими социально маркированными этикетными формулами, указывающими на статус близости адресата адресанту (это хорошие знакомые, коллеги) и социальный статус адресанта. Ср.: *«Еще раз, очень благодарю Вас за Ваше письмо и с нетерпением буду ждать более подробного письма. Уважающий Вас кн. Н. Трубецкой»*.

Анализ письма позволил выявить ключевые мотивы, репрезентируемые языковой личностью Трубецкого. В тексте такими ключевыми мотивами являются две линии – наука и жизнь.

Сфера науки в данном письме представлена обсуждением научной жизни Москвы, общего круга знакомых, а также научной деятельности Н. С. Трубецкого в Ростове и Софии.

Сфера жизни представлена описанием «странствий» Трубецкого по стране в 1918-1919 гг. и жизни Трубецкого в Софии.

Рассмотрим презентацию каждой из данных линий.

О науке Трубецкой говорит рационально со знанием предмета речи. В контексте отрыва от привычной научной обстановки в канве письма проявляются эмоциональные ноты. Язык письма в части рассуждения о концепции академика

А. А. Шахматова «Реконструкция праславянского и древнерусского языков» категоричен. Адресант полемизирует с Шахматовым и Московской Школой. Ср.: *«Я попытался восстановить историю создания и распада общеслав. праязыка на основании того метода, который я в этом реферате противопоставлял Шахматовскому. Получилась картина довольно интересная. С догмой „Московской Школы“ пришлось **порвать довольно решительно** (разрыв, если помните, намечался уже в реферате) так что Поржезинский остался бы мною очень недоволен. Впрочем, **пришлось порвать и со многими другими догмами**: достаточно Вам сказать, что концом общеславянской эпохи я считаю XII в., и что не признаю в общеслав. праязыке носовых гласных. Если моя работа когда нибудь будет напечатана, она, вероятно, вызовет **ожесточенные нападки** со стороны не одних только „москвичей“»*. Он использует выражения *«порвать довольно решительно», «порвать и со многими другими догмами»,* – категорическая оценка дается развернуто и ярко. Автор письма свободно оперирует научной терминологией *праязык, носовые гласные, реферат* и др. В контексте описания своей преподавательской деятельности в Софии проявляется ирония и используются прецедентные ситуации. Ср.: *«Я здесь читаю „Уводъ въ сравнителното езиковѣдение со особенъ огледъ къмъ найглавнитѣ индоевропейски езици“ (= введение + сравн. фонет. и сокращенная морфология) 4 раза в неделю от 8 до 9 утра, – в такой час, когда в Москве даже В.Н. Щепкин не рискует назначать курса, – и м.б. поэтому (по крайней мере так я себя утешаю) имею лишь 3-х слушателей»*.

Для Трубецкого наука – это и есть вся жизнь. Он описывает свою жизнь, прежде всего, как жизнь научную, проводит параллели жизни в Москве, Кисловодске, Ростове и Софии и дает категоричные оценки научной жизни в этих городах. Ср.: *«После все таки весьма **интенсивной научной жизни Москвы** за последние годы я попал с начала в **абсолютную глушь Кисловодска**, а потом в Ростов, где, несмотря на существование университета (в котором я был доцентом и занимал кафедру сравн. языковед.), **никакой научной жизни не было и не с кем было и слова промолвить**. Здесь в Софии, конечно, лучше, но все таки не то, что в Москве. Поневоле замыкаешься, привыкаешь работать один, для себя, не делаясь ни с кем своей работой и не следя за работой других»*.

Трубецкой оценивает деятельность других ученых как специалист и сам о себе пишет как о специалисте в области филологии достаточно объективно, используя при этом и книжную лексику, и метафору, и слова с уменьшительно-уничужительной или иронической оценкой. Ср.: *«Вообще я **страшно изголодался** в научном отношении»*; *«Сейчас готовлю по французски **рассужденьице** о системе ударений общеслав. праязыка, которое попытаюсь отправить к Meillet»*; *«Не имея научной степени, а главное, печатных трудов по специальности, я не мог конечно получить здесь при университете ничего кроме **доцентуры** с весьма низким окладом (1500 левов)»*.

Письмо написано в стиле старой орфографической и пунктуационной нормы. Не упорядочены такие написания, как *все таки, с начала, противупоставлял, по французски, как то раз, журналы то*. Не упорядочено выделение вводных слов, к примеру: *по крайней мере, кажется, может быть*.

Отличительной чертой синтаксиса Трубецкого является предъявление предмета речи в виде тезиса или констатирующего сообщения, а далее мысль разворачивается в форме вставной пояснительной конструкции или вводного предложения, содержащего оценку собственному высказыванию. Ср.: *«Нет напр. самого для меня главного – „Очерка“ Шахматова, без которого я иногда, напр. в отделе об удареии (**а это была моя главная гордость!**) совершенно как без рук»*; *«Я уже послал ему из Ростова с Карцевским заметки о происхождении некоторых форм славянского склонения (**правда мало обработанные**), но он спрятал их под сукно»*; *«С догмой „Московской Школы“ пришлось порвать довольно решительно (**разрыв, если помните, намечался уже в реферате**) так что Поржезинский остался бы мною очень недоволен»*.

Вторая линия – это жизнь. Период 1917-1920 гг. описывается немногословно. Бегство от революции и гражданской войны не обозначено как политическое неприятие большевизма и бегство от него. Он остается ученым, и взгляд на события этих лет – это взгляд ученого, интеллигента, человека, лишившегося своего круга общения (научного). Впечатления от этих лет описываются через оценочные глаголы. Ср.: *«Но тут **пришлось эвакуироваться** из Ростова, и при эвакуации все мои рукописи и книги остались там»*; *«За эти годы часто вспоминал о Вас, также и о других наших московских научных знакомых. Между прочим, во время моих странствий по Кавказу я как то*

раз попал в Баку в марте 1918 г., как раз во время «восстания мусульман против советской власти», точнее – в тот недолгий промежуток времени, когда армяне резали татар. Я там был один, бедствовал, заболел тифом и, выйдя из больницы, долго мыкался, чтобы достать разрешение на выезд».

О жизни в Кисловодске, Ростове и Софии Трубецкой пишет через презентацию своей научной деятельности. О своей работе адресант пишет эмоционально, используя различные средства выразительности, а именно развернутые метафоры. Ср.: «...я попал с начала в **абсолютную глушь Кисловодска**»; «...библиотека Ростовского Университета представляла из себя по моей части почти **Торичеллеву пустоту**»; «Впрочем, хотя я работаю, но иногда **берет отчаяние**». Эмоционально и через метафору описывается и научная жизнь в Болгарии, ср.: «*Может быть удастся некоторые части напечатать в виде журнальных статей, хотя и журналы то теперь что-то на ладан дышать стали*».

Первое письмо к Р. О. Якобсону в эпистолярном наследии Н. С. Трубецкого позволяет определить речевой портрет языковой личности как персону полифоничную, конституальными признаками выделения которой являются мотивы *науки и жизни в эмиграции*. Переменными признаками следует считать оценки, которые проявляются в канве письма, оценки, обусловленные адресатом письма. На научные темы ученый пишет категорично, развернуто, употребляет слова с четко определенным понятийным значением. О жизни он пишет экспрессивно, свободно в лексическом отношении, дает волю метафоре и нагружает текст коннотациями. В дальнейшем представляется перспективным рассмотреть динамику языковой личности в ракурсе изменения места и времени создания эпистолярного текста.

ЛИТЕРАТУРА

Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении разновидностям текстов. – Л., 1984. 254 с.

Голев Н. Д. Лингвоперсонология, антропотекст, типы языковой личности (лингвоперсономы) // Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций. – Барнаул, 2005. С. 84-86.

Дружинина В. В. Лингвистические параметры идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А. Ф. Лосев) : монография / В. В. Дружинина, А. А. Ворожбитова. 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. 148 с. : ил.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 5-е, стереотипное. – М. : КомКнига, 2006. 264 с.

Кузнецова Л. Н. Лингвориторические параметры научного дискурса В. В. Виноградова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты / Сочинский государственный университет. – Сочи, 2009. № 14. С. 95-100.

Курьянович А. В. Эпистолярная языковая личность: к вопросу определения категориальных и типологических черт // Сибирский филологический журнал. – 2014. № 4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/epistolynaya-yazykovaya-lichnost-k-voprosu-opredeleniya-kategorialnyh-i-tipologicheskikh-chert>.

Курьянович А. В. Элитарная речевая культура в зеркале отечественной эпистолярной традиции // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. № 3. С. 76-80.

Курьянович А. В. Языковая личность ученого – носителя элитарной речевой культуры (на материале эпистолярного дискурса В. И. Вернадского) // Сибирский филологический журнал. – 2010. № 1. С. 188-197.

Личность ученого: Социально-психологический портрет : реф. сб. / РАН. ИНИОН, Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям ; отв. ред. Т. В. Виноградова. – М., 2009. 132 с. (Сер. «Научноеведение за рубежом»).

Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М. : Флинта : Наука, 2003. 432 с.

Романова Т. В. Языковая личность Д. С. Лихачева как элитарная языковая личность русского интеллигента (на материале книги Д. С. Лихачева «Воспоминания») // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» ; Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова. – Одесса, 2006. № 11. С. 12-18.

Салимова Л. М. Элитарная языковая личность и проблемы интертекстуальности // Российский гуманитарный журнал. – 2013. Т. 2. № 4. С. 402-408.

Седов К. Ф. Дискурс и личность. – М., 2004. 304 с.

Седов К. Ф. Типология и портретирование наших современников // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. – Барнаул ; Кемерово, 2006. С. 149-204.

Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 116 с.

REFERENCES

Bogin G. I. Model' yazykovoy lichnosti v ee otnoshenii raznovidnostyam tekstov. – L., 1984. 254 s.

Golev N. D. Lingvopersonologiya, antropotekst, tipy yazykovoy lichnosti (lingvopersonemy) // Universitetskaya filologiya – obrazovaniyu: che-lovek v mire kommunikatsiy. – Barnaul, 2005. S. 84-86.

Druzhinina V. V. Lingvisticheskie parametry idiostilya kak vyrazhenie mentaliteta yazykovoy lichnosti uchenogo (A. F. Losev) : monografiya /

V. V. Druzhinina, A. A. Vorozhbitova. 2-e izd., ster. – M. : FLINTA, 2014. 148 s. : il.

Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. Izd. 5-e, stereotipnoe. – M. : KomKniga, 2006. 264 s.

Kuznetsova L. N. Lingvovitoricheskie parametry nauchnogo diskursa V. V. Vinogradova // Lingvovitoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty / Sochinskiy gosudarstvennyy universitet. – Sochi, 2009. № 14. S. 95-100

Kur'yanovich A. V. Epistolyarnaya yazykovaya lichnost': k voprosu opredeleniya kategorial'nykh i tipologicheskikh chert // Sibirskiy filologicheskij zhurnal. – 2014. № 4. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/epistolyarnaya-yazykovaya-lichnost-k-voprosu-opredeleniya-kategorialnyh-i-tipologicheskikh-chert>.

Kur'yanovich A. V. Elitarnaya rechevaya kul'tura v zerkale otechestvennoy epistolyarnoy traditsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2011. № 3. S. 76-80.

Kur'yanovich A. V. Yazykovaya lichnost' uchenogo – nositelya elitarnoy rechevoy kul'tury (na materiale epistolyarnogo diskursa V. I. Vernadskogo) // Sibirskiy filologicheskij zhurnal. – 2010. № 1. S. 188-197.

Lichnost' uchenogo: Sotsial'no-psikhologicheskij portret : ref. sb. / RAN. INION, Tsentr nauch.-inform. issled. po nauke, obrazovaniyu i tekhnologiyam ; otv. red. T. V. Vinogradova. – M., 2009. 132 s. (Ser. «Naukovedenie za rubezhom»).

Matveeva T. V. Uchebnyy slovar': russkiy yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika. – M. : Flinta : Nauka, 2003. 432 s.

Romanova T. V. Yazykovaya lichnost' D. S. Likhacheva kak elitarnaya yazykovaya lichnost' russkogo intelligenta (na materiale knigi D. S. Likhacheva «Vospominaniya») // Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki» ; Odesskiy natsional'nyy universitet imeni I.I. Mechnikova. – Odessa, 2006. № 11. S. 12-18.

Salimova L. M. Elitarnaya yazykovaya lichnost' i problemy intertekstual'nosti // Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal. – 2013. T. 2. № 4. S. 402-408.

Sedov K. F. Diskurs i lichnost'. – M., 2004. 304 s.

Sedov K. F. Tipologiya i portretirovanie nashikh sovremennikov // Lingvopersonologiya: tipy yazykovykh lichnostey i lichnostno-orientirovannoe obuchenie. – Barnaul ; Kemerovo, 2006. S. 149-204.

Sirotnina O. B. Russkiy yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski. – Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2013. 116 s.

П. К. Жижко
Екатеринбург, Россия

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НЕРЕАЛЬНОМ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются элементы представления о нереальном в русской художественной прозе рубежа XVIII-XIX вв., которые создают образ таинственного, мистического. К таким репрезентантам нереального относятся цветовые и числовые символы, элементы сакрально негарантированного хронотопа, мифоритуальные действия и атрибуты. Автором верифицирована психологическая реальность выявленных языковых репрезентантов нереального путем использования психолингвистических процедур: свободного и направленного ассоциативного эксперимента, моделирования ассоциативных полей от соответствующих стимулов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: элементы нереального; языковые репрезентанты; языковое сознание; русский язык; экспериментальные исследования; этнолингвистика; психолингвистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Жижко П. К., Уральский государственный педагогический университет.
Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

P. K. Zhizhko
Ekaterinburg, Russia

THE DYNAMICS OF BELIEFS ABOUT UNREAL IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS: EXPERIMENTAL DATA

ABSTRACT. The article analyzes the elements of the unreal in Russian fiction of the turn of 18-19 centuries, which create the image of the mysterious, mystical. Such representatives of the unreal include color and numerical symbols, elements of the sacral non-guaranteed chronotope, miforitualnye actions and attributes. The author verified the psychological reality of the revealed language representatives of the unreal by using psycholinguistic procedures: free associative experiment, modeling of associative fields from the corresponding stimuli.

KEYWORDS: elements of the unreal; linguistic representatives; linguistic consciousness; Russian language; experimental research; ethnoлингвистics; psycholinguistics.

Понятие «нереальный» в традиционной культуре выступает как элемент так называемого сакрального, магического, отражающего «... зафиксированные в языке стереотипы сознания этноса. В этих стереотипах отражаются ... суеверия, обычаи, народный календарь природы, регламентированные формы коммуникации» [Гридина, Коновалова 2012: 83] и др. Представления о нереальном находят отражение в разных текстах культуры, в том числе – в художественной прозе. Одним из наиболее интересных в этом плане периодов развития русской художественной литературы является рубеж XVIII-XIX веков, который можно считать началом формирования художественной фантастики. Именно в это период в русской литературе отмечаются первые попытки создания художественного образа нереального, мистического, «потустороннего» (М. Д. Чулков, М. И. Попов и др.).

К этому направлению можно отнести и творчество Антония Погорельского. Предметом анализа в данной статье являются «знаки нереального» в повести А. Погорельского «Лафертовская маковница», одной из наиболее ярких в ряду фантастических повестей русской литературы рубежа XVIII и XIX веков.

Опираясь на понимание сакрального, представленное в работах Н. И. Коноваловой (см., например: [Коновалова 2004, 2012]), мы выделили в тексте маркеры нереального, к которым отнесли числовую и цветовую символику, обозначения мифоритуальных действий и атрибутов, названия сакрально негарантированных локусов и временных отрезков:

1. Три. Ср.: *«Трижды три раза старуха обошла вокруг стола, продолжая таинственный напев свой...»*

Число «три» наполнено мистическими коннотациями, символизирова жизнь, мироздание, триединство, в данном же контексте добавляется семантика ритуальной законченности действия, ведущего к исполнению задуманного в соответствии с прагматикой жанра.

2. Колодец. Ср.: *«...и Маша ясно увидела, как подле колодца стояла покойная бабушка и манила ее к себе рукою...» // «Подходя к колодцу, слышался ей жалостный вопль, как будто выходящий с самого дна» // «Вода в колодце сильно закипела...»*

В повести А. Погорельского колодец играет сюжетобразующую роль и представлен как магико-ритуальный локус, негарантированное пространство, что находит отражение в этнолингвистическом словаре «Славянские древности»: «из-за связи с водой и подземельем осмысливается как пограничное пространство <...> канал связи с потусторонним миром» [СД 2004, т. 2: 536]. Исследователями отмечается, что «... лексикографическая фиксация должна учитывать внеязыковые пресуппозиции, связанные с обрядами, суевериями, фидеистическими представлениями» [Гридина, Коновалова 2017: 125].

3. Черный кот. Ср.: «... *иные даже божились, что любимый черный кот, каждое утро провожающий старуху до ворот и каждый вечер ее встречающий, не кто иной, как сам нечистый дух*» // «... *перед нею плавно выступал черный кот с сверкающими глазами и с поднятым вверх хвостом*» // «*За нею на задних лапах сидел черный кот, и оба глаза его в густом мраке светились как огни*».

Известно, что кот – животное, «наделяемое в народных представлениях двойственной символикой и различными демоническими функциями» [СД 2004, т. 2: 637]. В повести А. Погорельского черный кот – зооморфное воплощение представлений о нечистой силе. Это вполне соотносится с положением о том, что «этноспецифические и типологические аспекты вербального означивания явлений действительности проявляются в сфере метафорической номинации, которая выступает способом оценочной параметризации мира в образах обыденного и мифологического сознания» [Гридина, Коновалова 2019: 200].

4. Свеча. Ср.: «*Старуха подвинула стол на середину комнаты, из стенного шкафа вынула большую темно-алую свечку, зажгла ее и прикрепила к столу...*»

Свеча является «атрибутом семейных, календарных и окказиональных обрядов, праздников, религиозных практик, жертвоприношений, повседневных и магических действий». [СД 2009, т. 4: 567].

5. Карты. Ср.: «...*на шатком дубовом столе лежала колода карт, на которых от частого употребления едва можно было различить бубны от червей...*» // «*бралась за карты или прибежала к кофейнику или к решету. Из красноречивых ее уст изливались рекою пророчества о будущих благах...*»

Карты являются неизменным атрибутом при гаданиях или свершениях других обрядов, связанных с прогнозированием бу-

дущих событий, значимых для человека. В основе стратегий прогнозирования «... лежит стремление обнаружить и интерпретировать знак как символ какого-либо события» [Гридина, Коновалова 2012: 84].

Представления о нереальном, отражая стереотипы национального сознания, тем не менее, с течением времени подвергаются разного рода трансформациям, чаще всего обусловленным экстралингвистическими факторами. Психологическую реальность таких представлений можно выявить экспериментально. Теоретической основой данной статьи «служит обоснованное в психологии положение о том, что явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные, временные, пространственные связи явлений и эмоций» [РАС 2002, т. 1: 7]. Другими словами, на основе данных ассоциативного словаря можно говорить о некоторой усредненной модели сознания, «...которая представляет собой набор правил оперирования знаниями (вербальными и невербальными значениями) о русской культуре, ... о фрагменте образа мира» [РАС 2002, т. 1: 7].

Приведем словарные статьи из РАС, представляющие собой ассоциативные поля соответствующих (выбранных из текста маркеров нереального) стимулов:

Три: четыре 15; два 9; пять 6; толстяка 5; рубля 4; банана, десять, поросенка, сестры 3; года, один, раза, товарища, человека 2; апельсина, балла, века, вещи, восемь, да хоть сто, двадцать три, две, дерева, дня, друга, дурачки, звезды, кита, книги, козла, колодца, копейки, круг, листка, магия, минуты, не знаю, нет, пальца, пальцы, петь, пить, привета, пьянка, студа, суеверие, счастье, счет, тополя, тополя на Плющихе, удовлетворительно, часа, число, штуки, 10, 13, 4, 5 [РАС 2002, т. 1: 666].

Колодец: глубокий 27; вода 11; с водой 5; ведро, глубина 4; бездонный 3; деревня, дай воды напиться, молодец, не плюй, плевать, чистый 2; в деревне у бабушки, ваза, вкусно, водица, воды напиться, глубокая вода, глубоко, грязный, деревянный, дыра, дырявый, заброшенный, звездное небо, знаний, ключ, круглый, морозец, не плюют, небо, открыт, палец, пить, плевков, погреб, прозрачная вода, родник, с водкой, с холодной водой, свежесть, сказка, сруб, темный, холодно, холодный, шахта, энергии, яма [РАС 2002, т. 1: 260].

Кот: *черный 15; собака 7; Бегемот 5; животное, пушистый 4; в мешке, в сапогах, молоко 3; большой, домашний, зверь, мартовский, Матроскин, мышь, рыжий, серый 2; Баюн, белый, бешеный, Васька, Вася, воск, выбежал, грация, грязь, гуляет, гуляка, дикий, довольный, друг, жир, жирный, змея, коренной обитатель тюрьмы, кот, котиче, кошка, красивый, крыша, Любава, мой, мот, мяукает, наплакал, не люблю, облезлый, перешел дорогу, полосатый, радостный, сволочь, самский, слон, сметана, спит, усатый, ученый, хитрый, хозяин группы риска, ярый* [РАС 2002, т. 1: 272].

Карты: *игральные 19; гадальные, игра 10; в руки 8; играть 6; преферанс 4; биты 3; валет, дама, на стол 2; азарт, анатомические, атласа, вечера, вино, все раскрыты, гадание, географические, деньги, для игры, для игры в покер, журнала, игральные, искать страну, картинки, колода, компас, контурные, король, лгут, меченые, мира, море, мысли, настенные, не умею, новые, ночь, пасьянсные, плакат, покер, разврат, раскласть, сбросить, сдавать, Спиноза, сувенирные, тетрадь; тройка, семерка, туз, успокоение, хорошо, черви, штабные, шторы.*

Свеча: *горит 24; догорела 6; свет 5; воск, горящая, догорает, огонь, погасла, 4; восковая, гаснет, машина, ночь, сгорела, 2; большая, газета, гаснет на ветру, горела, гореть, горит ярко, горячая, двигатель, длинная, догорала, догорающая, единственная, елка, загашенная, зажглась, интим, красиво горит, лампа, любви, маленькая, морозить, Новый год, одиночество, Пастернак, пламя, потухшая, светит, свеча, спичка, стеариновая, тает, темно, темнота, тонкая, церковная, церковь* [РАС 2002, т. 1: 573].

Отметим, что в РАС слабо представлена мифоритуальная символика единиц поля «нереальное», лишь некоторые реакции (в основном периферийные) можно весьма условно соотнести с мистическими смыслами. Сами стимулы можно распределить на 2 группы:

1) стимулы, которые вызвали некоторые ассоциации с таинственным, мистическим, мифоритуальным: *карты, свеча;*

2) стимулы, которые вызвали опосредованные ассоциации, «намекающие» на связь с нереальным: *три, колодец, кот.*

Результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного нами со студентами-филологами, в основном коррелируют с данными РАС: в ассоциативных полях доминируют реакции профанного типа, и лишь поле *черный кот* (вариант

направленного ассоциативного эксперимента с ограничением в стимуле) можно развернуть в мистический сюжет. Ср., например, ассоциаты: *несчастье, Бегемот, беда, ведьма, дорога, лукоморье, не перешел еще дорогу, несчастье, неудача, переход, примета, черная кошка, ведьминский, кот ведьмы, лунный, суеверие, Хэллоуин.*

Таким образом, можно сделать вывод, что выбранные нами из текста маркеры нереального в основном лишь опосредованно сохраняют свою связь с сакральными смыслами. Однако для верификации этого вывода нужны эксперименты другого плана, позволяющие выявить более глубокие ассоциативные связи, в частности, направленный ассоциативный эксперимент и метод заполнения текстовых лакун, метод прямого толкования и др. О возможности считывания глубоких сакральных смыслов свидетельствуют, в частности, результаты направленного ассоциативного эксперимента с использованием техник прямого толкования. Испытуемые должны были объяснить предложенные стимулы (ирреальный, мистический, сакральный) и проиллюстрировать их.

Приведем наиболее частотные ассоциаты и примеры их интерпретации.

Ирреальный:

- 1) нереальный, потусторонний, что не может быть в реальном мире. Например, персонажи нечистой силы: леший, домовый русалки;
- 2) несуществующий, например, магия ирреальна;
- 3) фантомный, несуществующий, ложный предмет или явление, например, ирреальные условия;
- 4) нереальный, т. е. иллюзорный, несуществующий в реальности, например, сказочный мир;
- 5) параллельный реальному, т. е. ирреальный мир;
- 6) ненастоящий, например, призрак, галлюцинация.

Мистический:

- 1) таинственный, например, обряды на Ивана-Купала, прыгание через костер, сжигание чучела на Масленицу;
- 2) тайный, сакральный, например, снизошел Святой Дух;
- 3) неподдающееся логическому объяснению, не вписывающийся в рамки этого мира предмет или явление. Например, кто-то увидел приведение, мистический образ; треугольник Пенроуза;

4) магический, необъяснимый. Например, переместиться мистическим образом, в полнолуние происходит что-то мистическое;

5) нечто, доступное только избранным, что-то запретное и сложное, связанное с ритуалами, обрядами и оккультизмом;

6) таинственный, магический, связанный с мистикой, потусторонним миром, недоступный для понимания: НЛО, сон, мир.

Сакральный:

1) священный, например, церковные обряды: крещение, службы, сакральная книга;

2) библейский, например, Тайная Вечеря;

3) тайный, ритуальный: сакральный обряд посвящения;

4) потустороннее, тайное, связанное с религией: сакральный смысл;

5) нечто потаенное, связанное с высшим, духовным, божественным, не опасное;

6) имеющий особое значение, например, сакральный жест, знак;

7) скрытый, личный, сокровенный: сакральный смысл, сакральный образ матери;

8) недоступный: книга, рукопись, письмена, ритуал.

Подводя итог, можно сделать вывод, что слова с явной мистической коннотацией в художественных текстах XVIII-XIX столетия в сознании читателей XXI века в основном десакрализованы, семантика мистического вытеснена из ядра ассоциативных полей на периферию, в ассоциативных полях сакральных стимулов доминируют профанные реакции, за исключением прецедентов «филологического» фона респондентов.

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина Т. А. Кошка. Колодец. Свеча // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 2004. С. 637, 536, 567.

Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Русское культурное пространство : Лингвокультурологический словарь. – М., 2004.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Зооморфизмы как основа моделирования фразеологической семантики: русско-польские соответствия // Ручин. – 2019. Т. 56. С. 198-212.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Игровая прагматика русских народных примет // Лингвистика креатива-2 / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012. С. 83-100.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект // Вопросы лексикографии. – 2017. № 11. С. 119-131.

Коновалова Н. И. Лечебные разговоры как суггестивный текст // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2004. Т. 4. № 7. С. 67-75.

Коновалова Н. И. Традиционная народная культура в зеркале языка // Филологический класс. – 2012. № 3 (29). С. 5-11.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.

Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М. : Изд-во «Астрель», 2002. – Т. 1. От стимула к реакции : Ок. 7000 стимулов. – 784 с.

REFERENCES

Agapkina T. A. Koshka. Kolodec. Cvecha // Slavjanskije drevnosti : Jetnolingvisticheski slovar' : v 5 t. / pod red. N. I. Tolstogo. – M. : Mezhdunar. otnoshenija, 2004. S. 637, 536, 567.

Brileva I. S., Vol'skaja N. P., Gudkov D. B., Zaharenko I. V., Krasnyh V. V. Russkoe kul'turnoe prostranstvo : Lingvokul'turologicheskij slovar'. – M., 2004.

Gridina T. A., Konovalova N. I. Zoomorfizmy kak osnova modelirovanija frazeologicheskoi semantiki: russko-pol'skie sootvetstvija // Ruchin. – 2019. T. 56. S. 198-212.

Gridina T. A., Konovalova N. I. Igrovaja pragmatika russkih narodnyh primet // Lingvistika kreativa-2 / pod obshhej red. prof. T. A. Gridinoj. – Ekaterinburg, 2012. S. 83-100.

Gridina T. A., Konovalova N. I. Parametry leksikograficheskoi interpretacii dialektnoj frazeologii: lingvokul'turologicheskij aspekt // Voprosy leksikografii. – 2017. № 11. S. 119-131.

Konovalova N. I. Lechebnye zagovory kak suggestivnyj tekst // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. – 2004. T. 4. № 7. S. 67-75.

Konovalova N. I. Tradicionnaja narodnaja kul'tura v zerkale jazyka // Filologicheskij klass. – 2012. № 3 (29). S. 5-11.

Popova Z. D., Sternin I. A. Oчерki po kognitivnoj lingvistike. – Voronezh, 2001.

Russkij asociativnyj slovar' : v 2 t. / Ju. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimceva, Ju. A. Sorokin, E. F. Tarasov. – M. : Izd-vo «Astrel'», 2002. – Т. 1. Ot stimula k reakcii : Ok. 7000 stimuloв. – 784 s.

О. В. Ишаева
Москва, Россия

ТЕРМИН КАК ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА СПЕЦИАЛЬНОГО ЯЗЫКА

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена описанию термина как лексической единицы специального языка. Автор статьи рассматривает различные точки зрения на понимание термина и выводит свое определение термина, подчеркивая, что термины представляют собой особую когнитивно-информационную структуру, аккумулируя знание, выраженное в конкретной языковой форме.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *терминология; значения слов; когнитивная лингвистика; лексические единицы; специальный язык.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ишаева Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки-5», Российский университет транспорта.*

*Адрес: 127055, г. Москва, Минаевский пер., 2.
E-mail: ish7165@yandex.ru.*

O. V. Ishaeva
Moscow, Russia

TERM AS A LEXICAL UNIT OF SPECIAL LANGUAGE

ABSTRACT. *The article is devoted to the description of a term as a lexical unit of a specific language. The author of the paper analyzes different attitudes to the gist of a term and gives her own definition of the term pointing out that a terms are considered to be understood as a specific cognitive and informative structure as terms accumulate knowledge which is expressed in a particular language form.*

KEYWORDS: *terminology; meanings of words; cognitive linguistics; lexical units; special language.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ishaeva Olga Vladimirovna, Senior Lecturer of the Department "Foreign Languages-5", Russian University of Transport.*

Приступая к описанию нашего понимания понятия «термин», прежде всего, отметим, что в лингвистической науке нет

© Ишаева О. В., 2019

Материалы были представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лигвополитическая персонология: дис-

единого мнения о данном языковом явлении. Поэтому приведем понимание термина различными исследователями, где просматриваются такие объединяющие признаки, как соотнесенность с научным понятием, системность и т. д.

В своем труде, посвященном особенностям терминологических единиц, К. Я. Авербух приходит к заключению, что в современной терминологической науке «все возрастающее количество знаний о термине и терминосистемах переходит в качественно новые представления о природе и функциональном статусе этих понятий» [Авербух 1986: 45].

С точки зрения Б. Н. Головина и Р. Ю. Кобрин, термин представляет собой «слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними» [Головин, Кобрин 1987: 5].

С точкой зрения Б. Н. Головина и Р. Ю. Кобрин переключается понимание термина Л. А. Капанадзе. Ученый полагает, что «термин – это такая единица наименования в данной области науки и техники, которой приписывается определенное понятие и, следовательно, таким образом, которая соотнесена с другими наименованиями в этой области и образует вместе с ними терминологическую систему» [Капанадзе 1965: 80].

Л. Л. Нелюбин считает, что термин представляет собой словосочетание или слово, которое используется с целью емкого выражения того или иного специального обозначения или же специального понятия, а также для точной передачи того или иного специального предмета в самых различных парадигмах знаний [Нелюбин 2009: 117].

В. М. Лейчик при определении понятия «термин» обращает внимание на тенденцию когнитивного терминоведения [Лейчик 2007: 21]. Лингвист приводит следующее определение: «термин – это динамическое явление, которое рождается, формулируется, углубляется в процессе познания (когниции), перехода от концепта – мыслительной категории – к вербализованному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и (или) деятельности» [Лейчик 2007: 21].

А. С. Герд, проводя исследования специализированного научного термина, приходит к выводу о том, что «научный термин (включая сюда и научно-технические термины) – это единица какого-либо конкретного естественного или искусственного языка (чаще слово или словосочетание), существовавшая ранее или специально созданная и обладающая специальным терминологическим лексическим значением, которое выражено либо в словесной форме, либо в том или ином формализованном виде и достаточно точно и полно отражает основные, существенные на данном уровне развития науки, признаки соответствующего научного понятия» [Герд 1981: 11-12].

Отметим важное, с нашей точки зрения, обстоятельство, что термины и лексические единицы обиходного/повседневного языка связаны между собой. Что касается переносного значения этих слов, то оно, соответственно, связано с их прямым значением [Попова 2003: 33-36; Попова, Степанов, Полубоярова 2017: 166-168]. Таким образом, семантика термина в большей степени понятийна. Следовательно, значения многозначного термина выражают взаимозависимые и взаимосвязанные понятия, тогда как значения терминов-омонимов представляют собой понятия, которые имеют непосредственное отношение к самым различным концептам.

С точки зрения С. Д. Шелова [Шелов 2000: 154], терминологические единицы в языке играют весьма важную коммуникативную функцию – обеспечение взаимопонимания между представителями различных областей знания и научных дисциплин. Как полагает С. Д. Шелов, «слово-нетермин и, соответственно, возникшее на его основе слово-термин (как и термин и возникшее на его основе слово общего языка) могут и должны изучаться и с лексикологической и с собственно терминоведческой точки зрения. При этом наиболее целостная и объемная картина, как мы полагаем, получается именно тогда, когда исследование констатирует существование предельных, так сказать, полярных семантических ипостасей языкового знака – терминологическое значение и общеязыковое значение» [Шелов 2000: 155].

В этой связи В. Ф. Новодранова в своем труде особо подчеркивает то важное обстоятельство, что «с точки зрения коммуникации термин должен быть лаконичен и удобен для употребления, он должен соблюдать правила экономии, компактности и должен удовлетворять условиям профессионального общения» [Новодранова 2000: 68-70].

Мы хотели бы также привести и понимание термина М. Н. Володиной, которая отмечает важную, с ее точки зрения, мысль о том, что «выражая специальное понятие, термин становится носителем и хранителем фрагмента информации, которая имеет свою ценность в особой понятийной системе, и в этом смысле термин являет собой особую когнитивно-информационную структуру, в которой аккумулируется выраженное в конкретной языковой форме профессионально-научное знание, накопленное человечеством за весь период его существования» [Володина 2001: 28].

Приведем пример терминологического использования значения существительного «brand», которое по толковому общезыковому словарю английского языка Коллинз объясняется таким образом:

1) a particular brand of a product is the version of that product made by one particular manufacturer (торговая марка, бренд);

2) a brand of sth such as a way of thinking or behaving is a particular kind or variety of it or etc. (разновидность, сорт);

3) a brand is also a permanent mark, usually burnt on to the skin of an animal, which indicates who the owner is (выжженное клеймо на скоте, тавро);

4) a piece of burning wood used as a torch (головня, угли, факел).

На основе анализа толкования существительного «brand» отметим, что номинативно-непроизводная дефиниция значения лексической единицы «brand» является наиболее частотной по данным английских словарных дефиниций.

В контексте нашего описания термина как лексической единицы специального языка приведем наше понимание терминологической единицы как слова или словосочетания, которые образованы на основе подчинительных связей, обозначающих точное научное понятие, и соотносимы с другими терминологическими единицами в той или иной специфической терминологической системе.

Таким образом, под термином мы понимаем лексическую единицу специального языка, которая используется в языке для точного выражения тех или иных специальных понятий из различных профессиональных сфер. Рассмотрев термин как лексическую единицу специального языка, мы также приходим к выводу, что термин, относясь к специальному языку, характеризуется однозначностью и отсутствием экспрессивности.

ЛИТЕРАТУРА

Авербух К. Я. Терминологическая вариантность // Вопросы языкознания. – 1986. № 6. С. 38-50.

Володина Н. М. Термин как элемент системы языкового выражения специальных понятий // Научно-техническая терминология. – М., 2001. № 2. С. 27-29.

Герд А. С. Формирование терминологической структуры русского биологического текста. – Л. : Наука, 1981. 112 с.

Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах : учебное пособие для филолог. спец. вузов. – М. : Высш. шк., 1987. 104 с.

Капанадзе Л. А. О понятиях термин и терминология // Развитие лексики современного русского литературного языка. – М. : Наука, 1965. С. 75-85.

Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.

Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект) : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2009. 216 с.

Новодранова В. Ф. Когнитивные науки и терминология // Научно-техническая терминология. – М., 2000. № 1. С. 68-70.

Попова Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков) : монография. – М. : Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. 174 с.

Попова Т. Г., Степанов С. А., Полубоярова М. В. Терминологическое содержательное значение // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. Т. 23. № 3. С. 166-168.

Шелов С. Д. О некоторых проблемах терминоведения: опыт вопросов и ответов // Русский язык: исторические судьбы и современность : международный конгресс исследователей русского языка : труды и материалы / под общ. ред. М. Л. Ремневой и А. А. Поликарпова. – М. : Изд-во МГУ, 2001. С. 154-155.

REFERENCES

Averbukh K. Ya. Terminologicheskaya variantnost' // Voprosy yazykoznaneya. – 1986. № 6. S. 38-50.

Volodina N. M. Termin kak element sistemy yazykovogo vyrazheniya spetsial'nykh ponyatiy // Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya. – M., 2001. № 2. S. 27-29.

Gerd A. S. Formirovanie terminologicheskoy struktury russkogo biologicheskogo teksta. – L. : Nauka, 1981. 112 s.

Golovin B. N., Kobrin R. Yu. Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh : uchebnoe posobie dlya filolog. spets. vuzov. – M. : Vyssh. shk., 1987. 104 s.

Kapanadze L. A. O ponyatiyakh termin i terminologiya // Razvitie leksiki sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. – M. : Nauka, 1965. S. 75-85.

Leychik V. M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura. Izd. 3-e. – M. : Izdatel'stvo LKI, 2007. 256 s.

Nelyubin L. L. Vvedenie v tekhniku perevoda (kognitivnyy teoretiko-pragmaticheskiy aspekt) : ucheb. posobie. – M. : Flinta : Nauka, 2009. 216 s.

Novodranova V. F. Kognitivnye nauki i terminologiya // Nauchno-tehnicheskaya terminologiya. – M., 2000. № 1. S. 68-70.

Popova T. G. Natsional'no-kul'turnaya semantika yazyka i kognitivno-sotsiokommunikativnye aspekty (na materiale angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov) : monografiya. – M. : Izd-vo MGOU «Narodnyy uchitel'», 2003. 174 s.

Popova T. G., Stepanov S. A., Poluboyarova M. V. Terminologicheskoe sodержatel'noe znachenie // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. T. 23. № 3. S. 166-168.

Shelov S. D. O nekotorykh problemakh terminovedeniya: opyt voprosov i otvetov // Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost' : mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka : trudy i materialy / pod obshch. red. M. L. Remnevoy i A. A. Polikarpova. – M. : Izd-vo MGU, 2001. S. 154-155.

Ю. И. Кабирова, И. А. Курбанов
Сургут, Россия

ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ДЕРОГАТИВНОСТИ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена проблеме исследования языковых единиц с ярко выраженной уничижительной оценочностью. Целью данной работы является выявление особенностей зооморфных метафор, обладающих дерогативным значением в русском, английском и татарском языках. Метафора всегда привлекала различных исследователей своей неоднозначностью, она рассматривается как основная мыслительная операция в процессах категоризации и концептуализации действительности. Авторы ставят перед собой следующие задачи: дать определение понятию «дерогативность», изучить, что такое «дерогативная лексика», выявить и проанализировать зооморфные метафоры, выражающие категорию дерогативности, в художественной литературе русского, английского и татарского языков. По результатам исследования было выявлено, что эмоционально-окрашенные лексемы, появившиеся в процессе метафоризации, наряду с основными значениями выражают различные экспрессивные отношения или чувства к человеку. Мы можем сделать вывод, что в русском, английском и татарском языках существуют зооморфные метафоры, обладающие негативной коннотацией, которые используются в речи с целью охарактеризовать отрицательные черты человека в его поведении, характере, поступках. Несмотря на различие языковых картин мира данных языков часто зооморфные метафоры имеют общие черты и значение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дерогативность; категория дерогативности; лексико-семантические уровни; лексическая семантика; зооморфные метафоры; отрицательная коннотация; зооморфные образы; языковая картина мира; русский язык; английский язык; татарский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Кабирова Ю. И., студент, Сургутский государственный университет.

Адрес: 628403, г. Сургут, пр. Ленина, 1.
E-mail: cabirova.julia@bk.ru.

Курбанов И. А., кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и переводоведения, Сургутский государственный университет.

Адрес: 628403, г. Сургут, пр. Ленина, 1.
E-mail: cabirova.julia@bk.ru.

Ju. I. Kabirova, I. A. Kurbanov
Surgut, Russia

ZOOMORPHIC METAPHOR AS THE WAY OF EXPRESSING THE CATEGORY OF DEROGATIVITY IN DIFFERENT LANGUAGES

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of the linguistic units with the strongly expressed pejorative evaluation. The aim of this work is to identify the features of zoomorphic metaphors with derogative value in the Russian, English and Tatar languages. The metaphor has always attracted various researchers with its ambiguity; it is considered as the main mental operation in the processes of categorization and conceptualization of reality. The authors set the following tasks: to define the concept of “derogativeness”, to study what “derogative vocabulary” is, to identify and analyze zoomorphic metaphors expressing the category of derogativity in the fiction of the Russian, English and Tatar languages. According to the results of the study, it was found that emotionally-colored lexical units that appeared in the process of metaphorization, along with the basic meanings, express various expressive relationships or feelings for a person. We can conclude that in the Russian, English and Tatar languages there are zoomorphic metaphors with a negative connotation, which are used in speech in order to characterize the negative traits of a person in his behavior, character, and actions. Despite the difference in the linguistic view of the world of these languages, zoomorphic metaphors often have common features and meaning.*

KEYWORDS: *derogativity; category of derogativity; lexical and semantic levels; lexical semantics; zoomorphic metaphors; negative connotation; zoomorphic images; linguistic picture of the world; Russian language; English language; Tatar language.*

ABOUT THE AUTHORS: *Kabirova Ju. I., Student, Surgut State University.*

Kurbanov I. A., Candidate of Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics and Translation Studies, Surgut State University.

В современном обществе с его желанием дать оценку (в основном отрицательную) человеку и всему, что его окружает, оказывается необходимым изучить, какие языковые средства передают значение понятийной категории дерогативности, которая заключается в выражении пренебрежительности, уничижительности, презрительности [Рамазанова 2011: 11].

Дерогативность – это особое языковое значение, связанное, прежде всего, с указанием на отрицательную оценку,

которое выражается морфолого-словообразовательными, фономорфологическими, лексико-семантическими средствами или с помощью троп и фразеологизмов [Виноградов 1977: 47].

Лексико-семантические средства выражения значения уничижительности занимают центральное место в системе эмоциональных средств языка, что объясняется способностью лексики передавать тончайшие стилистические и смысловые оттенки информации.

В нашей работе мы исследуем лексические единицы с ярко выраженной уничижительной оценочностью. Раскрывается специфика **лексико-семантических средств** передачи значения пренебрежительности, обладающих зооморфным образом.

Для выявления особенностей выражения дерогативности мы отобрали наиболее яркие примеры, которые могут нести в себе данное значение, методом сплошной выборки из художественных текстов.

Зооморфный образ для выражения отрицательной оценки человека, его поведения, внешности специфичен для каждого языка. Обратимся к наиболее ярким примерам в русском языке. Нумерация в работе сплошная.

1. *Не будьте божьей коровой!* [Ильф, Петров 1927: 73].

Согласно «Большому толково-фразеологическому словарю» [Михельсон 2004: 159] словосочетание «*божья коровка*» имеет переносное значение и означает «*наивный, жалкий, недомыслящий человек*». Более того, автор произведения намеренно опустил в оригинальном слове «*коровка*» уменьшительно-ласкательный суффикс «*к*», тем самым создав еще большую иронию и насмешку над героем.

2. *Спали ягнята из личного стола, козлы из бухгалтерии, гиены и шакалы звукового оформления* [Ильф, Петров 1927: 213].

Образ *ягненка* в русской литературе всегда характеризовался слабостью и беззащитностью, но это также и метафора определенного социального уровня, отражающая характер мелких чиновников. Дерогативное значение данного зооморфного образа также подтверждается «Толковым словарем» [Ефремова 2000: 1985]: «*ягнёнок – тихий, кроткий человек*».

Что касается дерогативной лексики «*козлы*», то она означает «*упрямого, неприятного в общении человека*» [Ефремова 2000: 926], а слово «*гиена*» передает образ «*жадного и коварного человека*» [Ефремова 2000: 569].

Зооморфная метафора «*шакал*» также несет в себе крайне негативную коннотацию и обозначает «*жадного, хищного человека*» согласно «Толковому словарю» [Ефремова 2000: 1653].

3. *Наследили за собой, как свиньи* [Ильф, Петров 1927: 154].

4. *Вы – свинья, гражданин предводитель* [Ильф, Петров 1927: 234].

В данных примерах мы наблюдаем дерогативную лексему «*свинья*», что согласно «Толковому словарю» [Ожегов 2012: 786] означает того, «*кто поступает низко, подло, а также (грубо) о грязном человеке*».

Таким же значением данная метафора обладает и в английском языке. Обратимся к примеру.

5. *I'm not through with that pig (Я с этой свиньей давно не вожусь)* [Salinger 1951: 39].

Согласно «Англо-русскому словарю» [Мюллер 1995: 1685] «*pig – разг. свинья, нахал, неряха*».

Таким образом, мы видим, что в обоих языках метафорическое употребление слова «*свинья*» несет в себе отрицательную окраску, и в данном случае эта лексема является дерогативом.

Рассмотрим следующий пример.

6. *Don't pull it; you've got it all wrong, you stupid ass (Не тяни, это ты все испортил, глупый осел)* [Jerome 1889: 17].

Согласно «Большому русско-английскому словарю» [Мюллер 1995: 86] лексическая единица «*ass*» имеет значение с негативной коннотацией: «*осел, глупец, дурак*». Стоит отметить, что в русском языке слово «*осел*» может также нести в себе негативную окраску, будучи метафорой. Так, согласно «Словарю молодежного сленга» Л. А. Захаровой и А. В. Шуваевой [Захарова, Шуваева 2014: 56] «*осел – груб. глупый, ленивый человек*», а согласно «Словарю символов» образ осла несет в себе «*глупость, покорность, упрямство*». Более того в данном предложении зооморфный образ подкрепляется прилагательным с инвективной окраской «*глупый*».

7. *After hot muffins, it says, "Be dull and soulless, like a beast of the field – a brainless animal, with listless eye, unlit by any ray of fancy, or of hope, or fear, or love, or life" (После горячих пышек он говорит: будь туп и бездушен, как скотина в поле, будь безмозглым животным с равнодушным взглядом, в котором не светится ни жизнь, ни воображение, ни надежда, ни страх, ни любовь)* [Jerome 1889: 103].

В данном примере мы наблюдаем сравнение человека с домашними животными – «*скотиной*». Согласно «Англо-русскому словарю» [Мюллер 1995: 311] «*beast – скотина, зверь; разг. упрямец, неприятный человек*», а согласно «Англо-русскому современному словарю» данная лексема имеет следующее значение: «1) *зверь, животное, скотина, 2) жестокий, бесчеловечный, свирепый человек; изверг*». Как мы можем наблюдать в данном примере, данное сравнение несет в себе крайне негативную окраску как в английском языке, так и в русском, ведь согласно «Толковому словарю» [Ожегов 2012: 793] данная лексема также обладает переносным смыслом: «*грубый, подлый человек*».

В татарском языке очень часто можно встретить метафорические зооморфные сравнения, которые используются с целью переноса каких-либо качеств животного на человека и создания оценочной коннотации. Рассмотрим наиболее яркие примеры.

8. Куян кебек куркак (Трусливый, как заяц).

В народных сказках русского и татарского языков образ зайца ассоциируется с трусливостью, ролью жертвы и беззащитного животного. Так, согласно «Большому татарско-русскому словарю» [Асылгараев 2007: 396] лексическая единица «куян» имеет следующее значение: «*перен. трус, заяц*». В русском языке можно встретить немало поговорок и пословиц, отражающих данную черту животного: «Пуганый заяц и куста боится», «Вор, что и заяц: и тени своей боится», «дрожать как заяц» и т. д.

9. Халык сарык кте (Народ – стадо баранов). Традиционно зооморфный образ «барана» несет в себе олицетворение глупости, недалекости, твердолобости.

Часто в татарском языке встречается инвективное употребление метафорических лексем – названий животных. Рассмотрим такой пример.

10. Эт! (Собака)

Согласно «Большому татарско-русскому словарю» данное слово имеет следующее переносное значение: «*Эт – перен. собака (о человеке)*» [Асылгараев 2007: 598]. Так же, как и в русском языке, данное слово несет в себе добавочную отрицательную коннотацию негодяя, презренного человека.

Таким образом, в ходе нашего исследования мы выяснили, что эмоционально-окрашенные лексемы, появившиеся в процессе метафоризации, наряду с основными значениями выражают различные экспрессивные отношения или чувства к человеку. Мы можем сделать вывод, что в русском, английском и

татарском языках существуют зооморфные метафоры, обладающие негативной коннотацией, которые используются в речи с целью охарактеризовать отрицательные черты человека в его поведении, характере, поступках. Несмотря на различие языковых картин мира данных языков часто зооморфные метафоры имеют общие черты и значение.

ЛИТЕРАТУРА

Беляева Т. М., Хомяков В. А. Нестандартная лексика английского языка. – Л. : Издательство ЛГУ, 1985. 136 с.

Виноградов В. В. Лексикология и лексикография : Избранные труды. – М., 1977. С. 162-189.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. – М. : Рус. яз., 2000. 1209 с.

Захарова Л. А., Шуваева А. В. Словарь молодежного сленга. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. 120 с.

Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. – Режим доступа: http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0100.shtml.

Курбанов И. А., Кабирова Ю. И. Морфологические средства выражения дерогативности в русском, английском и татарском языках // Молодой исследователь: вызовы и перспективы : сборник статей по материалам LCIX международной научно-практической конференции. – Москва, 2018. С. 21-24.

Михельсон М. И. Большой толково-фразеологический словарь. – ETS Publishing house, 2004. 2208 с.

Мюллер В. К. Англо-русский словарь. – М. : Русский язык, 1995. 2106 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., перераб. – М. : Мир и Образование ; ОНИКС, 2012. 1375 с.

Рамазанова А. Х. Категория дерогативности в разносистемных языках: семантика и функционирование. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kategoriya-derogativnosti-v-raznosistemnykh-yazykakh-semantika-i-funktsionirovanie>.

Рамазанова А. Х. Лексико-семантические средства выражения значения презрения в разносистемных языках. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/leksiko-semanticheskie-sredstva-vyrazheniya-znacheniya-prezreniya-v-raznosistemnykh-yazykakh>.

Татарско-русский словарь. – Казань : Магариф, 2007. 726 с.

Jerome K. Jerome. Three Men in a Boat (to say nothing of the dog). – Mode of access: <https://www.gutenberg.org/files/308/308-h/308-h.htm>.

Salinger J. D. The catcher in the rye. – Mode of access: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=12999>.

REFERENCES

- Belyaeva T. M., Khomyakov V. A. Nestandardnaya leksika angliyskogo yazyka. – L. : Izdatel'stvo LGU, 1985. 136 s.
- Vinogradov B. V. Leksikologiya i leksikografiya : Izbrannye trudy. – M., 1977. S. 162-189.
- Efremova T. F. Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyy. – M. : Rus. yaz., 2000. 1209 s.
- Zakharova L. A., Shuvaeva A. V. Slovar' molodezhnogo slenga. – Tomsk : Izdatel'skiy Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. 120 s.
- Il'f I., Petrov E. Dvenadtsat' stul'ev. – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0100.shtml.
- Kurbanov I. A., Kabirova Yu. I. Morfologicheskie sredstva vyrazheniya derogativnosti v russkom, angliyskom i tatarskom yazykakh // Molodoy issledovatel': vyzovy i perspektivy : sbornik statey po materialam LCIX mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Moskva, 2018. S. 21-24.
- Mikhel'son M. I. Bol'shoy tolkovo-frazeologicheskii slovar'. – ETS Publishing house, 2004. 2208 s.
- Myuller V. K. Anglo-russkiy slovar'. – M. : Russkiy yazyk, 1995. 2106 s.
- Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. 28-e izd., pererab. – M. : Mir i Obrazovanie ; ONIKS, 2012. 1375 s.
- Ramazanova A. Kh. Kategoriya derogativnosti v raznosistemnykh yazykakh: semantika i funktsionirovanie. – Rezhim dostupa: <http://www.dissercat.com/content/kategoriya-derogativnosti-v-raznosistemnykh-yazykakh-semantika-i-funktsionirovanie>.
- Ramazanova A. Kh. Leksiko-semanticheskie sredstva vyrazheniya znacheniya prezreniya v raznosistemnykh yazykakh. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/v/leksiko-semanticheskie-sredstva-vyrazheniya-znacheniya-prezreniya-v-raznosistemnykh-yazykah>.
- Tatarsko-russkiy slovar'. – Kazan' : Magarif, 2007. 726 s.
- Jerome K. Jerome. Three Men in a Boat (to say nothing of the dog). – Mode of access: <https://www.gutenberg.org/files/308/308-h/308-h.htm>.
- Salinger J. D. The catcher in the rye. – Mode of access: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=12999>.

И. В. Кирилова, Ю. С. Желонкина
Екатеринбург, Россия

**НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА
А. И. КУПРИНА «ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ»)**

АННОТАЦИЯ. В статье приведены результаты анализа компонентов невербальной коммуникации, используемых А. И. Куприным в рассказе «Гранатовый браслет». Описаны каналы восприятия невербальных сигналов, уровень их осознания субъектом, определена их специфика и функция в художественном тексте.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: невербальная коммуникация; каналы восприятия; невербальные знаки; художественные тексты; художественный дискурс; рассказы; русская литература; русские писатели.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Кирилова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет.
Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
E-mail: irishakuz@yandex.ru.

Желонкина Юлия Сергеевна, студент 4 курса Института филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет.
Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
E-mail: zhelonkina-00@mail.ru.

I. V. Kirilova, Ju. S. Zhelonkina
Ekaterinburg, Russia

**NON-VERBAL COMMUNICATION IN A LITERARY TEXT
(USING THE EXAMPLE OF A. I. KUPRIN'S STORY
"GARNET BRACELET")**

ABSTRACT. The article presents the results of the analysis of non-verbal communication components used by A. I. Kuprin in the story "Garnet Bracelet". The channels of perception of non-verbal signals, the level of their awareness by the subject are described, their specificity and function in the literary text are determined.

KEYWORDS: non-verbal communication; channels of perception; non-verbal signs; fiction texts; art discourse; stories; Russian literature; Russian writers.

ABOUT THE AUTHORS: Kirilova Irina Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University.

Zhelonkina Juliy Sergeevna, 4th Year Student of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University.

Успешное существование человека в обществе определяется, прежде всего, способностью к коммуникации. Язык является непосредственным средством выражения мысли, т. е. того, что хочет сказать говорящий. С помощью речи и языка телодвижений люди могут обмениваться информацией, изъяслять свою волю и желания и т. д. Язык – это инструмент, которым человек располагает, находясь в обществе, и который помогает занимать в нем определенное место. Он способен выразить все, что чувствует человек, облекает мысли и чувства в материальную форму.

Однако коммуникация не замыкается «лишь в звуковой материальной оболочке» и является изолированной «от всех условий, из которых слагается ситуация конкретного общения» [Колшанский 2014: 4]. Она возникает в определенных условиях, которые играют важную роль в том, какие средства использует говорящий. Таким образом, мы можем выделить *вербальную и невербальную коммуникацию*.

Вербальная коммуникация является основным способом общения и осуществляется с помощью языковых средств. Она может заключаться как в устной, так и в письменной форме.

Невербальная коммуникация – «особая разновидность взаимодействия между людьми с помощью неречевых знаков, интерпретируемых с учетом конкретной ситуации» [Гридина, Коновалова, Воробьева 2015: 4]. Она не предполагает использование вербальных средств; это обмен информацией без помощи слов. Инструментом общения является тело человека и конкретная ситуация, в которой используются внеязыковые единицы.

В лингвокультурологии выделяются два основных семантических типа эмблематических невербальных средств коммуникации – коммуникативные и симптоматические.

К коммуникативным эмблематическим жестам относятся кинемы, несущие информацию, которую жестикулирующий в коммуникативном акте намеренно передает адресату.

Симптоматические жесты выражают эмоциональное состояние жестикулирующего. Признаком всех симптоматических жестов является именно эмоция, а не ее физиологическое проявление (например, горе, а не слезы). Примерами русских симптоматических жестов являются: «прикрыть рот рукой» (от изумления), «кусать губы», «барабанить пальцами по столу», «привстать со стула», «делать большие (круглые, страшные) глаза», «топнуть ногой».

Выделяют также несколько функций, которые невербальные сообщения выполняют при взаимодействии с вербальными. Это функции:

- дополнения (включая дублирование и усиление) вербальных сообщений;
- опровержения вербальных сообщений;
- замещения вербальных сообщений;
- регулирования разговора [Куницына 2001: 43].

Важнейшей особенностью невербальной коммуникации является то, что она может осуществляться с помощью разных сенсорных систем: зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса. На основании этого выделяются различные каналы ее восприятия:

- акустический;
- оптический;
- тактильный;
- ольфакторный (восприятие запахов) [Гридина, Коновалова, Воробьева 2015: 19-20].

Все эти виды невербальных сообщений не изолированы, они находятся во взаимодействии.

Использование средств невербальной коммуникации различается в зависимости от вида речевого общения – письменного или устного.

Невербальные знаки представлены в тексте с помощью языковой системы. Такие словесные описания невербальной коммуникации называют соматизмами (если они состоят из одного слова) или соматическими речениями (если состоят из нескольких слов).

Невербальные компоненты коммуникации в художественной литературе выполняют одну из основных задач художественного творчества – раскрытие внутреннего мира создателя текста через систему и характеры персонажей. Именно в литературном творчестве и его продукте – художественном тексте – детально разработаны точные и выразительные способы репре-

зентации чувственной стороны человека, требующие особого научного осознания и тщательного изучения уже потому, что «лексика и грамматика чувств» – необходимое условие познания самого себя и других представителей той или иной лингвокультуры. Невербальные компоненты коммуникации являются одним из основных структурообразующих компонентов художественного текста, поскольку способны в той или иной мере выразить практически все эмоциональные состояния, мотивирующие характер речевой деятельности. «Выразительные движения и выразительные действия создают образ действующего лица, раскрывая его внутреннее содержание во внешнем действии» [Баженова 2003: 266].

В нашей работе мы использовали алгоритм анализа невербальных сообщений в художественном тексте, предложенный Т. А. Гридиной, Н. И. Коноваловой и Н. А. Воробьевой.

«Анализ невербального компонента коммуникации героя художественного текста предполагает определение:

- 1) канала невербального сигнала;
- 2) уровня осознания человеком своих невербальных действий;
- 3) продолжительности невербального поведения;
- 4) функции невербального сообщения в данном контексте (опровержение, дополнение, регулирование, замещение);
- 5) функции сигнала в художественном тексте» [Гридина, Коновалова, Воробьева 2015: 43].

Приведем примеры анализа.

«Худые, нервные пальцы Желткова забегали по борту коричневого короткого пиджачка, застегивая и расстегивая пуговицы. Наконец он с трудом произнес, указывая на диван и неловко кланяясь».

1. Невербальный сигнал относится (*пальцы забегали по борту пиджачка, застегивая и расстегивая пуговицы; неловко кланяясь*) к оптической знаковой системе, поскольку информация поступает через оптический канал (зрение). Невербальный сигнал (*с трудом произнес*) относится к акустической знаковой системе, поскольку информация поступает через акустический канал (слух).

2. Уровень осознания человеком своих невербальных действий (*пальцы забегали по борту пиджачка, застегивая и расстегивая пуговицы*) отсутствует. Это означает, что человек совершенно не осознает свое поведение и не сможет осознать, да-

же если привлечь его внимание к нему. Уровень осознания человеком своих невербальных действий (*с трудом произнес, неловко кланяясь*) – потенциальный. Означает, что человек мог бы осознать свои действия, если бы обратил на них внимание, но состояние замешательства не позволяет ему осознать это действие.

3. Продолжительность невербального поведения – несколько минут.

4. Функция дополнения. Невербальный сигнал отражает эмоциональное состояние героя, находящегося в состоянии растерянности.

5. Функция адаптирующая, т. к. отражает эмоциональное состояние героя (нервозность).

*«Но в тот же момент, точно не заметив его [Желткова] приветствия, Николай Николаевич **обернулся всем телом к Шеину**».*

1. Невербальный сигнал относится к оптической знаковой системе, поскольку информация поступает через оптический канал (зрение).

2. Уровень осознания человеком своих невербальных действий – полное осознание. Это означает, что человек знает об этом поведении и намеренно использует его.

3. Продолжительность невербального поведения – несколько секунд.

4. Функция регулирования. Невербальный сигнал используется для координации взаимодействия между людьми в процессе коммуникации, установления барьера.

5. Функция социальной ориентации, т. к. отражает неравное социальное положение людей.

*«Так нельзя! – **кричал он, делая вид, что бросает правой рукой на землю от груди какой-то невидимый предмет**».*

1. Невербальный сигнал (*кричал он*) относится к акустической знаковой системе, поскольку информация поступает через акустический канал (слух). Невербальный сигнал (*делая вид, что бросает правой рукой на землю от груди какой-то невидимый предмет*) относится к оптической знаковой системе, поскольку информация поступает через оптический канал (зрение).

2. Уровень осознания человеком своих невербальных действий – полное осознание. Это означает, что человек знает о своем поведении и намеренно использует его.

3. Продолжительность невербального поведения – несколько минут.

4. Функция дополнения. Невербальный сигнал отражает эмоциональное состояние героя, находящегося в возбужденном состоянии.

5. Функция эмотивная: невербальный сигнал передает эмоциональное состояние героя.

«Ах, дедушка милый. Вот радость! – воскликнула Анна и всплеснула руками».

1. Невербальный сигнал (*воскликнула*) относится к акустической знаковой системе, поскольку информация поступает через акустический канал (слух). Невербальный сигнал (*всплеснула руками*) относится к оптической знаковой системе, поскольку информация поступает через оптический канал (зрение).

2. Уровень осознания человеком своих невербальных действий – полное осознание. Это означает, что человек знает о своем поведении и намеренно использует его.

3. Продолжительность невербального поведения – несколько секунд.

4. Функция дополнения. Невербальный сигнал отражает эмоциональное состояние героя, находящегося в радостном, возбужденном состоянии.

5. Функция эмотивная: невербальный сигнал отражает эмоциональное состояние героя (радость).

«Вообрази себе, что этот идиотский браслет... – Николай приподнял красный футляр и тотчас же брезгливо бросил его на место».

1. Невербальный сигнал относится к оптической знаковой системе, поскольку информация поступает через оптический канал (зрение).

2. Уровень осознания человеком своих невербальных действий – полное осознание. Это означает, что человек знает о своем поведении и намеренно использует его.

3. Продолжительность невербального поведения – несколько секунд.

4. Функция замещения. Невербальный сигнал используется вместо вербального.

5. Функция эмотивная, т. к. отражает эмоциональное состояние героя (пренебрежение, злость, раздражение).

Значительную роль невербальные компоненты играют при изображении внутреннего мира персонажа и создании его психологического портрета.

Таким образом, в рассмотренных нами примерах можно заметить, что чаще всего встречаются сигналы, получаемые нами через оптический канал (зрение). Чаще всего функция, реализующаяся в контексте данного произведения, – дополнение и замещение, а функция сигнала в художественном тексте – эмотивная. Это связано с тем, что автор часто обращает внимание читателя на манеру совершения действий, на поведение персонажей, что помогает создать реалистичный образ героя в художественном произведении.

В художественном тексте невербальная коммуникация отражается с помощью так называемых соматизмов и соматических речений. Описывая внешнее поведение персонажа в момент коммуникации, они помогают создать полный, точный и убедительный образ героя, отражая его мысли, чувства и отношение к миру. Средства невербальной коммуникации создают психологический портрет персонажа, характеризуют его психологические особенности, раскрывая внутренний мир и показывая читателю все мысли и переживания героя.

При чтении художественного текста, изобилующего средствами невербальной коммуникации, могут возникнуть проблемы с интерпретацией. Важно помнить, что паралингвистические знаки необходимо истолковывать в контексте данного коммуникативного акта, а также рассматривать их не изолированно, а в комплексе.

ЛИТЕРАТУРА

- Баженова И. С. Обозначение эмоций в художественном тексте (прагматический аспект) : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003.
Гридина Т. А., Коновалова Н. И., Воробьева Н. А. Невербальная коммуникация : практикум. – Екатеринбург, 2015.
Колшанский Г. В. Паралингвистика. – М., 2014.
Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение : учебник для вузов. – СПб., 2001.
Куприн А. И. Гранатовый браслет. – СПб., 2015.

REFERENCES

- Bazhenova I. S. Oboznachenie emotsiy v khudozhestvennom tekste (pragmaticheskiy aspekt) : dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 2003.
Gridina T. A., Konovalova N. I., Vorob'eva N. A. Neverbal'naya komunikatsiya : praktikum. – Ekaterinburg, 2015.
Kolshanskiy G. V. Paralingvistika. – M., 2014.
Kunitsyna V. N., Kazarinova N. V., Pogol'sha V. M. Mezhlichnostnoe obshchenie : uchebnik dlya vuzov. – SPb., 2001.
Kuprin A. I. Granatovyy braslet. – SPb., 2015.

М. В. Коновалова
Челябинск, Россия

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВЕРИФИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-МЕДИАДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются когнитивные аспекты верификации в Интернет-медиадискурсе, а именно: сущность когнитивной категории, участие фоновых знаний в процессе верификации сведений, содержания медиатекстов во взаимосвязи с другими когнитивными структурами Интернет-медиадискурса, понятие и структура верификационного концепта. При описании верификационного концепта приводятся примеры использования верификационных маркеров в медиатексте во взаимосвязи с когнитивными категориями Интернет-медиадискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс; медиатексты; медиалингвистика; когнитивные категории; когнитивная лингвистика; верификационные концепты; фоновые знания.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Коновалова Мария Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Челябинский государственный университет.

Адрес: 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.
E-mail: makonovalova@yandex.ru.

M. V. Konovalova
Chelyabinsk, Russia

COGNITIVE ASPECTS OF VERIFICATION ON THE INTERNET MEDIA DISCOURSE

ABSTRACT. The article discusses the cognitive aspects of verification in Internet media discourse, namely: the essence of the cognitive category, the participation of background knowledge in the process of verifying information, the contents of media texts in conjunction with other cognitive structures of the Internet media discourse, the concept and structure of the verification concept. When describing the verification concept, examples of the use of verification markers in the media text are given in conjunction with the cognitive categories of Internet media discourse.

KEYWORDS: media discs; media texts; media linguistics; cognitive categories; cognitive linguistics; verification concepts; background knowledge.

ABOUT THE AUTHOR: Konovalova Maria Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Chelyabinsk State University.

Медиадискурс представляет собой сознательную, тематически обусловленную субъектно-субъектную речемыслительную деятельность, подразумевающую соответствующее содержание и собственные когнитивные практики создания, передачи и интерпретации знаний. Информативная функция медиадискурса обуславливает преобразование фактической, оценочно-субъективной информации в медиатексте, позволяющем в сжатом и доступном виде предоставить сведения о репрезентируемом событии большому количеству реципиентов. Массовая аудитория обладает разными фоновыми знаниями и разным опытом интерпретации медиатекстов, поэтому в медиадискурсе информация о событии подвергается когнитивным преобразованиям, таким как концептуализация и категоризация.

Концептуализация подразумевает когнитивный процесс отбора референтных признаков, позволяющих кратко репрезентировать событие на уровне понимания массового реципиента и сохранить в сознании необходимую информацию о нем. Т. Г. Добросклонская пишет о функциональности медиадискурса, Е. А. Кожемякин отмечает существование в медиадискурсе особых норм репрезентации действительности и интерпретации полученных знаний. Получающиеся в результате данного познавательного процесса концепты или оперативные единицы знаний несут информацию о событии, об интерпретации его коллективным сознанием, упорядочивают и структурируют его целостный образ.

Дальнейшее формирование представления о событии происходит в процессе категоризации, в котором полученные знания систематизируются, соотносятся с фоновыми знаниями реципиента и занимают определенное место в картине мира. Таким образом, в процессе концептуализации и категоризации предоставляемых медиатекстом знаний массовый реципиент формирует образ репрезентируемого события в соответствии с имеющимися у него когнитивными способами интерпретации медиадискурса. Среди них присутствует и верификация предоставляемых медиа сведений о событии. Рассмотрим данный процесс подробнее.

В современных лингвистических изысканиях нет специализированных работ, предлагающих исчерпывающее определение верификации применительно к медиатекстам. Обратимся к

общему определению данного понятия в Большом энциклопедическом словаре и частному определению верификации прикладного характера. Итак, «ВЕРИФИКАЦИЯ (от лат. *verus* – истинный и *facio* – делаю) – это проверка, эмпирическое подтверждение теоретических положений науки путем сопоставления их с наблюдаемыми объектами, чувственными данными, экспериментом. Принцип верификации (или верифицируемости) – одно из основных понятий логического позитивизма» [Большой энциклопедический словарь [http](http://)]. С позиции лингвистической экспертологии верификация представляет операцию проверки истинности какого-либо высказывания, а точнее процедуру «установления истинности произвольного высказывания на основе опытных эмпирических данных» [Центр экспертиз [http](http://)].

Отличительной особенностью частного понимания верификации в лингвистической экспертологии является разделение утверждений на факты и мнения (оценки). Критерием разделения считается возможность проверки фактологических данных на предмет соответствия реальному положению дел, а также потенциальная неверифицируемость мнений и оценок. Принцип верификации, применяемый в настоящее время в лингвистической экспертологии, базируется на фоновых знаниях экспертов или очевидной проверке фактических данных, подтвержденных документально.

В то же время лингвистическая наука не обладает четкими стандартами установления соответствия или несоответствия высказываний реальности. Однако приведенный выше критерий разделения верифицируемых высказываний на фактические данные и мнения (оценки) вполне применим к медиадискурсу. При верификации медиатекста, выстроенного в соответствии с информационной функцией, происходит та же последовательность когнитивных операций: реципиент информации сначала сверяет фактические данные, такие как имена, количество участников, место и время события. Например, в медиатексте «Журнал *The Economist* показал карту Украины без Крыма» [Журнал... [http](http://)] верификация осуществляется большей частью визуальными средствами: в тексте заметки присутствует ссылка на твиттер украинского посольства в Лондоне («Об этом сообщает посольство Украины в Великобритании»), полностью приводится видео (рис.):

Рис.

То есть реципиент может визуально верифицировать репрезентированную в медиатексте информацию, пройдя по указанной ссылке на аккаунт посольства Украины в Великобритании и посмотрев видео. Данную возможность приведенному медиатексту предоставляет виртуальный компонент Интернет-медиадискурса, благодаря которому верифицируется тема медиатекста (карта Украины без Крыма), участники события (журналисты The Economist, сотрудники посольства Украины в Великобритании), место события (Великобритания). Таким образом, фактическая информация о событии в Интернет-медиадискурсе подтверждается сразу, и верифицирующие компоненты органично включаются в медиатекст.

Однако в Интернет-медиадискурсе помимо визуальных верифицирующих компонентов присутствует особый тип знаний, определяющий соотношение значения слова с реальностью без обращения к сознанию реципиента. Данное свойство отмечает

Р. В. Лэнекер и напрямую связывает с языковым значением слова условие его истинности [Langacker 1987]. Данный тип оперативной единицы знаний называется верификационным концептом и содержит основной признак или некоторый набор признаков, маркирующих истинность или ложность информации без обращения к сознанию массового реципиента.

Итак, верификационный концепт – это оперативная единица мышления, репрезентирующая знания, позволяющие удостовериться в истинности пропозиций медиатекстов и информации в Интернет-медиадискурсе. Примером верификационных концептов является система мер, весов, а также различные справочные таблицы, базы данных, географические исследования и пр. Верификационный потенциал данных единиц знаний очевиден.

Однако верификационные концепты способны также соотносить репрезентируемые в медиатексте знания с когнитивными категориями коллективного сознания. В Интернет-медиадискурсе присутствует несколько таких категорий: этнос (культурно-историческая общность людей, определяющая языковую принадлежность); территория (пространство или локативность); время (исторический этап развития культурно-исторической общности); политическая и экономическая ситуация (уровень развития общества); творчество (виртуальное медиапространство); информационное пространство (медиаэмиозис). Приведем пример подобного соотнесения.

В статье «В США заявили о превосходстве ракетных комплексов РФ над американскими» [В США заявили... [http](#)] присутствуют языковые средства олицетворения, что обычно несвойственно публицистическому и официально-деловому стилю, репрезентирующему информацию практически без использования тропов: «**Размещение Россией** гиперзвуковых ракет „Циркон“ и ракетных комплексов „Калибр“ в Тихом океане обеспечит стране усиление влияния в регионе, пишет Military Watch Magazine в субботу, 23 ноября».

Противопоставление России и США отсылает к когнитивной категории политической и экономической ситуации, верифицируемой через косвенные признаки: позиционирование России и США как геополитических соперников («обеспечит стране усиление влияния в регионе»), уточнение качественных характеристик репрезентируемого предмета («...благодаря характеристикам, связанным с дальностью действия российских ракет, Тихий океан является перспективным направлением для их развертывания

именно там») с использованием глаголов превосходства «усиление влияния, положат конец господству США, является перспективным направлением, уступает российскому аналогу, гиперзвуковые ракеты „Циркон“ вообще не имеют равных» и пр.).

Таким образом, при восприятии информации или медиатекста, в котором вербализуются верификационные концепты, установление истинности или ложности высказываний происходит автоматически благодаря маркерам верификации. А значит ни актуальная повестка дня, ни контекст или авторское восприятие и интерпретация события не повлияют на массового реципиента медиатекста. Необходимо отметить, что верификационные концепты достаточно редки и сложно вычленимы из информационного потока, поскольку служат базисом для осознания и осмысления отличия репрезентации события в медиатексте от его реального воплощения.

ЛИТЕРАТУРА

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение когнитивную лингвистику : курс лекций / М-во обр. и науки РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. Ассоциация лингвистов-когнитологов. Изд. 4-е, испр. и доп. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 236 с.

Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Рос. энцикл. ; СПб. : Норинт, 1997, 1999, 2001, 2004. 1456 с. : ил. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/bes/%D0%92%D0%95%D0%A0%D0%98%D0%A4%D0%98%D0%9A%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF>.

Бондарко А. В. Лингвистика текста в системе функционально-семантических категорий // Текст. Структура и семантика. – М., 2001. Т. 1. С. 4-13.

В США заявили о превосходстве ракетных комплексов РФ над американскими. – Режим доступа: <https://iz.ru/946887/2019-11-24/v-ssha-zaiavili-o-prevoskhodstve-raketnykh-kompleksov-rf-nad-amerikanskimi>.

Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2006. № 2. С. 20-33.

Журнал The Economist показал карту Украины без Крыма. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/ussr/news/690007-the-economist-krum-ukraina>.

Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. № 12. Вып. 6. С. 13-21.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М. : Гнозис, 2004. 280 с.

Таюпова О. И. Категории текста как лингвистические универсалии / О. И. Таюпова, У. Ф. Жаббарова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. № 20 (311). С. 98-100.

Центр экспертиз при институте судебных экспертиз и криминалистики. – Режим доступа: <https://ceur.ru/library/words/item129410>.

Langacker R. W. Nouns and verbs // Lg. – 1987. Vol. 63. № 1. P. 53-94.

REFERENCES

Boldyrev N. N. Kognitivnaya semantika. Vvedenie kognitivnuyu lingvistiku : kurs lektsiy / M-vo obr. i nauki RF, Tamb. gos. un-t im. G.R. Derzhavina, Ros. Assotsiatsiya lingvistov-kognitologov. Izd. 4-e, ispr. i dop. – Tambov : Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 2014. 236 с.

Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' / gl. red. A. M. Prokhorov. 2-e izd., pererab. i dop. – M. : Bol'shaya Ros. entsikl. ; SPb. : Norint, 1997, 1999, 2001, 2004. 1456 s. : il. Rezhim dostupa: <https://gufo.me/dict/bes/%D0%92%D0%95%D0%A0%D0%98%D0%A4%D0%98%D0%9A%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF>.

Bondarko A. V. Lingvistika teksta v sisteme funktsional'no-semanticheskikh kategoriy // Tekst. Struktura i semantika. – M., 2001. T. 1. S. 4-13.

V SShA zayavili o prevoskhodstve raketnykh kompleksov RF nad amerikanskimi. – Rezhim dostupa: <https://iz.ru/946887/2019-11-24/v-ssha-zaiavili-o-prevoskhodstve-raketnykh-kompleksov-rf-nad-amerikanskimi>.

Dobrosklonskaya T. G. Mediadiskurs kak ob"ekt lingvistiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. – 2006. № 2. S. 20-33.

Zhurnal The Economist pokazal kartu Ukrainy bez Kryma. – Rezhim dostupa: <https://russian.rt.com/ussr/news/690007-the-economist-krym-ukraina>.

Kozhemyakin E. A. Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo государственного университета. Ser. Gumanitarnye nauki. – 2010. № 12. Vyp. 6. S. 13-21.

Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa. – M. : Gnozis, 2004. 280 s.

Tayupova O. I. Kategorii teksta kak lingvisticheskie universalii / O. I. Tayupova, U. F. Zhabbarova // Vestnik Chelyabinskogo государственного университета. – 2013. № 20 (311). S. 98-100.

Tsentr ekspertiz pri institute sudebnykh ekspertiz i kriminalistiki. – Rezhim dostupa: <https://ceur.ru/library/words/item129410>.

Langacker R. W. Nouns and verbs // Lg. – 1987. Vol. 63. № 1. P. 53-94.

УДК 811.161.1'42:811.161.1'

38:811.161.1'27

ББК Ц1141.12-006.21

+Ш141.12-55+Ш141.12-51

ГРНТИ 16.21.27;

16.21.47

Код ВАК 10.02.01

Е. М. Крижановская

Пермь, Россия

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В СЕТЕВОМ СООБЩЕСТВЕ КАК РЕАКЦИИ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ НА РЕАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье характеризуется феномен словесной агрессии как варианта реагирования интернет-пользователей на обсуждение реального политического события. В докладе определяется понятие речевой агрессии; приводится краткая характеристика актуального политического события, явившегося стимулом для речевого реагирования участников двух политических интернет-сообществ популярной социальной сети «Фейсбук»; описывается использование авторами интернет-текстов в процессе создания постов и комментариев таких основных приемов выражения словесной агрессии, как: бранная лексика, иронические номинации, маркеры чуждости, ярлыки. Статья содержит вывод о том, что использование средств выражения речевой агрессии авторами интернет-текстов данных сетевых групп преследует следующие цели: дискриминацию и оскорбление политического оппонента, выражение собственных негативных эмоций, создание «образа врага» и, как следствие, манипуляцию сознанием других интернет-пользователей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические коммуникации; интернет-коммуникации; социальная сеть; сетевое сообщество; речевая агрессия; языковые средства.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Крижановская Елена Мечиславовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра журналистики и массовых коммуникаций, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

E-mail: emkrizh@gmail.com; krizh@psu.ru.

E. M. Krizhanovskaya

Perm, Russia

THE EXPLICATION WAYS OF VERBAL AGGRESSION IN THE NETWORK COMMUNITY AS AN INTERNET USERS' RESPONSE TO REAL POLITICAL EVENTS

ABSTRACT. *The article describes the phenomenon of verbal aggression as a variant of Internet users' response to the discussion of a real political event. The report defines the concept of verbal aggression; provides a brief description of the current political event, which was a stimulus for the speech response of participants of the two political Internet communities in the popular social network "Facebook"; describes the use by the Internet texts' authors of some basic means of verbal aggression's expression in the process of creating posts and comments on current political issues, These means are: abusive words, ironic nominations, markers of alienation, labels. The author comes to the conclusion that the use of means of verbal aggression's expression by the Internet texts' authors of these network groups pursues the following goals: discrimination and insult of a political opponent, the expression of their own negative emotions, the creation of "an image of the enemy" and, as a consequence, the manipulation of other Internet users' consciousness.*

KEYWORDS: *political communications; Internet communications; social network; network community; speech aggression; language tools.*

ABOUT THE AUTHOR: *Krizhanovskaya Elena Mechislavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Perm State National Research University.*

Речевая (вербальная, словесная) агрессия в современной политической интернет-коммуникации – явление чрезвычайно распространенное. Широкое распространение речевой агрессии объясняется не только реалиями настоящего времени и особенностями протекания современных политических процессов, но и самим характером политического дискурса, которому свойственна агональность, постоянное противостояние различных акторов, т. е. борьба за власть. Как отмечает Е. И. Шейгал, «агональность политического дискурса предполагает наличие знаков гомеостаза и знаков агрессии. Поскольку оба аспекта борьбы за власть (удержание власти или ее захват – Е.К.) предполагают борьбу против оппонентов, то знаки вербальной агрессии приобретают особую значимость в политическом дискурсе» [Шейгал 2004: 121]. В настоящее время феномен речевой агрессии в целом изучен достаточно подробно в лингвистике, в частности предложены дефиниции понятия речевой агрессии (Т. А. Воронцова, Л. М. Майданова, Ю. В. Щербинина и др.), выявлены типы речевой агрес-

© Крижаноская Е. М., 2019

Материалы были представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лигвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (состоялась 29-30 ноября 2019 года на базе Уральского государственного педагогического университета)

сии в зависимости от разных оснований ее классификации (Н. С. Громова, Г. А. Копнина, А. П. Сковородников и др.), описаны способы реализации словесной агрессии и формы ее языкового выражения в разных типах дискурсов (педагогическом, политическом, медийном и др.). В то же время, на наш взгляд, недостаточно изучены формы проявления речевой агрессии в русскоязычной политической интернет-коммуникации, которая рассматривается многими современными исследователями как одна из наиболее конфликтных сфер общения. В этой связи изучение способов и языковых средств выражения речевой агрессии в политических сообществах социальной сети «Фейсбук» представляется нам актуальным.

Вслед за Т. А. Воронцовой мы понимаем под речевой агрессией «конфликтогенное речевое поведение, в основе которого лежит установка на субъектно-объектный тип общения и негативизирующее воздействие на адресата» [Воронцова 2006: 4]. Это означает, что один из участников общения (или определенная группа) не соблюдает в процессе общения принцип кооперации и использует в ходе коммуникации такие речевые стратегии и тактики, которые вызывают негативные эмоциональные реакции других коммуникантов (злость, раздражение, обиду и под.). По мнению В. И. Космодемьянской, агрессивная личность «не готова идти на компромисс, переводит общение в конфликтное русло, не соблюдая постулаты и принципы межличностного взаимодействия, намеренно создавая угрозы для позитивного и/или негативного лица своего оппонента» [Космодемьянская 2019: 40]. При этом, как отмечает Т. А. Воронцова, агрессивное речевое поведение «характеризуется двойной интенцией: 1) выражение негативного отношения к кому-либо (условно это можно обозначить как аффективный вектор речевой агрессии); 2) ориентация на субъектно-объектный тип общения с адресатом, которая проявляется в деструктивном (некооперативном) речевом поведении (прагматический фактор)» [Воронцова 2006: 8]. Повидимому, названные прагматические установки коммуникантов наиболее отчетливо проявляются и при обсуждении в социальных сетях актуальных политических событий.

Материалом для изучения специфики проявления вербальной агрессии участников интернет-сообщества как реакции на реальные политические события послужили тексты постов и комментариев, размещенные в 2 группах социальной сети «Фейсбук» с одноименным названием «Политика» в период с

24 июля 2019 года по 7 августа 2019 года, посвященные обсуждению протестных митингов в Москве в июле – августе 2019 года. Кратко напомним, что протестное движение летом 2019 года в Москве было вызвано недопуском Московской городской избирательной комиссией к выборам в Московскую городскую думу части независимых кандидатов вследствие большого количества в их документах бюллетеней с недействительными подписями избирателей. Как известно, такое решение избирательной комиссии Москвы вызвало волну негодования определенной части избирателей, которая вылилась в демонстрации, пикеты, митинги протеста. Акции гражданского неповиновения сопровождались административными арестами незарегистрированных кандидатов и достаточно жесткими действиями по отношению к митингующим со стороны представителей силовых структур. В результате урегулирования ситуации некоторые независимые кандидаты были допущены к выборам, и произошло увеличение оппозиционных мест в Московской городской думе.

Совершенно естественно, что описанные выше политические события стали предметом обсуждения среди участников анализируемых нами интернет-сообществ. Изучение размещенных в интернет-сообществах материалов свидетельствует о том, что в текстах постов и комментариев к ним были выявлены те же средства выражения вербальной агрессии, которые используются в реальном политическом дискурсе. По классификации Е. И. Шейгал, основными средствами выражения словесной агрессии являются: бранная лексика, иронические номинации, маркеры чуждости, ярлыки [Шейгал 2004: 130]. Далее будет представлена краткая характеристика названных приемов выражения речевой агрессии.

Пожалуй, в качестве одного из главных способов выражения вербальной агрессии в виртуальном политическом дискурсе выступает, естественно, использование авторами **инвективной лексики**, значительную часть которой составляют бранные слова и словосочетания. По определению Л. Ю. Иванова, инвективная лексика представляет собой «слова и словосочетания, используемые как средства выражения резко отрицательной оценки, средства хулы и поношения лиц, предметов и явлений действительности» [Культура... 2003: 209]. В анализируемых постах и комментариях негативной оценке подвергаются не только отдельные элементы актуальной политической ситуации, действия и высказывания политических оппонентов, но и нередко поступ-

ки и высказывания сторонников одной политической доктрины, а также комментарии интернет-пользователей, придерживающихся другой точки зрения на события. Иллюстрацией могут служить следующие текстовые фрагменты (здесь и далее правописание оригинала сохранено, обценные слова обозначаются отдельными буквами слова, интернет-сообщества помечаются как *Политика 1* и *Политика 2*):

а) «Особенно доставило вот это вот „если своих ломают и крутят“. Ну, то есть, когда чужих, тех, кто не в ЕР, то это нормально. А тут – **них..се**, своих!!! Вот прям вот так вот – нас, элиту, вот с этим вот **быдлом!** (Pavel Solevarov 05.08.2019 – *Политика 1*); б) **Дура, дурой**. Поделом. А то свои! **По хребту палкой резиновой**, Что бы знала, что свои в овраге лошадь доедают (Андрей Громов 05.08.2019 – *Политика 1*); в) Реализуя свое право, Шахрин выбрал свободу стать **протитуткой властей**, которые избивали людей в Москве, пока Шахрин забавлял публику. Ему заплатили, чтобы он доставил удовольствие. И рокер Шахрин не подкачал» (Василий Аленин 06.08.2019 – *Политика 2*).

В приведенных текстовых фрагментах а) и б) интернет-пользователи открыто осуждают высказывания женщины-члена партии «Единая Россия», которая пыталась выйти из полицейского окружения во время уличных беспорядков в Москве, демонстрируя представителям власти свой мандат члена партии и наивно полагая, что ее должны пропускать с ним везде. Во фрагменте в) осуждению подвергается поведение известного российского музыканта, лидера рок-группы «Чайф» Владимира Шахрина, отказавшегося принимать участие в митингах протеста и выступившего во время их проведения на фестивале «Шашлык Live», организованного мэрией Москвы. Во всех этих текстовых фрагментах комментаторы активно используют инвективную лексику и нередко нецензурные слова для выражения своего презрительного отношения к участникам описываемых событий и для оскорбления конкретных личностей, а оскорбление в свою очередь «реализует чаще всего явно выраженную и сильную агрессию, поскольку практически всегда оно воспринимается адресатом как однозначно негативное, обидное, унижительное, неприемлемое высказывание» [Щербинина 2008: 156]. К сожалению, приведенные иллюстрации не единичны, так как подавляющее большинство анализируемых постов и комментариев к ним насыщены негативно окрашенной лексикой и бранными словами.

Другим не менее распространенным способом выражения речевой агрессии в интернет-комментариях является прием **навешивания ярлыков**. Как отмечает Т. В. Матвеева, ярлык – это «краткая отрицательно-оценочная характеристика человека или явления, тяготеющая к постоянству и дискредитирующая данную личность (явление) в общественном сознании. ... Ярлыком обозначаются те, кто не разделяет позицию говорящего и, следовательно, является ее врагом» [Матвеева 2003: 415]. Мотивы и цели использования в политической коммуникации словесных ярлыков исследователь Н. Е. Булгакова объясняет тем, что «такие речевые единицы санкционированы определенной идеологией: противоборствующих партий, политических деятелей, навешивающих ярлыки своим оппонентам (врагам) с целью манипуляции сознанием слушателя/читателя, т. е. для формирования у собеседника определенного восприятия и оценки называемых референтов» [Булгакова 2012: 46].

В анализируемых интернет-текстах были выявлены следующие ярлыки: *гнилые либералы, демократизатор, диванный коммунист, Димон, единокороссы, Ельцинская эпоха, жид, жулики и воры из ЕР, капитализм, классики марксизма, клоун Зеленский, конкурентная олигархия, копы, красная чума 20 века, кремлевский провокатор, либерасты, майдан, навальнисты, навальные, навальнята, националпредатели, недодиктатор, олоша и компания, охранители, патриот, полицейское государство, попы Гапоны, правящая клика, провокатор олоша, прогнившие коммунисты, протестные силы, путинизм, путинские марионетки, путинские СМИ, ребята из Росгвардии, режим Путина, российская клептократия, системные казнокрады и мздоимцы, Сказочная система, слуга народа, товарищи марксисты, транзит власти, фашисты, чиновники, шуваловы* и многие другие. Изучение употребления приведенных политических ярлыков в данных интернет-текстах свидетельствует о том, что, как отмечают А. П. Сковородников и Г. А. Копнина, традиционно «самой многочисленной является группа ярлыков, мишенью которых являются конкретные политические деятели или сторонники той или иной политической идеологии» [Сковородников, Копнина 2019: 51].

Выявленные в анализируемых нами текстах ярлыки-номинации не только выражают резко отрицательное или насмешливое отношение интернет-пользователей к обсуждаемым политическим событиям, лидерам, официальной власти в

целом, но и способствуют созданию программируемого воздействия на адресата поста или комментария, так как позволяют авторам «заклеймить» неугодного политического деятеля, партию, власть, составить такие их отрицательные характеристики, которым многие читатели неосознанно и безоговорочно верят. Это позволяет некоторым современным исследователям трактовать вербальную агрессию как способ определенного речевого воздействия, потому что в ее основе «лежит однонаправленное эмоциональное негативизирующее речевое воздействие на адресата (суггестия)» [Шамне, Карякин 2011: 206]. В то же время речевая агрессия демонстрирует эмоциональную неуравновешенность и психологическую нестабильность самих авторов интернет-текстов, так как «агрессивное речевое поведение, как и физическая агрессия, говорят о девиациях у субъекта и выступают свидетельством деструкции личности» [Громова 2019: 151].

Другим частотным средством выражения речевой агрессии в политической интернет-коммуникации выступают **иронические номинации**. Они представляют собой высказывания, посредством которых политический оппонент или событие подвергаются высмеиванию. По мнению Е. И. Шейгал, «три фактора – наличие насмешки, сниженная эмоциональность и вторичность номинации – делают иронию наименее агрессивным типом инвектив» в политическом дискурсе [Шейгал 2004: 130]. Однако, по нашим наблюдениям, часто в текстах интернет-постов и комментариев к ним ирония перерастает в сарказм, который обычно определяется как «одно из важнейших средств создания комического, разновидность иронии – едкая язвительная насмешка, выражающая негодование» [Культура... 2003: 609]. Подтверждением вышесказанного могут служить текстовые фрагменты, содержащие иронические номинации:

а) *«При этом нужно понимать, что многие из них действительно пришли поддержать незарегистрированных кандидатов. Однако стали очередным „пушечным мясом“ в руках наших светочей демократии – оппозиционеров* (Максим Купричев 05.08.2019 – Политика 1); б) *Соня, как вам удалось в одном комментарии обгадить и „мусора которому пора на свалку“ и путинскую систему вставания с колен при которой „умы меняют на джамшутов“* 😊👉 (Юрий Николаевич 04.08.2019 – Политика 2); в) Елена Фадеева: *Что происходит? – Геннадий Хомич: В Москве проходит летний фестиваль „Доганялки и владение резиновой дубинкой“*» (03.08.2019 – Политика 2).

В приведенных отрывках постов и комментариев интернет-пользователи высмеивают представителей оппозиционного движения, называя их «светочами демократии» (фрагмент а)); критикуют политическую власть в России, при которой, по мнению участников дискуссии, официально декларируется увеличение научного и интеллектуального потенциала страны, но при этом многие специалисты уезжают работать за границу (фрагмент б)); насмешливо обозначают разгон митингов протестующих силовыми структурами «летним фестивалем» (фрагмент в)).

Менее частотными средствами выражения речевой агрессии в текстах постов и комментариев авторов анализируемых интернет-сообществ являются **маркеры «чуждости»**. Безусловно, в интернет-коммуникации, как и в реальном дискурсе, отражается основная оппозиция политического дискурса «свои – чужие», но в текстах политических интернет-сообществ, на наш взгляд, эти средства не являются лидирующими. В качестве иллюстрации приведем следующие текстовые фрагменты, в которых используются маркеры «чуждости»:

а) *«Ого, кандидаты в Мосгордуму от КПРФ требуют отставки Горбунова и гласного пересчета-проверки всех подписей. У них есть свой резон. Им подсунили двойника-спойлера КПКР, у которых все подписи поддельные, а Горбунов зарегистрировал от них аж 31 человека. Но мы, конечно, поддерживаем справедливые требования товарищей из КПРФ (Кирилл Рогов 07.08.2019 – Политика 1); б) Естественно мы не увидим ничего, что можно было бы назвать журналистским расследованием... не будет никаких попыток добыть инсайдерскую информацию. Ведь они, олоша и компания, тоже не парятся, а просто как обычно, скармливают нам набор грубо скомпонованных общедоступных фактов (Денис Восьмов 03.08.2019 – Политика 1); в) Ответу за русских – у Вас за них горой вступится вся силовая система, а в Украине СБУ и копы уже не так решительны и во многом поддерживают активистов, сующих коррупционеров в муорники и не вмешиваются в ситуацию» (Юрій Компанець 03.08.2019 – Политика 1).*

Представленные фрагменты интернет-текстов вполне убедительно доказывают, что даже в рамках обсуждения актуального политического события в одном сообществе социальной сети происходит постоянная смена «своих» и «чужих», так как эта категория для разных авторов наполнена разным содержанием. Так, например, в текстовом фрагменте а) «чужие» пред-

ставлены кандидатами в Московскую городскую думу от КПРФ, в то время как из контекста совершенно непонятно, кто относится к «своим»; во фрагменте б) под «чужими» автор подразумевает оппозиционера А. Навального и его сторонников, которых комментатор иронично называет «олоша и компания»; наконец, во фрагменте в) в качестве «чужих» для украинского интернет-пользователя выступает целый народ – русские.

Таким образом, обобщая результаты изучения способов выражения речевой агрессии в текстах постов и комментариев к ним в политических сообществах социальной сети «Фейсбук», отметим, что используемые авторами интернет-текстов данных сетевых групп инвективная и бранная лексика, иронические номинации, маркеры «чуждости» и словесные ярлыки преследуют определенные цели: дискриминацию и оскорбление политических оппонентов, выражение собственных негативных эмоций и отношения к событиям и людям, создание «образа врага» и, как следствие, программируемое воздействие на адресата интернет-текстов, манипуляцию сознанием других интернет-пользователей. При этом выявленные в процессе анализа интернет-текстов способы и средства выражения речевой агрессии по своему содержанию и функциональному назначению не отличаются от средств выражения вербальной агрессии в реальном политическом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

Булгакова Н. Е. Словесные ярлыки как лексико-семантическое и лингвоэкологическое понятие // Мир русского слова. – 2012. № 2. С. 42-47.

Воронцова Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Челябинск, 2006. 44 с.

Громова Н. С. Речевая агрессия в политической коммуникации: причины и последствия // Политическая лингвистика. – 2019. № 2 (74). С. 150-155.

Емельянова О. Н. Сарказм // Культура русской речи : Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М. : Флинта : Наука, 2003. С. 609-610.

Иванов Л. Ю. Инвективная лексика // Культура русской речи : Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М. : Флинта : Наука, 2003. С. 209-210.

Космодемьянская В. И. Способы репрезентации прямой и не прямой речевой агрессии в англоязычных политических дебатах // Политическая лингвистика. – 2019. № 4 (76). С. 39-44.

Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М. : Флинта : Наука, 2003. 432 с.

Сковородников А. П., Копнина Г. А. Политические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе // Русская речь. – 2019. № 1. С. 44-57. Режим доступа: <https://ras.jes.su> (дата обращения: 23.10.2019).

Шамне Н. Л., Карякин А. В. Речевая агрессия как нарушение экологичности политического дискурса // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2011. № 1 (13). С. 204-208.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004. 326 с.

Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. 360 с.

REFERENCES

Bulgakova N. E. Slovesnye yarlyki kak leksiko-semanticheskoe i lingvoekologicheskoe ponyatie // Mir russkogo slova. – 2012. № 2. S. 42-47.

Vorontsova T. A. Rechevaya agressiya: kommunikativno-diskursivnyy podkhod : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Chelyabinsk, 2006. 44 s.

Gromova N. S. Rechevaya agressiya v politicheskoy kommunikatsii: prichiny i posledstviya // Politicheskaya lingvistika. – 2019. № 2 (74). S. 150-155.

Emel'yanova O. N. Sarkazm // Kul'tura russkoy rechi : Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik / pod red. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryayeva. – М.: Flinta : Nauka, 2003. S. 609-610.

Ivanov L. Yu. Invektivnaya leksika // Kul'tura russkoy rechi : Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik / pod red. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryayeva. – М.: Flinta : Nauka, 2003. S. 209-210.

Kosmodem'yanskaya V. I. Sposoby reprezentatsii pryamoy i nepryamoy rechevoy agressii v angloyazychnykh politicheskikh debatakh // Politicheskaya lingvistika. – 2019. № 4 (76). S. 39-44.

Matveeva T. V. Uchebnyy slovar': russkiy yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika. – М.: Flinta : Nauka, 2003. 432 s.

Сковородников А. П., Копнина Г. А. Политические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе // Русская речь'. – 2019. № 1. С. 44-57. Режим доступа: <https://ras.jes.su> (дата обращения: 23.10.2019).

Шамне Н. Л., Карякин А. В. Речевая агрессия как нарушение экологичности политического дискурса // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2011. № 1 (13). С. 204-208.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004. 326 с.

Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. 360 с.

Н. Д. Кручинкина
Саранск, Россия

ВНЕЯЗЫКОВЫЕ И ВНУТРИЯЗЫКОВЫЕ УСЛОВИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ ОТРАЖАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

АННОТАЦИЯ. *В статье анализируются особенности актуализации отражательной функции в содержательном плане текстов разных стилей изложения. Показано влияние прецедентного этносоциально-го и этнокультурного сознания на восприятие иной этносоциальной и этнокультурной жизни социума.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *отражательные функции; языковое сознание; языковая деятельность; реальная действительность; этнокультурология; этносы; этнолингвистика; дискурс.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Кручинкина Нина Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Мордовский государственный университет.*

*Адрес: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.
E-mail: ndk-07@mail.ru.*

N. D. Kruchinkina
Saransk, Russia

EXTRALINGUISTIC AND INTRALINGUISTIC CONDITIONS OF ACTUALIZATION OF REFLECTIVE LANGUAGE FUNCTION

ABSTRACT. *The article analyzes the features of updating of the reflective function in the meaningful plan of texts of different styles of presentation. The influence of precedent ethnosocial and ethnocultural consciousness on the perception of another ethnosocial and ethnocultural life of society is shown.*

KEYWORDS: *reflective functions; linguistic consciousness; linguistic activity; objective reality; ethnocultural science; ethnic groups; ethnolinguistics; discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kruchinkina Nina Dmitrievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Roman Philology, Mordovian State University.*

Постсоссюрианский период развития лингвистической теории, набрав достаточно системных сведений о закономерности

стях существования языка в его парадигматике и синтагматических реализациях, вполне закономерно вышел во внешние границы, определяющие само существование языка как специфической формы отражения содержательного субстрата: реальной действительности.

Изучение языка не только как формы, но, в первую очередь, как отраженной действительности, т. е. в содержательном плане, может иметь большую когнитивную значимость: в познании жизни, обычаев, традиций, верований этноса и способствовать воспитанию по меньшей мере терпимости к этим особенностям, а в идеальном варианте – проявлению интереса и уважения к богатству красок мультикультурного пространства.

Огромная роль отражательной функции языка отмечена многими специалистами, соприкасающимися в том или ином аспекте своих исследований с языковой деятельностью (language). В рамках поэтапности действия разных функций языка лишь предварительно воспринятый сознанием реципиента и отраженный в процессе его мыслительной деятельности, а впоследствии означенный им в языке тот или иной фрагмент реальной действительности становится предметом коммуникации [Кручинкина 2006: 95].

Во всех аспектах общественной жизни этносоциумов роль языка в целом значима как для монокультурной, так и для межкультурной коммуникации. В жизни мультикультурных социумов, каким является российский социум, владение также конативной и фатической функциями языка в процессе и монокультурного, и тем более межкультурного общения имеет огромное значение [Леонтьев 1990: 138-139]. Не случайно в последнее время на значимость языка и в отражательном плане обращается внимание не только специалистов в области языка, но и культурологов, социологов, этнологов.

Отражательная функция языка дает основание для актуализации его коммуникативной функции, так как существование языка как средства передачи информации было бы невозможным, если бы язык в своих условных системных формах не информировал бы о той действительности, которая во всем ее многообразии является предметом устной или письменной коммуникации.

Б. А. Серебренников отражательную способность языка считает «одной из самых важных предпосылок возникновения человеческого языка», так как она проявляется при передаче информации о реальной действительности в процессе коммуникации [Серебренников 1970: 9]. По мнению Г. В. Колшанского,

язык, который используется для передачи информации о мире, является «первичной основой существования общественного сознания» [Колшанский 1984: 29]. Если язык не будет являться средством объективного отражения действительности, то необходимость в нем как информационном средстве теряет смысл. На этот факт, в частности, обращает внимание Д. Болинджер: «истина – проблема лингвистическая, поскольку коммуникация без истины просто невозможна» [Болинджер 1987: 41].

При ономаσιологической стратегии презентации отражаемого в текстовом выражении экстралингвистического субстрата внимание обращено не просто на языковые формы выражения, а на внеязыковой прецедент, обеспечивающий то или иное видение отражаемого содержания. Многие лингвисты (этносоциологи, этнопсихологи, лингвокультурологи) во многом способствовали возвращению лингвистики в русло междисциплинарных исследований.

При анализе языкового содержания в текстовой презентации принимаются во внимание этнокультурные и социокультурные особенности самого отражаемого бытия, а также фоновые знания языковой личности, воспринимающей и представляющей свое субъектное осмысление наблюдаемой действительности (гносеологическая ось «субъект – объект»). А. Вежбицкая поэтому на базе содержательной стороны языков исследовала тесную связь между жизнью общества и содержательной стороной языка, на котором оно говорит. «Это в равной мере относится к внутренней и внешней стороне жизни» [Вежбицкая 1999: 263-264].

В семасиологической стратегии учет внешних факторов позволяет ставить в центр внимания когнитивный аспект текстов. Для номинатора в ономаσιологической стратегии сама реальная действительность может являться начальной стадией гносеологического процесса с последующим этапом осознания познаваемого, его концептуализации, его структурирования для последующего текстового или дискурсивного означивания по законам конкретного языка. Для реципиента информации начальной стадией гносеологического процесса является опосредованная, субъективированная, вторичная действительность в той ее номинации, которая представлена инициатором информационного процесса при непосредственном живом общении коммуникантов или при ее регистрации в текстовой репрезентации [Кручинкина 2008а: 141-143].

Г. В. Колшанский человеческое сознание в его гносеологической (когнитивной) функции правомерно определил как «вторичное явление по отношению к материальному миру», который оно отражает [Колшанский 1976: 5].

В принципе отражаемая в сознании номинатора реальная действительность должна быть в своей основе объективной, если номинатор не искажает воспринятое преднамеренно. Однако столь же очевидно, что отраженная в языковом сознании реципиента-номинатора полученная информация не может быть абсолютной истиной в последней инстанции.

Дело в том, что даже крупные исследователи, известные ученые, занимающиеся долгие годы анализом своей темы исследования, в своих выводах зависимы от прецедентного знания, полученного образования, общего состояния своей области науки в данный период научного развития. Поэтому в науке существуют разные направления одной области исследования, пока практика не подтвердит адекватность одной из научных гипотез. Реципиенту этих изысканий, если он находится на начальном этапе приобщения к науке в той или иной ее области, при восприятии разных точек зрения остается аккумулировать полученную другими исследователями сумму знаний. Имеется и другой вариант: в опоре на имеющиеся собственные фоновые научные знания анализировать каждую из точек зрения и находить свой путь аргументации или решения, что и происходит при написании состоявшимся ученым своих научных работ.

В связи с этим можно привести мнение Г. В. Колшанского: «говоря о субъективном характере языка, обычно имеют в виду не тот очевидный факт, что язык есть произведение человеческого интеллекта, а тот факт, что в языке выражаются или целиком субъективные восприятия человека, или в сочетании с некоторой объективной информацией одновременно и элементы субъективной оценки этой информации» [Колшанский 1975: 116].

В других сферах восприятия и последующего информирования о картинах мира реципиент-номинатор проходит те же этапы гносеологической оси *субъект – объект*. Разница лишь в том, что наука в принципе не имеет этносоциальных границ, особенно в настоящее время открытого научного и информационного пространства. В других же сферах информационно-коммуникативной деятельности, несмотря на тенденцию глобализации, на восприятие картины мира языковой личностью и ее отражение языковым сознанием оказывают влияние разные

факторы, в том числе и факторы этносоциального, этнокультурного характера, начиная от полученного семейного воспитания в определенной стране, с определенными многовековыми традициями жизни этносоциума. Этносоциумы в процессе своего формирования с течением времени для своих целей и потребностей создают для себя определенную картину мира [Кручинкина 2017: 630].

Не случайно замечательный французский писатель А. де Сент-Экзюпери декларировал: «*Je suis de mon enfance*». И каждый из нас может постулировать эту мысль. В одной из педагогических книг была представлена притча о монахе, который сказал, что если ему оставить ребенка на воспитание до семилетнего возраста, то потом его можно забирать с уже имеющимися жизненными установками. Можно также вспомнить и подтвердить на своем опыте консервативность нашего сознания на примере того, с каким трудом выкорчевываются плохие детские привычки и мысленные установки. Поэтому и при восприятии иной картины мира собственное мировосприятие довлеет над сознанием, ограничивая объективность отражения в сознании другой картины мира, в том числе и из иного культурного пространства.

Известный французский писатель Пьер Данинос, которого не случайно французские СМИ периода Четвертой Республики назвали писателем-социологом той эпохи жизни Франции, показывает в одном из своих произведений серии об английском майоре Томсоне «*Les carnets du major Thompson*» [Daninos 1954], какой кросс-культурный шок тот испытывает при близком знакомстве с образом жизни даже географически близкой страны – Франции, хотя по долгу службы побывал в разных колониальных владениях королевства: *Tant il est vrai que, pour séparer les deux peuples les plus dissemblables du globe, le Tout-Puissant n'a jeté que quelques seaux d'eau...*

В определенной мере в восприятии майором Франции проскальзывают нотки героев «Персидских писем» Монтескье с их знаменитым вопросом: – *Comment peut-on être Persan?* (– Как можно быть персом?)

Однако когда волею обстоятельств он женится на французенке и сам становится обитателем этой страны, происходит постепенная адаптация к особенностям новой этносоциальной культуры, французского мировосприятия: *...je suis un Anglais nourri à la française.*

Достойный, респектабельный гражданин Соединенного Королевства (*Royaume-Uni*), послуживший своему государству верой и правдой в его многочисленных колониях, отмеченный государственными орденами за верное служение отечеству (*Un Anglais correct*), т. е. имеющий представление о самых разных этносах и особенностях их жизни и традициях, этномировоззрения, тем не менее вначале был дезориентирован многим из того, что он познал во Франции из ее общественной сферы жизни: *...aujourd'hui je peux bien le dire – je ne me suis jamais senti aussi dépaycé qu'à trente kilomètres de Douvres, dans ce doux pays qui porte le glissant nom de France.* И все же уже на этом этапе он не отказывает себе назвать Францию *doux pays*.

Богатый жизненный опыт майора служит серьезной сравнительной основой когнитивного осознания уникальных особенностей концептуального мировосприятия «среднего француза»: *Beaucoup de pays perdent la tête parce qu'ils perdent leur gouvernement. Les Français, auxquels leurs gouvernements pourraient bien faire perdre la tête, ont l'incomparable mérite de la garder froide en cette occasion. Exemple sans doute unique dans le monde, la France possède un corps suffisamment solide pour lui permettre de vivre sans tête un mois sur quatre. Tandis qu'il est chez nous une nécessité, le gouvernement est pour la France un luxe que peuvent lui permettre de s'offrir trois, quatre ou cinq fois par an la solidité de son administration...* Он не может не поражаться той легкости, с какой французы меняют свои правительства, тогда как в его родной стране такого не наблюдается. Тем не менее Томсон, как человек, ступивший на землю Франции, как ее теперешний обитатель, видит и уже старается объективно оценивать и положительную сторону особенностей французского здравогомыслия (*ce fameux Bon Sens*), называя и саму нацию *cette admirable nation*.

Отражательная функция не может осуществляться без участия мышления. Говоря о взаимодействии когнитивных, психолингвистических и языковых факторов в процессе отражения картины мира в той или иной экспликации событий, можно сослаться на мнение А. А. Ветрова: «Язык и мышление диалектически воздействуют друг на друга. Однако вначале была все же мысль (а не слово)» [Ветров 1968: 242].

К. Ажеж считает, что языки, «говоря о мире, перевоссоздают его» [Ажеж 2003: 122]. Конечно, говоря о языках, он имеет в виду говорящих на этих языках, которые, воспринимая реаль-

ную действительность через призму своего общественного и индивидуального языкового сознания, репрезентируют ее с определенной долей субъективности.

По мнению К. Бэйлона, сам поиск форм выражения исходит от реальности, которую создают участники общения, и из определенного социума. Эти факторы считаются также активными в создании картины мира. Язык в его отражательном потенциале через свои понятийные, событийные, информационные знаковые единицы оказывается отраженной знаковой реальностью [Baylor 2002: 223-230].

Исходя из современного состояния открытого мирового пространства, да и обращаясь к нашей собственной многонациональной стране с ее полиэтническим потенциалом, следует отметить важность осознания вариантыности мировосприятия, образа картины мира. Современное открытое мировое пространство дает богатейшие возможности познания жизни даже самых экзотических этносов и особенностей их мировосприятия. Однако следует заметить, что и в нашем внутреннем многонациональном, полиэтническом пространстве нам не мешало бы, хотя бы во избежание случающихся бытовых конфликтов между представителями разных этносов, проявлять больше взаимного интереса и взаимоуважения к этносоциальным, этнокультурным особенностям бытия этносоциумов.

Из собственного московского опыта наблюдения за межэтническими контактами студентов в рамках общежитийского внеучебного бытия можно было сделать вывод, что проявление интереса и уважения к этнокультурным традициям студентов других этнокультурных ареалов вызывало ответную положительную реакцию.

Неформальное, истинно заинтересованное общение представителей разных этносоциальных культур равно обогащает всех участников поликультурного, полиэтносоциального общения. Научные специалисты и практики в области отношений в межэтнических пространствах показывают необходимость преодолевать появляющиеся трудности информационного общения через посредство познания различающегося этномировосприятия в том числе и в прагматических целях: например, для успешного делового общения, создания и реализации совместных бизнес-проектов [Красных 2002: 28-41; Самохина 2005: 56-61].

С. Г. Тер-Минасова вполне аргументированно показала в своих изысканиях, какую важную, в том числе и прагматическую,

роль в современном открытом международном пространстве играют знание и использование общего языка общения в плане содержания тех базовых концептов, которые могут обеспечивать основу контактоустанавливающего общения [Тер-Минасова 2000: 18-25; Тер-Минасова 2008: 215-244]. Однако для этого необходимо также и большой объем фоновых знаний о мире в целом, о разных этносоциумах, этнокультурах, иных картинах мира в сознании разных этносоциумов и проявление уважения к обнаруживающейся вариантности. Тогда успех восприятия партнеров по информационному взаимодействию будет обеспечен.

Не менее важной при этом является и индивидуализация общения, когда коммуниканты замечают у партнеров по общению положительные черты, с вниманием воспринимают их точку зрения, даже если они расходятся во взгляде на какие-то важные для них проблемы, с тем чтобы аргументированно искать путь к компромиссу, например, в деловом общении, в международных отношениях.

Ж.-Д. Саленс поэтому вполне правомерно считает, что языковая деятельность (*language*) при общении как между представителями одного языка, так и разных языков может быть эффективной только при знании и взаимном соблюдении этносоциальных культур [Salins 1992: 84-91, 145-160].

В применении к когнитивному восприятию текста также можно сказать, что для адекватного понимания содержания текстовых произведений, не только инициатору коммуникации, но и реципиенту необходимо обладать знанием о мире – основе действия отражательной функции языка. При межъязыковом устном или письменном общении нужны сведения о социо-, этнокультуре, ментальности других этносов.

Ментальность этносоциума тесно связана с так называемым идиоэтническим мышлением, идиоэтническим сознанием [Кацнельсон 2001: 24, 55-56; Петрухина 2001: 56-65], т. е. специфическим видением мира носителями того или иного языка.

В понимании Ю. С. Сорокина и И. Ю. Марковиной понятие этносоциальной культуры многоуровнево: оно включает знание этносоциума, в рамках которого имеет место передача информации, знание невербального поведенческого этикета, а на языковом уровне – владение речевой практикой общения в разных функциональных стилях того или иного языка [Сорокин, Марковина 1988: 5]. Соблюдение этих принципов помогает рассматривать понятие культуры общения в рамках триады «этнос – язык – культура».

Возвращаясь к процессу коммуникации в устном или письменном общении в семасиологической стратегии, заметим, что для М. М. Бахтина текст (письменный и устный), если его рассматривать как отправную точку познания представленной в нем действительности, в когнитивном плане является первичной данностью «всего гуманитарно-филологического мышления» [Бахтин 1986б: 297]. Тем самым М. М. Бахтин фактически утверждает, что текст адекватно отражает реальную действительность, оформляя информацию о ней условно лишь с учетом специфики языкового кода и жанровых особенностей этой условности.

Исходя из когнитивно-репрезентативных представлений, М. М. Бахтин называет текст непосредственной действительностью мысли [Бахтин 1986а: 473; Бахтин 1986б: 297]. В его представлении без текста «нет и объекта для исследования и мышления» [Бахтин 1986а: 473].

В нашем понимании с когнитивной точки зрения текст репрезентирует отраженную реальность [Кручинкина 2018]. Поэтому текст в содержательной ипостаси является своего рода прообразом реальной действительности и может быть источником получения информации о мире [Кручинкина 2019]. Эта способность текста Т. М. Дридзе названа информативностью [Дридзе 1980: 56], а Е. В. Сидоровым «непременной составляющей его функциональной сущности» [Сидоров 2007: 142].

В тексте представлено отражение прецедентной когнитивной деятельности языковой личности в роли реципиента-номинатора с его возможной оценочной реакцией на воспринятое. М. М. Бахтин поэтому обратил внимание и на прагматику текста: на отношения между содержанием текста и его автором. Мы считаем этот план взаимоотношений между текстом и субъектом (автором текста) важным для лингвистики в ее когнитивной и прагматической функциях, а также для лингвокультурологии, этнолингвистики и социолингвистики [Кручинкина 2016: 203]. Замечательна глубокая мысль ученого о том, что высокая степень актуализации отражательного статуса в содержательном плане языкового выражения базируется на глубине проникновения автора в самую отражаемую действительность [Бахтин 1986б: 194; Бахтин 1988: 190].

Сама действительность может отражаться в разной степени субъектности и субъективности. Понимание этих аспектов позволило М. М. Бахтину охарактеризовать текст как «выражение сознания, что-то отражающего» и как «субъективное отра-

жение объективного мира» [Бахтин 1986б: 308]. Субъективный фактор в познавательной-отражательной деятельности сознания может быть социально, этносоциокультурно, политически обусловлен или сознательно ангажирован. Разная субъективная оценка одних и тех же событий может быть связана с функциональной деятельностью автора оценки событий.

Определенная ангажированность может наблюдаться в первую очередь в политической публицистике, когда сфабрикованное событие вполне преднамеренно выдается за объективную действительность, за увиденное самим журналистом. Об этом говорят и зарубежные социолингвисты [Блакар 1987; Боллинджер 1987; Вайнрих 1987].

Тексты публицистического жанра имеют свою специфику в отражении реальной действительности. Степень адекватности восприятия реципиентом информации общественно-политической реальности зависит не только от степени знания им языка, но и от глубины знаний реальной действительности, политических взглядов и убеждений. Автор речевого произведения, волонтактивно или непреднамеренно преобразуя или даже искажая реальную действительность, создает тем самым для адресата так называемую вторичную реальность.

Направленность на конкретного адресата является непременным условием любой коммуникативной деятельности. Поэтому журналист для результативной коммуникации должен учитывать, осведомлен ли адресат в ситуации, насколько он обладает «специальными знаниями в данной области общения». Он должен знать об области интересов адресата, о его взглядах, так как эти факторы будут способствовать активному восприятию коммуникации [Бахтин 1986б: 291].

Неадекватное восприятие явлений и событий и недостаточно грамотное выражение адресантом мыслей о воспринятой объективной действительности порождают и неадекватную реакцию на нее со стороны адресата. В политической коммуникации это в конечном итоге может привести к исчезновению доверия к автору неадекватного отражения событий, явлений общественной жизни, к дискредитации и уходу с политической сцены, например, политического деятеля, партии, которые потеряли доверие избирателей.

Важно при этом понимать, что информация, передаваемая при помощи языка и важная сама по себе, имеет еще и функцию воздействия: всякое использование языка предполагает

ет формирующий, воздействующий эффект [Блакар 1987: 91]. Ю. Е. Прохоров также считает, что речевое произведение (текст, дискурс) имеет деятельностный характер, т. е. содержит функцию воздействия [Прохоров 2004: 13].

Зависимость между адекватным, неангажированным отражением объективной действительности и рейтингом популярности особенно ярко ощущается в публицистике, которая имеет интерактивный характер связи между автором и читателями, слушателями. Всякий адресант (говорящий, пишущий), тем более автор публицистических произведений, берет на себя ответственность за видение отражаемой им действительности и ее фрагментов перед его зрителями, читателями, слушателями того вторичного мира, каким он предстает перед ними в презентации этого адресанта.

При этом, как справедливо заметил Г. В. Колшанский, в принципе сам язык при отражении в своих формах «не искажает и не преобразует действительность» [Колшанский 1990: 61], так как сам по себе он является условностью, специфическим кодом для каждого языка при оформлении отражаемого содержания. Однако этот код через посредство условных знаков может по-разному представлять реальную действительность даже на уровне объема значений отдельных лексем, что может вызывать у носителей другого языка, недостаточно хорошо владеющих чужим языком, неадекватное восприятие содержания. Это касается и переводческой деятельности. Г. В. Колшанский поэтому указывал на важность адекватной языковой интерпретации, которая базируется на мыслительной способности получателя информации и его языковой и речевой компетенции. В отражательной деятельности сознания коммуникантов он отмечает как неизбежные не только черты объективности, но и проявления непреднамеренной или преднамеренной субъективности [Колшанский 1975: 66, 68].

Это вполне справедливо, если говорить, например, о простой информативной активности, когда степень объективности коммуникантов зависит только от степени владения ими языком общения и степени владения передаваемой или обсуждаемой информацией. Р. Блакар субъективность восприятия действительности среди других причин усматривает поэтому и в сложном характере взаимоотношений между языком и действительностью [Блакар 1987: 95].

Когнитивный аспект познания действительности в семиологической стратегии, т. е. через посредство содержания текста, связан с вопросом о картине мира. Этот вопрос в том или ином виде ставился лингвистами, психолингвистами и психологами в разные периоды с разных углов зрения. Дело в том, что сама отражаемая действительность особенно в настоящее время очень часто меняется: в ней с большой частотностью возникают новые реалии, предметы, явления, которые должны быть осознаны человеческим умом или коллективным сознанием этноса, прежде чем они получают языковое выражение. Поэтому под влиянием измененного бытия (системы социальных отношений внутри социума), измененного восприятия внешнего мира и т. п. в сознании реципиентов могут меняться концептуализация картины мира и структура концептов. В настоящее время мы сполна наблюдаем это и в собственной стране, а также в оценке современной картины мира. В этом случае одни и те же явления объективной действительности воспринимаются измененным социальным, этническим сознанием иначе, порой даже прямо противоположно прежнему восприятию.

В подобных условиях реципиенту получаемой информации приходится выводить истинную картину мира через осознание этой субъективной оценки авторов устной или письменной коммуникации или в том случае, если интерпретант сам был свидетелем освещаемых в тексте событий, через призму собственного видения событий.

В целом, как заметил М. М. Бахтин, говоря о глубине отражения реальной действительности, эта сторона отражательной деятельности сознания, во-первых, относится к интеллектуальному уровню реципиента-номинатора. Презентация же в тексте картины мира в большой степени зависит и от жанровой принадлежности текста.

Для автора события и явления реальной действительности или вторично созданной сознанием воспринятой картины мира реализуются в речевых произведениях разных жанров [Бахтин 1988: 191]. Говоря о речевых произведениях, М. М. Бахтин утверждал, что в речи не бывает текста, не маркированного той или иной жанровой формой [Бахтин 1986б: 250-253]. Поэтому при воссоздании воспринятой картины мира необходимо соблюдать те или иные правила жанра. В прагматическом же плане внутри жанра важно постоянно ощущать своего читателя: коммуникация имеет место лишь при интерактивности коммуни-

кантов. Поэтому для М. М. Бахтина наличие как автора, субъекта – «текстопроизводителя», так и реципиента – «второго субъекта» одинаково важно [Бахтин 1986б: 298].

Тем самым М. М. Бахтин настаивал на важности участия в коммуникации второго участника – адресата. Не случайно он назвал его вторым субъектом в этом процессе, так как полагал, что неправомерно считать второго участника коммуникативного акта, который в какой-то момент коммуникации становится слушающим, пассивным участником: без этого второго участника не может быть осуществлена коммуникативная функция языка. Это, по нашему мнению, связано с тем, что М. М. Бахтин считал неправомерным понимание процесса речепроизводства активным, а процесса речевосприятия – пассивным. Это не соответствовало его пониманию всего коммуникативного процесса в целом как «многосторонне-активного» процесса речевого общения: «Двусторонний акт познания-проникновения очень сложен. Активность познающего сочетается с активностью открывающего (диалогичность); умение познать – с умением выразить себя. Мы имеем здесь дело с выражением и познанием (пониманием) выражения, со сложной диалектикой внешнего и внутреннего» [Бахтин 1988: 190].

Отражение реальной действительности в художественном текстовом выражении отличается особой условностью. Наличие целого ряда факторов позволяет говорить, что всякий текст и, в первую очередь, художественное произведение, отражает экстралингвистическую действительность в специфической мере условности. Условностью характеризуется связь между отражаемыми предметами, явлениями, событиями внеязыковой действительности и обозначающими их в своих специфических языковых формах языковыми знаками.

Условность обозначения явлений, событий реальной действительности в художественных текстах связана и с индивидуальными когнитивными характеристиками восприятия автором реальной действительности [Кручинкина 2008б: 147], а также с определенной долей символизации в ее отражении [Кручинкина 2019]. Вместе с тем наряду с индивидуальными референциальными характеристиками каждое художественное произведение имеет и обязательное универсальное условие адекватности восприятия читателем отраженных в нем событий, явлений, героев: их референциальную привязанность к определенным вре-

менным, пространственным, этнокультурным, социокультурным параметрам [Вежбицкая 1999: 263-771].

Наибольшую познавательную ценность имеют произведения признанных писателей, писателей-классиков. Именно в их художественных произведениях наблюдается та глубина проникновения в реальную действительность, о необходимости которой говорил М. М. Бахтин [Бахтин 1986б: 194; Бахтин 1988: 190]. На фоне этого глубокого проникновения в четко очерченных значимых исторических, социальных, этнокультурных параметрах писатели разворачивают в художественной манере действия условных персонажей, но в их строгой привязанности к определенному социальному слою общества определенной эпохи.

Глубокому проникновению языкового сознания писателя в отражаемую реальную действительность предшествует тщательное исследование документов эпохи, художественных произведений, повествующих об истории или современном состоянии общества во всей его парадигме. Художественные образы имеют свои прототипы из современной эпохи или в лице исторических персонажей. Поэтому чтение такого рода художественных произведений имеет глубоко познавательное, а также часто и воспитательное значение. Например, многочисленные произведения П. Даниноса, написанные во многом как журналистские репортажи с добавлением художественного вымысла в рамках выдуманных персонажей, тем не менее имеют за собой строго выверенные ментальность, характеры, аргументированные действия, поступки этих персонажей. Серия его произведений о майоре Томсоне может быть отнесена к жанру романизированной журналистики. Интерес представляет поэтому достоверное сканирование жизни французского этноса, приправленное мастерством художественного слова, с доброй ироничной коннотацией высказываемой интерпретации наблюдаемой французской действительности.

На этапе референциального восприятия содержания важно понять детали отраженной действительности в ее этнокультурном и этносоциальном аспектах. Именно эти аспекты вызывают трудности адекватного восприятия, так как языковое оформление отражаемого в художественном произведении содержания может сильно варьироваться от языка к языку и от культуры к культуре.

Из-за своей социальной коммуникативной сущности язык используется не только как форма передачи информации, но и

для воздействия этой информацией. Это имеет место даже при индивидуальном общении двух коммуникантов: «даже наш нейтральный неформальный разговор предполагает осуществление власти, т. е. воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком» [Блакар 1987: 91]. Еще большей оказывается сфера воздействия коммуникации, когда неизмеримо растет пространство коммуникации: в случае публичного выступления, например, по телевидению, радио, в центральной прессе, в Интернете.

Действительно, фактически любая информация имеет интенцию воздействия. Получение новой информации адресатом может повлиять на изменение его некоторых взглядов на мир, на его познавательную деятельность, на его эмоциональную сферу (ощущение живого интереса, удовлетворения от получения новой информации или, наоборот, раздражения необъективностью адресанта, гнева на него и т. д.). Адресант при этом может и не иметь намерения воздействия: он просто сообщает результаты своего познания какого-то объекта реального мира, которые он считает объективными.

Неадекватное восприятие явлений и событий и недостаточно грамотное выражение адресантом мыслей о воспринятой объективной действительности, тем более действительности иной цивилизационной истории, порождают неадекватную реакцию на нее со стороны адресата.

ЛИТЕРАТУРА

Ажеж К. Человек говорящий : пер. с фр. – М. : Едиториал УРСС, 2003. 304 с.

Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Введение в литературоведение : хрестоматия. – М. : Высш. шк., 1988. С. 189-450.

Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М. : Худож. лит., 1986а. 543 с.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. – М. : Искусство, 1986б. 445 с.

Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти : пер. с англ. // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987. С. 88-125.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков : пер. с англ. – М. : Языки русской культуры, 1999. 780 с.

Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы. – М. : Политиздат, 1968. 263 с.

Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: из научного наследия. – М. : Языки славянской культуры, 2001. 864 с.

Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М. : Наука, 1975. 232 с.

Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. – М. : Наука, 1976. С. 5-31.

Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. – М. : Наука, 1984. 176 с.

Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и в языке. – М. : Наука, 1990. 108 с.

Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М. : Гнозис, 2002. 284 с.

Кручинкина Н. Д. К вопросу о соотношении функций языка // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. Вып. 5. С. 95-100.

Кручинкина Н. Д. Речевые стратегии коммуникантов // Вестник Мордовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2008а. № 3. С. 141-146.

Кручинкина Н. Д. Связь между языком и отражаемой действительностью в означаемом текстов // Вестник Мордовского университета. – 2008б. № 3. С. 147-151.

Кручинкина Н. Д. Понятия текста и диалогичности в теоретическом наследии М. М. Бахтина // М. М. Бахтин в современном мире. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 202-207.

Кручинкина Н. Д. Поэтапная деятельность языковой личности в коммуникативном процессе // Когнитивные исследования языка. – 2017. Вып. 29. С. 628-636.

Кручинкина Н. Д. Текст как отраженная реальность // Русская речевая культура и текст. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2018. С. 95-99.

Кручинкина Н. Д. Литературный текст как посредник познания жизни этносоциума // Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом. – Екатеринбург, 2019. С. 215-219.

Леонтьев А. А. Путешествие по карте языков мира. – М. : Просвещение, 1990. 143 с.

Петрухина Е. В. Об универсальном и идиоэтническом компонентах языкового значения // Исследования по языкознанию. – СПб. : Наука, 2001. С. 56-66.

Самохина Т. С. Эффективное деловое общение в контекстах разных культур и обстоятельств. – М. : Изд-во «Р.Валент», 2005. 216 с.

Серебрянников Б. А. К проблеме сущности языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. С. 9-95.

Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. – М. : Наука, 1988. С. 5-18.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М. : Слово, 2000. 264 с.

Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. – М. : Слово, 2008. 343 с.

Baylon Ch. Sociolinguistique. Société, langue et discours. – P. : Armand Colin, 2002. 305 p.

Daninos P. Les carnets du major Thompson. – P. : Hachette, 1954. 243 p.

Salins de G.-D. Une introduction à l'ethnographie de la communication. – P. : Didier, 1992. 224 p.

REFERENCES

Azhezh K. Chelovek govoryashchiy : per. s fr. – M. : Editorial URSS, 2003. 304 s.

Bakhtin M.M . K metodologii literaturovedeniya // Vvedenie v literaturovedenie : khrestomatiya. – M. : Vyssh. shk., 1988. S. 189-450.

Bakhtin M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i. – M. : Khudozh. lit., 1986a. 543 s.

Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. 2-e izd. – M. : Iskusstvo, 1986b. 445 s.

Blakar R. Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti : per. s angl. // Yazyk i mode-lirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. – M. : Progress, 1987. S. 88-125.

Vezhbitskaya A. Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov : per. s angl. – M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1999. 780 s.

Vetrov A. A. Semiotika i ee osnovnye problemy. – M. : Politizdat, 1968. 263 s.

Katsnel'son S. D. Kategorii yazyka i myshleniya: iz nauchnogo naslediya. – M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 864 s.

Kolshanskiy G. V. Sootnosheniye sub"ektivnykh i ob"ektivnykh faktorov v yazyke. – M. : Nauka, 1975. 232 s.

Kolshanskiy G. V. Nekotorye voprosy semantiki yazyka v gnoseologicheskom aspekte // Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy. – M. : Nauka, 1976. S. 5-31.

Kolshanskiy G. V. Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka. – M. : Nauka, 1984. 176 s.

Kolshanskiy G. V. Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i v yazyke. – M. : Nauka, 1990. 108 s.

Krasnykh V. V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya. – M. : Gnozis, 2002. 284 s.

Kruchinkina N. D. K voprosu o sootnoshenii funktsiy yazyka // Lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie problemy kommunikatsii: teoreticheskie i prikladnye aspekty. – Saransk : Izd-vo Mordov. un-ta, 2006. Vyp. 5. S. 95-100.

Kruchinkina N. D. Rechevye strategii kommunikantov // Vestnik Mordovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki». – 2008a. № 3. S. 141-146.

Kruchinkina N. D. Svyaz' mezhdru yazykom i otrazhaemoy deystvitel'nost'yu v oznachaemom tekstov // Vestnik Mordovskogo universiteta. – 2008b. № 3. S. 147-151.

Kruchinkina N. D. Ponyatiya teksta i dialogichnosti v teoreticheskom nasledii M. M. Bakhtina // M. M. Bakhtin v sovremennom mire. – Saransk : Izd-vo Mordov. un-ta, 2016. S. 202-207.

Kruchinkina N. D. Poetapnaya deyatel'nost' yazykovoy lichnosti v kommunikativnom protsesse // Kognitivnye issledovaniya yazyka. – 2017. Vyp. 29. S. 628-636.

Kruchinkina N. D. Tekst kak otrazhennaya real'nost' // Russkaya rechevaya kul'tura i tekst. – Tomsk : Izd-vo Tomskogo TsNTI, 2018. S. 95-99.

Kruchinkina N. D. Literaturnyy tekst kak posrednik poznaniya zhizni etnosotsiuma // Kognitivnye strategii filologicheskogo obrazovaniya v Rossii i za rubezhom. – Ekaterinburg, 2019. S. 215-219.

Leont'ev A. A. Puteshestvie po karte yazykov mira. – M. : Prosveshchenie, 1990. 143 s.

Petrukhina E. V. Ob universal'nom i idioetnicheskom komponentakh yazykovogo znacheniya // Issledovaniya po yazykoznaniiyu. – SPb. : Nauka, 2001. S. 56-66.

Samokhina T. S. Effektivnoe delovoe obshchenie v kontekstakh raznykh kul'tur i obstoyatel'stv. – M. : Izd-vo «R.Valent», 2005. 216 s.

Serebrennikov B. A. K probleme sushchnosti yazyka // Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka. – M.: Nauka, 1970. S. 9-95.

Sorokin Yu. A., Markovina I. Yu. Kul'tura i ee etnopsikholingvisticheskaya tsennost' // Etnopsikholingvistika. – M. : Nauka, 1988. S. 5-18.

Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – M. : Slovo, 2000. 264 s.

Ter-Minasova S. G. Voyna i mir yazykov i kul'tur. Voprosy teorii i praktiki mezh'yazykovoy i mezhkul'turnoy kommunikatsii. – M. : Slovo, 2008. 343 s.

Baylon Ch. Sociolinguistique. Société, langue et discours. – P. : Armand Colin, 2002. 305 p.

Daninos P. Les carnets du major Thompson. – P. : Hachette, 1954. 243 p.

Salins de G.-D. Une introduction à l'ethnographie de la communication. – P. : Didier, 1992. 224 p.

Е. Б. Назаренко
Белгород, Россия

О РОЛИ СТЕРЕОТИПОВ И ПРЕДРАССУДКОВ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматриваются различные подходы к определению стереотипов и их роли в процессе межкультурной коммуникации. Автором разграничиваются понятия стереотипов и предрассудков и обосновываются некоторые аспекты положительной роли стереотипизации в процессе взаимодействия представителей различных культур. На примере деятельности центра межкультурной коммуникации НИУ «БелГУ» автор раскрывает возможности для разграничения общенационального и индивидуального в поведении студентов разных национальностей, позволяющие избежать негативных последствий стереотипизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стереотипы; предрассудки; межкультурные коммуникации; межэтническое взаимодействие; диалог культур; культурный шок; культурные различия; студенты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Назаренко Елена Борисовна, кандидат педагогических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

E-mail: Nazarenko_e@bsu.edu.ru.

E. B. Nazarenko
Belgorod, Russia

STEREOTYPES, PREJUDICES AND THEIR ROLE IN THE PROCESS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

ABSTRACT. The following article discusses various approaches to the definition of stereotypes and their role in the process of intercultural communication. The author distinguishes the concepts of stereotypes and prejudices and substantiates some aspects of the positive role of stereotyping in the interaction of representatives of different cultures. On the example of the activities of the crosscultural communication center of the Belgorod State National Research University the author reveals the opportunities for the delineation of national and individual in the behavior of students of different nationalities, allowing to avoid the negative consequences of stereotyping.

KEYWORDS: stereotypes; prejudice; intercultural communications; inter-ethnic interaction; dialogue of cultures; culture shock; cultural differences; students.

ABOUT THE AUTHOR: Nazarenko Elena Borisovna, Candidate of Pedagogy, Belgorod State National Research University.

В ситуации межкультурных контактов стереотипы играют очень важную роль, так как они являются составной частью системы ценностей человека.

Существует множество определений стереотипа и подходов к оцениванию роли стереотипизации в процессе межкультурной коммуникации.

Согласно определению, приведенному в кратком политическом словаре, «стереотип – это схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенное и обладающее устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта» [Краткий политический словарь 1987: 447]. В научных трудах ряда авторов стереотип рассматривается в контексте социального взаимодействия как некая «модель» действия, поведения. Эта модель связана с определенным национально детерминированным выбором.

В процессе интерпретации поведения носителя чужой культуры многое объясняется стереотипными представлениями каждой из сторон. Стереотипы – это устойчивые, обобщенные представления об образе жизни, обычаях, нравах, привычках, т. е. о системе этнокультурных свойств того или иного народа. Они основываются на многократно повторяющихся однообразных жизненных ситуациях, которые закрепляются в сознании человека в виде стандартных схем и моделей. Схожий механизм работает и при восприятии различных категорий людей, когда различия между ними игнорируются, а сходные качества преувеличиваются. Таким образом, стереотипы помогают человеку дифференцировать и упрощать окружающий мир.

Стереотипы являются определенными убеждениями и «привычными знаниями» людей относительно качеств и черт характера других индивидов, а также событий, явлений, вещей.

© Назаренко Е. Б., 2019

Материалы были представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лигвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (состоялась 29-30 ноября 2019 года на базе Уральского государственного педагогического университета)

Вслед за многими авторами, мы склонны рассматривать стереотипизацию как скорее положительное, нежели отрицательное явление. Так, С. Г. Тер-Минасова утверждает, что стереотипные представления содержат первоначальные знания о других народах и других культурах и тем самым подготавливают почву для общения с ними, ослабляя культурный шок [Тер-Минасова 2000]. По мнению А. В. Павловской, «стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, выйти за рамки своего узкого социального, географического и политического мира» [Павловская 1998: 17]. Е. И. Рогов определяет стереотип как «устойчивый и в то же время упрощенный образ какого-либо явления в условиях нехватки информации. Именно стереотипы позволяют человеку существенно сократить время реагирования на изменяющуюся реальность, ускорить процесс познания» [Рогов 2006: 193].

В процессе межкультурной коммуникации следует различать стереотип и предрассудок. Стереотип, как обобщенный, собирательный образ группы или ее представителя, как правило, без ярко выраженных эмоциональных оценок, содержит возможность позитивных суждений. Для предрассудков характерно немотивированное негативное отношение ко всем членам группы или большей ее части. В психологии предрассудок рассматривается как психологическая установка предвзятого и враждебного отношения к чему-либо без достаточных на то оснований или причин.

Предрассудки возникают вследствие неполного или искаженного понимания объекта. Возникая на основе ассоциации, воображения или предположения, психологическая установка с искаженным информационным компонентом оказывает стойкое влияние на отношение людей к объекту.

Предрассудки, как и стереотипы, являются элементами культуры, поскольку порождены общественными, а не биологическими причинами.

Очевидно, что в процессе межкультурной коммуникации стереотипы могут играть как положительную, так и отрицательную роль, в то время как предрассудки – явление резко отрицательное, негативно влияющее на процесс общения представителей разных культур. Положительная роль стереотипов в межкультурном общении заключается в создании базовых фоновых знаний о стереотипных представлениях и поведении в разных культурах, а также в снижении риска культурного шока при попадании

в незнакомую этническую среду. В то же время предрассудки побуждают людей эмоционально реагировать на человека, причино не связанного с возникновением этой реакции, а также являются предпосылкой для развития ксенофобии и этноцентризма.

Центр межкультурной коммуникации НИУ «БелГУ» является уникальной площадкой для взаимодействия студентов разных национальностей, обучающихся в университете. К основным задачам деятельности Центра относятся, в том числе, формирование у обучающихся навыков межкультурной коммуникации, межэтнического взаимодействия, противодействие любым проявлениям дискриминации, национализма, расизма, экстремизма и ксенофобии, формирование у обучающихся понимания и уважения жизненных ценностей иных народов, навыков эффективного взаимодействия с представителями различных культур и положительного отношения к культурным различиям, признание суверенности и ценности каждого народа и его культуры. Важными принципами толерантного межкультурного взаимодействия мы признаем следующие:

- понимание культурной основы ценностей представителей разных национальностей;
- уважительное отношение к вероисповеданию представителей различных религий;
- признание права представителей других народов отличаться от тебя (в различных бытовых привычках и обычаях, например, в приготовлении и принятии пищи, способах одеваться и проч.).

Важным является также умение не судить о ценностях, убеждениях и обычаях других культур на основе собственных ценностей.

Мероприятия, организуемые Центром межкультурной коммуникации, способствуют осознанию учащимися различий в интерпретации различных фактов, событий, ситуаций общения представителями различных культур, помогают посмотреть со стороны на автостереотипы, то есть представления о своем народе и о своей культуре и гетеростереотипы, то есть стереотипы, обобщающие взгляды на другие народы и культуры. Различия в стереотипах, бытующих в разных культурах, касаются многих аспектов. Например, темы бесед: о чем можно, а о чем нельзя говорить с представителями других культур, отношение ко времени, поведение представителей разных культур в общественных местах и т. д. Стереотипы позволяют строить предположения о причинах

и возможных последствиях своих и чужих поступков. С нашей точки зрения, именно моделирование ситуаций, в которых индивид потенциально может проявить «типичное» для своей нации поведение, дает широкие возможности для разграничения общенационального и индивидуального в его поведении, что позволяет избежать негативных последствий стереотипизации, в частности, приписывания всем членам группы одинаковых черт, либо переноса негативного качества, поступка одного представителя на всю группу в целом, либо оценивания фактов, поступков, действий представителей иной культуры с позиций норм и ценностей собственной культуры.

Таким образом, в процессе межкультурного взаимодействия студенты учатся понимать, что стереотип отражает групповые нормы и ценности, черты и признаки, а не специфические качества, свойственные отдельному индивиду из данной группы, и только в процессе дальнейшего наблюдения и опыта общения начинают оценивать степень соответствия стереотипного знания реальной ситуации. Стереотипизацию можно признать положительной и полезной в случае, если стереотип не является для индивида окончательным выводом, а верифицируется на основе дальнейших наблюдений и опыта общения с реальными людьми.

ЛИТЕРАТУРА

- Краткий политический словарь. – М. : Политиздат, 1987. 509 с.
Павловская А. В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. – М., 1998. С. 17.
Рогов Е. И. Общая психология. Курс лекций. – Ростов-на-Дону : Изд-во «Владос-Пресс», 2006. С. 193.
Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М. : СЛОВО/SLOVO, 2000. 624 с.

REFERENCES

- Kratkiy politicheskiy slovar'. – M. : Politizdat, 1987. 509 s.
Pavlovskaya A. V. Rossiya i Amerika. Problemy obshcheniya kul'tur. – M., 1998. S. 17.
Rogov E. I. Obshchaya psikhologiya. Kurs lektsiy. – Rostov-na-Donu : Izd-vo «Vladost-Press», 2006. S. 193.
Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – M. : SLOVO/SLOVO, 2000. 624 s.

А. Д. Пашкова

Екатеринбург, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБЩЕЙ ОЦЕНКИ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В АМЕРИКАНСКОМ МЕДИА-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. Работа посвящена специфике репрезентации общей оценки в отношении реформы образования США и ее основных деятелей в американском медиа-политическом дискурсе. Категория оценки играет важную роль в исследуемом нами виде дискурса, так как можно утверждать, что нет ни одного политически направленного текстового материала, который так или иначе не содержал бы оценочного компонента. Особого внимания заслуживает специфика исследуемого материала, являющего собой синтез политического, медийного и педагогического дискурсов. Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на большое количество работ, посвященных одному из рассматриваемых нами видов дискурса, изучение категории оценки в рамках трех видов дискурса пока не получило исчерпывающего описания. Цель данной работы – рассмотреть репрезентацию категории общей оценки в отношении американской реформы образования и ее ключевых фигур в медиа-политическом дискурсе.

В статье рассматриваются элементы оценочной модальной рамки, типология оценочных значений, а также лексические единицы общей оценки, проявляющие в различной степени характеристики «хороший» или «плохой».

Основные выводы работы: в медиа-политическом дискурсе, посвященном реформе образования США и ее основным деятелям, общая оценка имеет явные градуальные признаки, а именно, в различной степени манифестируются свойства «хороший» или «плохой». На языковом уровне, несмотря на пейоративную направленность большинства публикаций, зона положительной оценки, по сравнению с отрицательной, представлена большим количеством лексем. Результаты исследования могут быть применены для изучения категории оценки в отношении других дискурсивных практик на материалах русского, английского и других языков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: категория оценки; типология оценочных предикатов; общеоценочные предикаты; медиадискурс; политический дискурс; реформы образования; медиалингвистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Пашкова Александра Дмитриевна, аспирант, Уральский государственный педагогический университет.

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: Sasha-transaero@mail.ru.

A. D. Pashkova
Ekaterinburg, Russia

LINGUISTIC MEANS FOR REPRESENTATION OF GENERAL EVALUATION OF EDUCATION REFORM IN AMERICAN MEDIA-POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The research is devoted to the specificity of general evaluation representation with regard to US education reform and its main figures in American media-political discourse.*

The evaluation category plays the important role in the discourse we are studying because it can be argued that there is not a single politically oriented textual material that in one way or another would not contain an evaluation component. Of particular interest is the specificity of the material being studied which is a synthesis of political, media and pedagogical discourses. Relevance of the research is due to the fact that despite the large number of studies devoted to one of the discourse types we are considering, the study of the evaluation category within three discourse types has not received a comprehensive description yet. The purpose of this work is to consider the representation of the general assessment category in relation to the American education reform and its key figures in media-political discourse.

The article focuses on the elements of modal evaluative frame, typology of evaluative meanings along with lexical units of general evaluation in varying degrees manifesting such features as “good” or “bad”.

The main conclusions of the work are: in media-political discourse devoted to the US education reform and its main figures, the general evaluation has obvious gradual signs in particular such characteristics as “good” or “bad” are manifested in varying degrees. At the linguistic level despite the pejorative orientation of most publications the zone of a positive evaluation in comparison with a negative one is represented by a large number of lexemes. The results of the research can be adapted to the study of the evaluation category concerning other discursive practices based on Russian, English and other languages.

KEYWORDS: *rating category; typology of valuation predicates; general-purpose predicates; media discourse; political discourse; educational reform; media linguistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Pashkova Alexandra Dmitrievna, Postgraduate Student, Ural State Pedagogical University.*

В настоящее время в лингвистике существует большое количество подходов к рассмотрению категории оценки. Это

© Пашкова А. Д., 2019

Материалы были представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лигвополитическая персонология: дис-

обуславливает отсутствие единого определения и классификации последней. Так, Н. Д. Арутюнова определяет оценку как: «умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта» [Арутюнова 1988: 108]. М. Р. Желтухина считает, что оценка – это «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [Желтухина 2003: 139]. Е. М. Вольф, разделяя понятия «оценка» и более широкое «квалификация», говорит о том, что «оценка в узком смысле слова – это противопоставление по признаку хорошо / плохо. В понятие квалификации входит собственно оценка и некоторые другие свойства, например, параметрические (большой / маленький, узкий / широкий и т. п.)» [Вольф 1985: 280]. Следует отметить, что оценка может быть рассмотрена не только в традиционных аспектах, но и в области полевых структур, в рамках прагматических и когнитивных исследований. Современные ученые предпринимают попытки системного изучения категории оценки, функционирующей в дискурсах разного типа (Т. В. Михайлова, Ю. О. Бронникова, Л. В. Сретенская, О. В. Новикова, О. И. Рыбальченко и др.).

Вместе с тем, категория оценки имеет эвристическую ценность и подразумевает сравнение. Многие исследователи указывают, что «языковое оценочное значение представляет собой структуру, основные элементы которой, в свою очередь, не соответствуют составляющим логической структуры оценки» [Минемуллина 2015: 25]. Е. М. Вольф отмечает, что оценка, включенная в контекст, представляет собой структурно-организованную модальную рамку, «которая накладывается на высказывания и не совпадает ни с его логико-семантическим построением, ни с синтаксическим» [Вольф 1985: 24]. Элементами оценочной модальной рамки являются: субъект, объект оценки и связывающий их предикат – оценочное отношение, которое может быть выражено отдельным словом или значением всего высказывания. Кроме того, к основным составляющим модальной рамки относятся: шкала оценок и стереотипы, от которых отталкивается субъект в процессе оценивания. Дополнительными (факультативными) элементами оценочной составляющей являются: аспект, оценоч-

ные классификаторы, мотивировки, различные средства интенсификации и деинтенсификации, оценочные средства и др. Данные элементы отражают сложность оценочной структуры [Минемуллина 2015: 25-26].

Обратившись к вопросу типологии оценочных значений, отметим, что в настоящее время отсутствует единая и полная классификация оценки. Имеющиеся типологии отличаются степенью обобщенности и сложным образом взаимодействуют друг с другом.

Наиболее общей является классификация оценочного значения по аксиологическому критерию:

– мелиоративная оценка (объект оценивается положительно),

– пейоративная оценка (объект оценивается отрицательно).

При классификации оценочных значений с учетом влияния контекста на выявление смысла оценочной языковой единицы выделяют: ингерентную (системно-языковую, эксплицитную) и адгерентную (оказиональную, имплицитную) оценки [Якушина 2003: 23].

Разделяя оценочные значения по критерию наличия или отсутствия в них эмотивного компонента, некоторые исследователи (Е. М. Вольф, В. Н. Телия, С. С. Хидекель, Г. Г. Кошель, М. А. Ягубова и др.) выделяют рациональные и эмоциональные оценки [Минемуллина 2015: 54].

В настоящее время наиболее разработанной является классификация оценочных предикатов по основаниям оценки, предложенная Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1988: 45-53]. Исследователь выделяет общеоценочные и частнооценочные предикаты, которые, в свою очередь, делятся на группы согласно основанию оценки.

Опираясь на подробную классификацию Н. Д. Арутюновой, мы проанализировали научные статьи, медийные публикации, обращения, интервью, посвященные реформе образования США и ее основным деятелям за 2012-2019 гг. В ходе работы нами было выявлено 1261 пример употребления оценочных предикатов, среди которых наиболее распространенными являются предикаты общей оценки (49%). Особенности употребления последних будет посвящена данная статья.

Основная функция общей оценки заключается в определении объекта действительности как хорошего или плохого, согласно с мнением адресанта, в выражении аксиологического итога.

Общеоценочные предикаты выражаются прилагательными *good* (хороший) и *bad* (плохой), а также их синонимами с разными экспрессивными и стилистическими оттенками – *great*, *excellent*, *perfect*, *poor*, *awful*, *terrible*, *horrible*. Основанием для общей оценки является случайная характеристика объекта, что обуславливает большую валентность общеоценочных предикатов в коммуникативной ситуации оценки [Осташева 2016: 3].

Вслед за С. Е. Токмаковой отметим, что «лексемы, выражающие общую оценку, могут быть сгруппированы в разряды в зависимости от характера оценки, меры оценки, отсутствия или наличия средств субъективной оценки» [Токмакова 2015: 89]. Лексические единицы общей оценки отражают градуальные признаки, проявляя в различной степени характеристики «хороший» или «плохой».

Высказывания с лексемами положительной оценки («хороший») составляют 75% и распределяются следующим образом в зависимости от степени проявляемого признака:

Положительная оценка:

Good – хороший (41%):

*If you are a good teacher then you don't need incentives or rewards*¹ [Polley http].

Интересным примером употребления общей оценки в отношении деятелей реформы образования является определение «*do-gooders*». Данное выражение может быть переведено на русский язык как «благотетели», но, употребленное авторами статьи в кавычках, приобретает противоположный, пейоративный смысл.

Аффективные и стилистические синонимы общеоценочных прилагательных могут также выполнять функцию аксиологического итога.

Great – большой, отличный, великий (39%)

*Educators look at the schools we consider great and assume that if we take on their structure, our schools will immediately show the same results; it doesn't work like that*² [Kearney http].

Excellent, perfect – отличный, превосходный (9%)

*Excellent curriculum creates excellent teachers, which in turn creates excellent students*¹ [Jacob http].

¹ Если ты – хороший учитель, тогда тебе не нужны стимулы и награды.

² Преподаватели смотрят на школы, которые мы считаем отличными, и полагают, что если мы применим их структуру, наши школы немедленно покажут такие же результаты; это не работает таким образом.

В последнем примере оценочное прилагательное *excellent* (*Excellent – extremely good or of very high quality*) усиливает положительную характеристику объекта оценки, соотнося его с центром положительной категории.

Оценка, осуществляемая с помощью общеоценочных единиц, может базироваться на когнитивном механизме сравнения. Приведем примеры:

*A good education is costly, but a poor education costs more*² [Jacob http].

В данном случае объектом оценки является процесс обучения, при этом бинарная оппозиция «хороший» – «плохой» усиливает экспрессивность, эмоциональный заряд высказывания.

Перейдем к лексемам с отрицательной оценкой, которые используются в 25% случаев употребления.

Отрицательная оценка:

Bad – плохой (8%)

*... education is so inadequate that things are extremely bad for 100's of millions of people*³ [Hedges http].

*Unlike a bad economy, poor educational achievement creeps up on us*⁴ [Klein http].

Poor – бедный, плохой (15%)

*Program-governance reforms arose as a remedy to the nation's poor results showing on international comparisons of economic and educational performance*⁵ [Jacob http].

Как показывают вышеуказанные примеры, слово «poor» нередко становится синонимом слова «bad», причем употребляется почти в два раза чаще в исследуемом нами материале.

Awful, terrible – ужасный (2%)

*That path veered into a mucky, tangled web of bureaucracy, blind subordination, and cold implementation of terrible curriculum*⁶ [Dixon http].

¹ Отличная учебная программа создает отличных учителей, которые, в свою очередь, создают отличных учеников.

² Хорошее образование – дорого, но плохое образование стоит еще больше.

³ Образование настолько неадекватно, что дела чрезвычайно плохи для сотен миллионов людей.

⁴ В отличие от плохой экономики, плохая академическая успеваемость подкрадывается к нам.

⁵ Программа управления реформами возникла как лекарство от плохих результатов нации, показываемых при сравнении международных показателей экономической и образовательной эффективности.

⁶ Этот путь изменил направление к грязной, спутанной паутине бюрократии, слепой субординации и холодному выполнению ужасного учебного плана.

Большинство из перечисленных нами выше лексем выражают не только рациональную, но и эмоциональную оценку, так как эмоциональность свойственна именно тем единицам, которые называют высокую степень признака [Балли 1961: 258], что особенно ярко прослеживается в последнем примере.

Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на общую пейоративную направленность исследуемых нами публикаций, в них преобладают лексемы с положительным значением (75%). Это соответствует тенденциям современного английского языка, где в языковой практике наблюдается преобладание лексем с положительным оценочным значением. Согласно Национальному британскому корпусу (дата обращения: 16.09.2019 г.) на примере лексем «хороший» и «плохой» мы можем увидеть следующее соотношение 85% – 15%.

Таким образом, в медиа-политическом дискурсе, посвященном реформе образования США и ее основным деятелям, общая оценка имеет явные градуальные признаки, а именно, в различной степени манифестируются свойства «хороший» или «плохой». На языковом уровне, несмотря на пейоративную направленность большинства публикаций, зона положительной оценки, по сравнению с отрицательной, представлена большим количеством лексем.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М. : Наука, 1988. 108 с.

Балли Ш. Французская стилистика. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1961. 258 с.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М. : Наука, 1985. 280 с.

Желтухина М. Р. Масс-медиаальная коммуникация: языковое сознание – воздействие – суггестивность // Язык. Сознание. Коммуникация : сборник статей. – 2003. Вып. 24. С. 139.

Минемуллина А. Р. Оценочные прилагательные в языке современных средств массовой информации : дис. ... канд. филол. наук. – Киров, 2015. 264 с.

Осташева О. И. Способы экспликации оценочного предиката в англоязычном художественном дискурсе XIX-XX веков // Научные труды КубГТУ. – 2016. № 4. С. 2-8.

Токмакова С. Е. Эволюция языковых средств передачи оценки и эмоций (на материале литературной сказки XVIII-XXI веков) : дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2015. 211 с.

Якушина Р. М. Динамические параметры оценки: (На материале современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2003. 179 с.

Dixon G. 8 Things The U.S. Must Do Now To Save Public Education. – Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/entry/8-things-the-us-must-do-now-to-save-public-education_us_57d4af40e4b0273330ac42f5?utm_hp_ref=education-reform (date of access: 16.09.2019).

Hedges C. Why the United States Is Destroying Its Education System. – Mode of access: <https://www.truthdig.com/articles/why-the-united-states-is-destroying-its-education-system/> (date of access: 16.09.2019).

Jacob E., Adams J. Education Reform. – Mode of access: <https://education.stateuniversity.com/pages/1944/Education-Reform.html> (date of access: 16.09.2019).

Kearney P. J. There Is No Silver Bullet For Educational Reform. – Mode of access: https://www.huffpost.com/entry/there-is-no-silver-bullet_b_58f52a6be4b048372700daab (date of access: 16.09.2019).

Klein J. The Failure of American Schools. – Mode of access: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2011/06/the-failure-of-american-schools/308497> (date of access: 16.09.2019).

Polley H. Education Reform Improving Education. – Mode of access: <https://howieswebs.ipage.com/resources/educationreform.html> (date of access: 16.09.2019).

REFERENCES

Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt. – M. : Nauka, 1988. 108 s.

Balli Sh. Frantsuzskaya stilistika. – M. : Izd-vo inostr. lit-ry, 1961. 258 s.

Volf E. M. Funktsional'naya semantika otsenki. – M. : Nauka, 1985. 280 s.

Zheltukhina M. R. Mass-medial'naya kommunikatsiya: yazykovoe soznanie – vozdeystvie – suggestivnost' // Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya : sbornik statey. – 2003. Vyp. 24. S. 139.

Minemullina A. R. Otsenochnye prilagatel'nye v yazyke sovremennykh sredstv massovoy informatsii : dis. ... kand. filol. nauk. – Kirov, 2015. 264 s.

Ostasheva O. I. Sposoby eksplikatsii otsenochnogo predikata v angloyazychnom khudozhestvennom diskurse XIX-XX vekov // Nauchnye trudy KubGTU. – 2016. № 4. S. 2-8.

Tokmakova S. E. Evolyutsiya yazykovykh sredstv peredachi otsenki i emotsiy (na materiale literaturnoy skazki XVIII-XXI vekov) : dis. ... kand. filol. nauk. – Voronezh, 2015. 211 s.

Yakushina R. M. Dinamicheskie parametry otsenki: (Na materiale sovremennoy angliyskogo yazyka) : dis. ... kand. filol. nauk. – Ufa, 2003. 179 s.

Dixon G. 8 Things The U.S. Must Do Now To Save Public Education. – Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/entry/8-things-the-us-must-do-now-to-save-public-education_us_57d4af40e4b0273330ac42f5?utm_hp_ref=education-reform (date of access: 16.09.2019).

Hedges C. Why the United States Is Destroying Its Education System. – Mode of access: <https://www.truthdig.com/articles/why-the-united-states-is-destroying-its-education-system/> (date of access: 16.09.2019).

Jacob E., Adams J. Education Reform. – Mode of access: <https://education.stateuniversity.com/pages/1944/Education-Reform.html> (date of access: 16.09.2019).

Kearney P. J. There Is No Silver Bullet For Educational Reform. – Mode of access: https://www.huffpost.com/entry/there-is-no-silver-bullet_b_58f52a6be4b048372700daab (date of access: 16.09.2019).

Klein J. The Failure of American Schools. – Mode of access: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2011/06/the-failure-of-american-schools/308497> (date of access: 16.09.2019).

Polley H. Education Reform Improving Education. – Mode of access: <https://howieswebs.ipage.com/resources/educationreform.html> (date of access: 16.09.2019).

Т. Г. Попова, Е. Г. Субачева

Москва, Россия

МЕТАФОРА КАК МНОГОПЛАНОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию метафоры в системе выразительных средств языка. Авторы статьи описывают метафору как многоплановое явление в структурно-семантическом плане, а также во взаимоотношенности ее синтагматических и парадигматических свойств.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *тропы; выразительные средства; метафоры; метафорическое моделирование; метафорические модели.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации.*

Адрес: 125047, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14.

E-mail: tatyana_27@mail.ru.

Субачева Елена Глебовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации.

Адрес: 125047, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14.

E-mail: spring15@yandex.ru.

T. G. Popova, E. G. Subacheva

Moscow, Russia

METAPHOR AS A MULTIDIMENSIONAL PHENOMENON

ABSTRACT. *The article is devoted to the evaluation of a metaphor as a multidimensional phenomenon. The authors of the article describe a metaphor as one of the main language tropes on the basis of a structure and semantic aspect. The researchers evaluate syntagmatic and paradigmatic metaphorical interaction. On the basis of a cognitive evaluation the researcher comes to the conclusion that a metaphoric category is one of the fundamental language categories.*

KEYWORDS: *trails; expressive means; metaphors; metaphorical modeling; metaphorical models.*

ABOUT THE AUTHORS: *Popova Tatyana Georgievna, Doctor of Philology, Professor, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.*

Subacheva Elena Glebovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Метафора традиционно занимает особое место в теории семантических, синтаксических, стилистических и прагматических исследований. Метафора, будучи языковым тропом, представляет собой одно из наиболее интенсивно изучаемых явлений в лингвистической науке, активно исследуется специалистами различных областей знаний.

Проделанный нами анализ литературы, посвященный выразительным средствам языка и стилистическим приемам, показывает, что на современном этапе развития стилистики термины «изобразительные средства языка» / «тропы», «выразительные средства» / «фигуры речи» сохраняются, однако достигнутый лингвистический уровень позволяет дать им новое толкование.

Прежде всего, исследователи (см., напр., [Арнольд 2004: 89]) отмечают, что изобразительные средства можно характеризовать как парадигматические, поскольку они основаны на ассоциации выбранных автором слов и выражений с другими близкими им по значению и потому потенциально возможными, но не представленными в тексте словами, по отношению к которым им отдано предпочтение.

Как далее подчеркивает И. В. Арнольд, выразительные средства языка являются не парадигматическими, а синтагматическими [Арнольд 2004: 89]. Мы полагаем, что высказанное И. В. Арнольд обстоятельство можно объяснить тем, что выразительные средства языка основаны на линейном расположении частей, и эффект их зависит именно от расположения.

Как далее в своей работе подчеркивает И. В. Арнольд, деление стилистических средств на выразительные и изобразительные средства условно, поскольку «изобразительные средства, т. е. тропы, выполняют также экспрессивную функцию, а выразительные синтаксические средства могут участвовать в создании образности, в изображении» [Арнольд 2004: 89].

В трудах Л. П. Тимофеева представлено широкое понимание тропа: «в основе возникновения тропа лежит соотношение двух явлений, из которых одно служит для пояснения, для понимания другого» [Тимофеев 1976: 18]. Из данного определения вытекает то, что троп в трактовке Л. П. Тимофеева – это не

частный прием образной речи, а общее название для всех образных средств.

В лингвистике существует узкое и широкое понимание термина «троп». В данной статье мы придерживаемся узкого понимания тропов. Говоря иными словами, тропы нами будут определяться как семантически двуплановые наименования, используемые в качестве декоративных средств художественной речи.

Таким образом, речь тропеическую мы будем понимать как «речь украшенную, переносную». Из данного толкования следует, что принадлежность к разряду тропов должна определяться по следующим критериям: 1) знаковость (троп – это номинативная единица); 2) семантическая двуплановость; 3) декоративность (функциональный критерий, предполагающий ограничение сферы использования тропов художественной речью) [Москвин 2006: 6-7].

Отметим также, что троп используется для раскрытия особенных свойств одного понятия через уподобление его другому. В тропе переносное значение – объект познания – является основным, в то время как прямое значение играет второстепенную роль. В тропе всегда совмещаются два семантических плана: коллективно-языковой и индивидуально-ситуативный.

Ценность тропа определяется количеством информации, ее новизной, соотносительностью с контекстом. Таким образом, в тропе происходит совмещение значений и смыслов, их осложнение.

В отличие от тропа фигура является актом использования номинативной единицы в целях усиления выразительности речи. Фигура является синтаксической конструкцией, рассчитанной на оказание воздействия на слушателя и читателя. Если тропы являются формами мысли, то фигуры – это формы речи. Важная функция фигуры – подчеркнуть, выделить, усилить ту или иную часть высказывания.

Источником тропа является реалия. Разные тропы, передающие один и тот же образ, отличаются друг от друга, прежде всего, соотношениями прямого и непрямого обозначения исходной реалии [Кожевникова 1979: 218].

В аспекте смыслового содержания основные принципы, действующие в тропах, – включение и пересечение значений. Во-первых, включение интенционала прямого значения в интенционал переносного на правах гипосемы – метонимия; во-вторых, включение всего сигнификата прямого значения в интенционал переносного на правах гипосемы – синекдоха;

в-третьих, пересечение интенционала прямого значения с импликационалом переносного и объединение области пересечения прямого значения с переносным. В последнем случае, соответственно, речь идет о метафоре.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что под тропами мы, вслед за И. В. Арнольд, понимаем лексические изобразительно-выразительные средства, в которых слово или словосочетание употребляется в преобразованном значении и к которым относятся также метафорические конструкции [Арнольд 2004: 123]. Эти исследования привлекают в течение длительного времени внимание отечественных лингвистов.

Проанализировав как отечественную, так и зарубежную литературу, посвященную исследованию метафоры, мы пришли к заключению, что данному стилистическому средству языка посвящено множество публикаций. Однако ввиду значимости этой проблемы ученые вновь и вновь обращаются к данной теме.

В настоящее время большинство исследований направлено в сторону семантического и когнитивного анализа с обращением внимания на особую роль метафоры в формировании логических структур и познавательных средств естественного языка. Метафора как средство создания нового понятия расширяет мироведение человека. Цель метафоры заключается не в простом названии предмета или явления, а в его экспрессивной характеристике.

Метафорическую семантику составляют несколько взаимосвязанных элементов: первоначальное значение слова, образ, который рождается в результате сопоставления, и новое понятийное содержание, а также – новая номинация, которая возникает в результате осмысления метафоры. Следовательно, в связи с этим можно говорить о семантической двойственности, двуплановости метафоры, что, соответственно, приводит к полифункциональности данного тропа.

Под полифункциональностью мы, вслед за О. Е. Вошиной, понимаем одновременную реализацию номинативной и прагматической функций. Номинативная функция метафоры реализуется через передачу семантической информации, а под прагматической функцией подразумевается передача образности метафоры [Вошина 2003: 60]. Кроме этих названных функций метафора выполняет также стилеобразующую, текстообразующую и жанрообразующую функции.

Рассмотрение метафоры в структурно-семантическом плане, во взаимообусловленности ее синтагматических и пара-

дигматических свойств можно рассматривать как подход, который может дать серьезные результаты, которые помогут вскрыть ее новые свойства и стороны.

В данной связи хотелось бы отметить, что расширение сфер одушевленности и неодушевленности определяется антропологичностью метафоры, поскольку референтом основного корпуса метафоры является человек как одушевленный объект или продукты его жизнедеятельности как неодушевленные объекты, т. е. метафора в выборе объекта наименования демонстрирует антропоцентричность.

Это значит, что основным объектом номинации метафорических единиц является именно человек во всех своих проявлениях (внешность, характер, поведение, состояние и т. д.), а также затрагивающие интересы человека в повседневной жизни объекты или явления (предметы обихода, транспорт и т. д.). Это и передвижение в пространстве, и визуальные ощущения, и различные действия из обиходной практики и профессиональной деятельности.

Чтобы метафора зародилась и сработала, а следовательно, и состоялась, у человека должен быть достаточный запас слов – обозначений. Метафора образуется, отмечает В. А. Банин, в результате перехода гипосемы в гиперсему [Банин 1985: 6]. Основным типом преобразования семантической структуры является экспликация потенциальных сем и редуцирование дифференциальных и архисем, актуализирующих первичные характеристики денотата. Так, при образовании метафоры «goose» / гусь мотивирующими являются потенциальные семы, которые приписывают данной птице «глупость».

Впервые воспринимаемая метафора представляет собой сочетание знакомого, принятого в языке с неизвестным. Соответственно, она предполагает сопоставление предметов или явлений по сходству. При метафорическом употреблении слов сходство может относиться к самым разнообразным характеристикам предметов и явлений: форме, различным качествам, функциям, эмоциональным воздействиям и т. д.

В лингвистической литературе различаются два типа метафор: языковая метафора (ЯМ) и индивидуально-авторская (ИАМ) метафора. Для индивидуально-авторской метафоры часто используются следующие синонимы: метафора поэтическая, тропеическая, индивидуальная, художественная, творческая, речевая, окказиональная, а также метафора стиля. При этом исследователи по-разному подходят к данному делению. С од-

ной стороны, языковая метафора противопоставляется индивидуально-авторской, а с другой – эти типы метафор исследуются как нечто единое по своей сущности.

Так, например, по мнению В. Н. Телии, языковую метафору можно не только обнаружить в языке (если она еще не стерлась), но и в какой-то мере «запрограммировать» [Телия 1977: 192]. В то время как индивидуально-авторская метафора, которая В. Н. Телией называется речевой [Телия 1977: 192], легко обнаруживает себя. Однако при этом весьма проблематично назвать допустимый предел «полета фантазии» создателя метафоры.

Толкование метафоры как сокращенного варианта буквального уподобления составляет лишь часть понимания проблемы метафоры, но, безусловно, важную. На существенную роль, которую играет сравнение, аналогия в процессах метафоризации, также указывает в своих работах Н. Д. Арутюнова: «везде в значении и употреблении слов можно видеть следы сравнения предметов, признаков, отношений, событий и ситуаций. Дар человека улавливать общее в разном является врожденным. Чувство сходства интуитивно» [Арутюнова 1990: 170].

В. Н. Телия отмечает, что «нерв» метафоры – некое уподобление, имеющее в исходе сопоставление, которое соизмеряет не целостные объекты, а некоторые сходные их признаки, устанавливая подобие на основе совпадения по этим признакам и гипотезы о возможности совпадения по другим, попадающим в этом сопоставлении в фокус внимания [Телия 1988: 183].

Н. Д. Арутюнова полагает, что в построении метафоры участвуют четыре компонента – две сущности (два объекта), основной и вспомогательный субъекты метафоры и некоторые свойства каждого субъекта [Арутюнова 1990: 170-172]. Значение метафоры, следовательно, определяют признаки вспомогательного субъекта, а основным результатом метафоры является выведение признаков основного субъекта. Метафора, тем самым, создается путем предикации основному субъекту признаков вспомогательного субъекта.

Таким образом, описав метафору в системе выразительных средств языка, мы можем сделать вывод, что традиционно метафора связывается со стилистическими фигурами, или языковыми тропами, т. е. с некоторыми преобразованиями фрагментов языка. Благодаря метафоре достигается эстетический эффект выразительности в нашей речи.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 6-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2004. 384 с.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990. С. 5-32.

Банин В. А. Субстантивная метафора в процессе коммуникации (на материале современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. 274 с.

Вошина О. Е. Особенности перевода индивидуально-авторской метафоры С. Мозма // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж : ВГУ, 2003. № 2. С. 60-67.

Кожевникова Н. А. Об обратимости тропов // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. С. 215-225.

Москвин В. П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. – М., 2006.

Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. – М., 1977.

Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.]. – М. : Наука, 1988. С. 173-204.

Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. – М., 1976. 279 с.

REFERENCES

Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk. 6-e izd. – M. : Flinta : Nauka, 2004. 384 s.

Arutyunova N. D. Metafora i diskurs // Teoriya metaforoy. – M., 1990. S. 5-32.

Banin V. A. Substantivnaya metafora v protsesse kommunikatsii (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka) : dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1995. 274 s.

Voshina O. E. Osobennosti perevoda individual'no-avtorskoj metaforoy S. Moema // Vestnik VGU. Seriya lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – Voronezh : VGU, 2003. № 2. S. 60-67.

Kozhevnikova N. A. Ob obratimosti tropov // Lingvistika i poetika. – M., 1979. S. 215-225.

Moskvin V. P. Russkaya metafora. Ocherk semioticheskoy teorii. – M., 2006.

Teliya V. N. Vtorichnaya nominatsiya i ee vidy // Yazykovaya nominatsiya. Vidy naimenovaniy. – M., 1977.

Teliya V. N. Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira / B. A. Serebrennikov, E. S. Kubryakova, V. I. Postovalova [i dr.]. – M. : Nauka, 1988. S. 173-204.

Timofeev L. I. Osnovy teorii literatury. – M., 1976. 279 s.

А. А. Светкина

Екатеринбург, Россия

ГАДАНИЕ КАК САКРАЛЬНЫЙ ТЕКСТ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию одного из наиболее значимых текстов традиционной народной культуры – гаданиям, которые в лингвокультурологическом плане рассматриваются как сакральный текст, фиксирующий мифоритуальные практики славян. Тематическое содержание гаданий составляют основные бытийные параметры человеческого существования (человек с его характеристиками и окружающий мир по отношению к человеку), осмысленные сквозь призму мифологического сознания. При этом в качестве семантической доминанты гадания как сакрального текста выступают сферы, неоднократно интерпретированные народным сознанием и составляющие темы целых циклов гаданий. В самом общем виде их можно представить следующим образом: «На жениха», «На замужество/женитьбу», «На Любовь», «На семейное благополучие», «На детей», «На новоселье», «На будущее». Такая классификация отражает аксиологическую выделенность информации, положительно или отрицательно оцениваемой народным сознанием и значимой для национальной культуры.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *сакральные тексты; гадание; мифологическое сознание; семантические доминанты; человеческое существование; народное сознание.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Светкина А. А., Уральский государственный педагогический университет.*

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

A. A. Svetkina

Ekaterinburg, Russia

DIVINATION AS A SACRED TEXT: LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT

ABSTRACT. *The article is devoted to the study of one of the most significant texts of traditional folk culture – divination, which in linguistic and cultural terms are considered as a sacred text, fixing the miforital practices of the Slavs. The thematic content of divination consists of the basic parameters of human existence (man with his characteristics and the world around him in relation to man), understood through the prism of mythological consciousness. At the same time, the semantic dominant of divination as a sacred text*

are the spheres repeatedly interpreted by the national consciousness and constituting the themes of entire cycles of divination. In the most General form, they can be represented as follows: "The groom", "Marriage/marriage", "Love", "Family well-being", "Children", "Housewarming", "For the future". This classification reflects the axiological isolation of information positively or negatively assessed by the national consciousness and significant for the national culture.

KEYWORDS: *sacred texts; divination; mythological consciousness; semantic dominants; human existence; popular consciousness.*

ABOUT THE AUTHOR: *Svetkina A. A., Ural State Pedagogical University.*

Актуальность исследования заключается в том, что оно посвящено изучению семантики, синтактики и прагматики гаданий – относительно малоизученного типа многокодовых культурных текстов. В современной социокультурной ситуации наблюдается «всплеск» интереса к ценностным доминантам традиционной народной культуры в разных ее формах, что находит отражение в актуальных лингвистических исследованиях (см.: Арутюнова 1998, Гридина, Коновалова 2009, Гриненко 2000, Коновалова 2007, Мельникова 2003, Розин 2002).

В научный оборот вводится новый, ранее не опубликованный материал – записи текстов гаданий в количестве 30 единиц. Подбор материала осуществлялся методом включенного наблюдения за живой разговорной речью жителей Талицкого района Свердловской области, поселка Новогорный Челябинской области, интернет-ресурсов и Этнолингвистического словаря под ред. Н. И. Толстого. Методы исследования: описательный, классификация, метод контекстуального анализа (изучение функциональной специфики слов и их значений).

Гадание – ритуал, направленный на установление контакта с потусторонними силами с целью получения знаний о будущем [Славянские древности 1995, т. 1: 395]. Гадание представляет собой вид сакрального текста, который соединяет акциональный (ритуальный) и вербальный коды, направлен на установление контакта с магическими (сверхъестественными) силами и имеет цель – получение прогноза на будущее, что выявляет стереотипы национального сознания, в которых отражаются «... суеверия, обычаи, народный календарь природы, регламентированные формы коммуникации» [Гридина, Коновалова 2012: 83].

Сакральный текст, вслед за Н. И. Коноваловой, мы понимаем как произносимый по особым правилам или в особых условиях суггестивный текст, символически насыщенный, обладающий относительно устойчивой формально-содержательной структурой, которая отражает особенности мифологического сознания [Коновалова 2007: 127].

В рамках данной статьи рассмотрим один компонент семантики – синтактика – прагматика и проанализируем семантику такого жанра сакрального текста, как гадания. Тематическое содержание гаданий составляют основные бытийные параметры человеческого существования (человек и его характеристики и окружающий мир по отношению к человеку), осмысленные сквозь призму мифологического сознания. При этом в качестве ментальной доминанты гадания как сакрального текста выступают семантические сферы, неоднократно интерпретированные народным сознанием и составляющие темы целых циклов гаданий: «На замужество/женитьбу», «На Любовь», «На семейное благополучие», «На детей», «На новоселье». Такая классификация отражает аксиологическую выделенность информации, значимой для национальной культуры, положительно или отрицательно оцениваемой народным сознанием.

Семантика гаданий «На жениха».

Гадания этого цикла содержательно регламентируют всю информацию о будущем женихе:

1. Богатство. *На заслоне посреди избы раскладывали зерно, уголек, воду и зеркало и следили, что курица клюнет: зерно сулило богатую жизнь, уголек – бедность, вода – мужа-пьяницу, зеркало – мужа-щеголя* [Славянские древности 1995, т. 3: 67].

2. Место проживания. *Выйдя на перекресток, девушка набирала снег в передник и, закрыв глаза, потряхивала передник, приговаривая: «Полю, полю, белый снег на собачий след. Где собачка взлает, там мой суженый живет»* [Славянские древности 1995, т. 1: 485].

3. Внешность. Девушки бегали ночью к овцам, чтобы нащупать первую попавшуюся: если оказывается белая, то жених будет блондин, если черная – чернявый [Славянские древности 1995, т. 1: 484].

4. Характер. *Перед сном девушки идут на улицу и навзничь ложатся в снег. Утром смотрят на оставшийся след. Если он гладкий, то будущий муж будет смиренным и спокойным,*

если это место изменилось, то муж будет вздорным и драчливым.

5. Хозяйственность. *Жених мог входить в дом невесты один или со сватами не в ворота, а перепрыгивая через забор. Если это проделывалось ловко и быстро, то будет хорошим хозяином в доме.*

Семантика гаданий «На замужество/женитьбу». Гадания этого цикла содержательно регламентируют информацию о предстоящем замужестве/женитьбе: кому первому предстоит жениться в ближайшее время, каким будет супруг (супруга) и т. п. *Девушки приносили на сиделки курицу из своего дома и сажали в печку, прикрыв заслонкой, затем открывали: чья курица появится первой – та девушка первой выйдет замуж; если курица не выходила из печи, то ее хозяйка останется в девках* [Славянские древности 1995, т. 3: 62].

Семантика гаданий «На детей» помогает определить пол и количество будущих детей. *По тому, как легла брошенная назад часть, оторванная от ворота рубахи беременной, гадают о поле будущего ребенка: вдоль дороги – мальчик, поперек – девочка* [Славянские древности 1995, т. 3: 363].

Семантика гаданий «На новоселье» указывает на месторасположение будущего дома, благополучие и раздоры, ожидающие в новом доме. Существуют гадания, которые позволяют определить, защищен ли дом от нечистой силы, воровства, непогоды и от непонятных явлений:

1. Месторасположение. *Выбирая место для постройки дома, женщина сеет пепел из сита, держа его сзади* [Славянские древности 1995, т. 3: 363].

2. Благополучие. В Юрьев день по свежести перьев лука, сорванных накануне, узнавали о своем благополучии-неблагополучии в будущем [Славянские древности 1995, т. 3: 133].

3. Защита от нечистой силы. *Вечером нужно нарвать крапиву, нарезав ее мелко, рассыпать вокруг дома тонкой сплошной линией. Утром пройти вокруг дома. Если обнаружены разрывы, значит злые силы проникли в дом. Если линия осталась сплошной, дом надежно защищен от нечистой силы.*

4. Защита от воровства. *Берем розмарин, чеснок, можжевельник, бузину и семена тмина, заворачиваем в ткань белого цвета, подвешиваем над дверью. Если на следующий день входящие не обращают внимания на то, что висит над две-*

рю, то дом хорошо защищен от воров, если же обратит, то нужно защищать свой дом.

5. Защита от непогоды. Для предсказания погоды в наступающем году в двенадцать луковых чешуек, каждая из которых соответствовала одному месяцу, насыпали немного соли, а утром смотрели; та, которая осталась сухой, предвещала сухой месяц; та, в которой соль увлажнилась, знаменовала дождливый месяц [Славянские древности 1995, т. 3: 133].

6. От непонятных явлений в новом доме. Находим в полу дома сучок, обводим безымянным пальцем правой руки сучок в виде треугольника. После этого наступаем на него левой ногой и произносим: «Христос воскрес! Сгинь, сгинь, бес! Аминь». Выбрасываем сучок через ворота. Если утром около ворот его не окажется, то в доме наступят мир и согласие. Если же будет лежать у ворот, то нужно повторить гадание.

Семантика гаданий «На Любовь» позволяет определить продолжительность предстоящей любви и крепость чувств.

1. Прочность и сила любви. Девушки должны бросить камешки в холодный ручей и наблюдать за тем, каким образом двигаются камешки в воде: если быстро уходят на дно, то их суженый не сильно будет любить; если же будут медленно погружаться, то любовь ждет прочная, долговечная.

2. Продолжительность любви. Зимой после вечерней встречи девушка с парнем прощаются. Девушка должна дожидаться, когда парень уйдет домой, и выйти на улицу. Необходимо взять с помощью совка снег, на котором отпечатался след ее возлюбленного, принести домой и положить в горшок с цветком. Утром внимательно посмотреть: высохла вода в горшке или нет. Если земля в горшке высохла, то, значит, любовь между ними будет недолгой, быстрой, если же земля останется сырой, то любовь между ними будет продолжительной.

Семантика гаданий «На семейное благополучие» указывает на счастье и трудности, длительность, богатство семейной жизни.

По количеству воды, измеренной вечером и утром следующего дня: убывание воды при утреннем измерении предвещало убыток в семье и хозяйстве, увеличение – достаток [Славянские древности 1995, т. 1: 484].

Семантика гаданий «На здоровье» указывает на то, будет ли человек здоров или нет. По расположению брошенного

предмета: серп, упавший острием к жнецу, означал здоровье [Славянские древности 1995, т. 1: 484].

Семантика гаданий «На будущее» указывает на то, что ждет в ближайшее время.

На крещение и рождество девушка, желавшая узнать свою судьбу, делала маску из блина, прорезая в нем отверстия для глаз и носа, выходила с ней на улицу и по первым услышанным ею словам пыталась угадать свое будущее [Славянские древности 1995, т. 3: 125].

Полученную информацию во время гаданий можно использовать для изменения своей судьбы в лучшую сторону.

Таким образом, знание предстоящих жизненных событий дает возможность их корректировать и направлять в нужное русло.

В ходе проведенного исследования установлено, что гадания представляют собой особый вид сакрального текста, направленного на достижение суггестивного эффекта, обладающего мифосимволической насыщенностью, произносимого в определенных условиях по заданным традицией правилам. Сочетание вербального и невербального кодов усиливает воздействующий эффект, «отключая» рациональную оценку и воздействуя на эмоции и чувства участников обряда гадания. Семантика, синтактика и прагматика текста гадания (даже в некоторой степени десакрализованного) сохраняют устойчивость и воспроизводимость как необходимые элементы сакрального теста традиционной народной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1998.

Барт Р. Лингвистика текста // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. – М., 2001. С. 168-175.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Игровая прагматика русских народных примет // Лингвистика креатива-2 / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012. С. 83-100.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Национально-культурная специфика зооморфных метафор: экспериментальные данные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2009. № 7. С. 73-94.

Гриненко Г. В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация. Логико-семиотический анализ вербальной магии. – М., 2000.

Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен : монография. 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург, 2007.

Мельникова А. А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. – СПб., 2003.

Религиоведение : Энциклопедический словарь. – М. : Академический проект, 2006.

Розин В. Эзотерический мир. Семантика сакрального текста. – М. : Едиториал, 2002.

Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 3 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М, 1995. Т. 3.

Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М., 2004.

REFERENCES

Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. – М., 1998.

Bart R. Lingvistika teksta // Tekst: aspekty izucheniya semantiki, pragmatiki i poetiki. – М., 2001. S. 168-175.

Gridina T. A., Konovalova N. I. Igrovaya pragmatika russkikh narodnykh primet // Lingvistika kreativa-2 / pod obshchey red. prof. T. A. Gridinoy. – Ekaterinburg, 2012. S. 83-100.

Gridina T. A., Konovalova N. I. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika zomorfnykh metafor: eksperimental'nye dannye // Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. – 2009. № 7. S. 73-94.

Grinenko G. V. Sakral'nye teksty i sakral'naya kommunikatsiya. Logiko-semioticheskiy analiz verbal'noy magii. – М., 2000.

Konovalova N. I. Sakral'nyy tekst kak lingvokul'turnyy fenomen : monografiya. 2-e izd., ispr. i dop. – Ekaterinburg, 2007.

Mel'nikova A. A. Yazyk i natsional'nyy kharakter. Vzaimosvyaz' struktury yazyka i mental'nosti. – SPb., 2003.

Religiovedenie : Entsiklopedicheskiy slovar'. – М. : Akademicheskiy proekt, 2006.

Rozin V. Ezotericheskiy mir. Semantika sakral'nogo teksta. – М. : Editorial, 2002.

Slavyanskije drevnosti : Etnolingvisticheskiy slovar' : v 3 t. / pod red. N. I. Tolstogo. – М, 1995. Т. 3.

Sergeeva A. V. Russkie: stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'. – М., 2004.

Е. Г. Субачева
Москва, Россия

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ПОЗНАНИИ МИРА

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию метафоры как основного тропа языка. Автор анализирует роль метафоры в познании мира с точки зрения когнитивной науки. На основе проведенного анализа в статье делается вывод о том, что категория метафоричности относится к одному из наиболее общих и фундаментальных понятий.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *метафоры; метафорическое моделирование; метафорические модели; познание мира.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Субачева Елена Глебовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации.*

Адрес: 125047, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14.

E-mail: spring15@yandex.ru.

E. G. Subacheva
Moscow, Russia

A METAPHOR ROLE IN WORLD COGNITION

ABSTRACT. *The article is devoted to the evaluation of a metaphor as one of the main language tropes. The author of the paper researchers a metaphor role in world cognition in terms of cognitive science. On the basis of a cognitive evaluation the researcher comes to the conclusion that a metaphoric category is one of the fundamental language categories.*

KEYWORDS: *metaphors; metaphorical modeling; metaphorical models; knowledge of the world.*

ABOUT THE AUTHOR: *Subacheva Elena Glebovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.*

Ученые с давних пор проявляют интерес к феномену метафоры. Отметим, что именно в античные времена сформировалось понимание метафоры как важной принадлежности языка, чью роль нельзя переоценить для прагматических, коммуникативных, номинативных и, в том числе, для когнитивных целей.

Интерес переводчиков, специалистов по межкультурной коммуникации, логиков, философов, психологов, стилистов, литературоведов, семасиологов и специалистов других областей знания к феномену процесса метафоризации и метафоры, в частности, связан с теми процессами, имеющими место в структуре и динамике современных знаний о мире, а также с новыми направлениями в изучении вербализации знания.

Активный интерес к процессу метафоризации, к его структурно-языковым особенностям, к закономерностям психолингвистики, а также особенностям метафорического употребления слов, вне всякого сомнения, требует пристального внимания исследователей к проблеме семантики как в общеязыковом, так и в философском аспектах.

Процессы метафоризации и, в частности, метафоры как важнейшего тропа языковой системы изучали известные мыслители – от Аристотеля (античная филология) и Руйаки (древнеиндийская филология) до Ж. Ж. Руссо, Г. В. Ф. Гегеля, Э. Кассирера, Х. Ортеги-и-Гассета, а также других философов, лингвистов и представителей других областей знаний. Понимание метафоры существенно расширялось, а заинтересованность в ней со стороны исследователей феномена метафоры с течением времени все более и более множилась.

Так, например, Аристотель свое понимание метафоры показывает в известной работе «Поэтика» как «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или по аналогии» [цит. по: Комкина 2000: 80]. Именно Аристотелю принадлежит одно из самых первых определений этого тропа и, соответственно, именно к его классификации обращаются почти все современные ученые, которые выявляют и анализируют особенности процесса метафоризации.

Аристотель дефинирует феномен метафоры как «перенесение слова с измененным значением из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [Аристотель 1936: 196]. Таким образом, у философа античности Аристотеля метафора как языковой троп представляет собой субъект, обозначаемый одним и тем же словом. К тому же метафора может выражаться не только существительным, но и другой частью речи, главным образом глаголом или прилагательным.

Следующая важная точка зрения Аристотеля, по нашему мнению, может быть отнесена к пониманию метафоры как подобия сравнения, поскольку философ античности не видит суще-

ственной разницы между сравнением и метафорой, подчеркивая свою позицию следующим объяснением: «все удачно употребленные метафоры будут в то же время и сравнениями, а сравнения, наоборот, будут метафорами, раз отсутствует слово сравнения („как“») [Аристотель 1998: 180].

В своей работе Аристотель подчеркивает мысль, что «если ... метафора кажется слишком опасной, то ее легко превратить в сравнение. Ведь сравнение, будучи по существу своему развернутой метафорой, кажется более привычным» [Аристотель 1998: 181]. Таким образом, мы приходим к заключению, что понимание метафоры Аристотелем помогает исследователям языковых структур античной философии отображать понимание природы метафоры античным ученым в современную сравнительную теорию метафоры.

В разные времена точка зрения на метафору как на важнейший языковой троп была совершенно разной. Так, например, в работах древних философов достаточно широко распространена идея о том, что метафора служит «украшению речи» и, соответственно, представляет собой обязательный атрибут поэтического языка. Подобные исследования создали ту необходимую основу, на базе которой стали развиваться современные языковедческие исследования процесса метафоризации и метафоры, в частности, начали складываться те или иные видения о структурной организации и значении метафорических переносов.

Наше понимание метафоры основывается на концепции Т. Г. Поповой [Попова 2002: 180]. Эволюция миропонимания любого индивида сопровождается сменой картины мира в его мировоззрении. Мы отталкиваемся от точки зрения Т. Г. Поповой [Попова 2003: 35-43], что любой естественный язык по-своему членит мир и что любой специфический язык имеет тот или иной определенный способ концептуализации. Действительно, в основе любого естественного языка находится особая модель концептуальной и языковой картины мира.

Что касается языковой картины мира (ЯКМ), то необходимо отметить, что она представляет собой одну из ведущих компонентов в процессе становления мировосприятия человека. Следовательно, значение метафоры при этом сложно переоценить, поскольку роль метафоры в формировании новых понятий действительно существенна. Этот процесс, вне всякого сомнения, оказывает немалое влияние на повседневный язык людей, изменяя его и, в то же время, изменяя мировоззрение человека

и оказывая существенное влияние на способы его постижения понимания реальной действительности, окружающей человека.

Выявление и анализ зафиксированной в языке картины мира в настоящий период развития языковедческой науки происходит в разных направлениях.

В этом понимании мы опираемся на точку зрения Т. Г. Поповой [Попова 2003: 43; 2006: 229-231], которая считает, что метафора играет важную роль в построении языковой картины мира и в членении действительности, статус которой из украшающего речь тропа трансформировался в статус когнитивного осознаваемого средства, организующего мысли и структурирующего язык.

В ряде исследований наблюдается отчетливая тенденция рассмотрения метафоры в качестве «фатальной неизбежности, единственного способа не только выражения мысли, но и самого мышления» [Арутюнова 1990: 11].

Метафора дефинируется нами как «неизбежное явление человеческого мышления и человеческого языка, несущее важнейшую функцию в познании и описании мира» [Попова 2006: 245], а также как «инкорпорированная способность человеческого мышления» [МакКормак 1990: 185].

Подобный подход к процессу метафоризации и к самой метафоре, в частности, имеет существенное значение в современный период развития языковедческой науки. Таким образом, мы приходим к выводу о важности метафорического мышления, которое способствует возникновению синхронных значений, находящихся применение в коммуникативном акте. Человеческий язык использует метафорические единицы для передачи тех или иных конкретных значений, применяя в данном процессе уже имеющиеся категории. Среди подобных категорий, например, можно назвать грамматические структуры.

Характерной особенностью метафорических лексических единиц является их способность обозначать новое, неявное и неизвестное через уже известное, зафиксированное в виде тех или иных конкретных языковых единиц. Таким образом, мы приходим к закономерному выводу о важной роли метафорических единиц в создании языковой картины мира. Соответственно, мы можем утверждать, что метафора представляет собой средство познания действительности, а также средство организации опыта взаимодействия с окружающей действительностью.

Если мы зададимся вопросом «а что же лежит в основе метафоры?», то ответом для нас будет – «заимствование идей и смысла контекста будет лежать в основе метафорических единиц». В контексте нашего описания роли метафоры в познании мира подчеркнем еще одну важную, с нашей точки зрения, мысль: метафорична сама мысль и эта мысль развивается через сравнение.

Таким образом, мы приходим к заключению, что проблема метафоры имеет непосредственную и тесную связь с психофизиологической организацией человека, и, соответственно, метафора актуальна как в аспекте интегральных междисциплинарных исследований, так и в отдельных парадигмах знаний, в том числе и в лингвистической науке, которая направляет свое пристальное внимание на исследование одного из важных свойств человека – языковой коммуникации – в разных аспектах этой системной организации и функционирования.

При метафорическом употреблении слов сходство при переносе значения может относиться не только к самым разнообразным сторонам предметов и явлений, но и к различным социокультурным реалиям. Механизм переноса значений основывается на сопоставлении явлений или фактов, в которых новое метафоризированное значение слов и выражений узнаваемо на основе известного старого.

Таким образом, описывая роль метафоры в познании окружающей действительности, мы приходим к выводу, что в современной лингвистике язык рассматривается как феномен, в котором сконцентрированы огромные пласты информации. Язык, реализуя функцию хранения и передачи нравов и обычаев, традиций, вбирает в себя новые смысловые оттенки, закрепляя их в различных источниках. Именно в метафоре содержится ключ к пониманию основ не только национально-культурного видения мира, но и понимания его универсального образа.

Кроме этого, мы также приходим к заключению, что категория метафоричности относится к одному из наиболее общих и фундаментальных понятий, отражающему существенные всеобщие свойства и отнесения явлений действительности и познания по признаку нахождения ассоциативных связей между ними.

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель. Поэтика // Античные теории языка и стиля. – М., 1936. 201 с.

Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск, 1998.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990.

Комкина Е. О. Метафора в образовании значений предлогов // Когнитивная семантика. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2000. Ч. 2. С. 80-82.

МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры : пер. с англ. // Теория метафоры / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. С. 358-386.

Попова Т. Г. О роли когнитивной лингвистики в изучении мета-языка права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. № 2 (14). С. 180-197.

Попова Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков) : монография. – М. : Издательство «Народный учитель», 2003. 195 с.

Попова Т. Г. Языковое сознание как основополагающий фактор общения // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности : XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации, посвященный памяти А.А. Леонтьева и 40-летию первого, организованного им семинара по психолингвистике. – М. : РАН (Институт языкознания), 2006. С. 229-231.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. С. 26-52.

REFERENCES

Aristotel'. Poetika // Antichnye teorii yazyka i stilya. – M., 1936. 201 s.

Aristotel'. Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii. – Minsk, 1998.

Arutyunova N. D. Metafora i diskurs // Teoriya metaforoy. – M. : Progress, 1990.

Komkina E. O. Metafora v obrazovanii znacheniy predlogov // Kognitivnaya semantika. – Tambov : Izd-vo TGU, 2000. Ch. 2. S. 80-82.

MakKormak E. Kognitivnaya teoriya metaforoy : per. s angl. // Teoriya metaforoy / obshch. red. N. D. Arutyunovoy i M. A. Zhurinskoy. – M. : Progress, 1990. S. 358-386.

Popova T. G. O roli kognitivnoy lingvistiki v izuchenii metayazyka prava // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2002. № 2 (14). S. 180-197.

Popova T. G. Natsional'no-kul'turnaya semantika yazyka i kognitivno-sotsiokommunikativnye aspekty (na materiale angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov) : monografiya. – M. : Izdatel'stvo «Narodnyy uchitel'», 2003. 195 s.

Popova T. G. Yazykovoe soznanie kak osnovopolagayushchiy faktor obshcheniya // Rechevaya deyatel'nost'. Yazykovoe soznanie. Obshchayushchiesya lichnosti : XV Mezhdunarodnyy simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii, posvyashchenny pamyati A.A. Leont'eva i 40-letiyu pervogo, organizovannogo im seminara po psikholingvistike. – M. : RAN (Institut yazykoznaniya), 2006. S. 229-231.

Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. – M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. 288 s.

Teliya V. N. Metafora kak model' smysloproduktstva i ee ekspresivno-otsenochnaya funktsiya // Metafora v yazyke i tekste. – M., 1988. S. 26-52.

Чжао Цюе

Харбин, Китай

Хуан Тяньдэ

Гуандун, Китай

ДИАХРОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» РУССКИХ

АННОТАЦИЯ. Языковое сознание является передовой темой исследований российской психолингвистики. Мы провели свободный ассоциативный эксперимент с испытуемыми – носителями русского языка. В эксперименте использовались слова-стимулы «свой-чужой». Сравнение и анализ полученных ассоциативных полей с данными «Русского ассоциативного словаря» показали особенности языкового сознания, отображая русское мышление, национальную психологию и языковые стереотипы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: свой-чужой; языковое сознание; ассоциативные эксперименты; диахронные исследования; русские; лингвокультурология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Чжао Цюе, доктор филологических наук, профессор Института славянских языков, Харбинский педагогический университет.

Адрес: 150025, Китай, пров. Хэйлуницзян, пр-т Ши Да, 1.

E-mail: qiyuezh@163.com.

Хуан Тяньдэ, кандидат филологических наук, научный сотрудник факультета русского языка Института европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли.

Адрес: 510420, Китай, пров. Гуандун, пр-т Байюньдадао, 2.

E-mail: tiande-88@yandex.ru.

Zhao Qiuye

Harbin, China

Huang Tiande

Guangzhou, China

PERIODICAL RESEARCH: RUSSIANS` LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF “СВОЙ-ЧУЖОЙ”

ABSTRACT. Language consciousness reflects the characteristics of different ethnic cultures. It holds a peculiar place in Russian psycholinguistics. Author chose the Russians` native students as the subjects for the free associative

experiment, which were based on the stimulate words “свой-чужой”. With Comparing, analyzing associative fields we had received and associative fields from the «Russian associative dictionary», Author describes and interprets the periodical changes of Russians` language consciousness of “сво й-чужой”. It aims to reveal the thinking, psychology, culture and linguistic stereotyping of Russian, and hence present and interpret the Russians` language philosophy.

KEYWORDS: friend or foe; linguistic consciousness; associative experiments; diachronic studies; Russians; linguoculturology.

ABOUT THE AUTHORS: Zhao Qiuye, Doctor of Philology, Professor of Slavic Institute, Harbin Normal University.

Huang Tiande, Candidate of Philology, Research Fellow of the Faculty of the Russian Language at the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies.

莫斯科心理语言学派把语言意识（языковое сознание）理解为借助语言手段 – 词、自由或固定搭配的词组、句子、语篇及联想域等形成的意识形式的总和。反映人的内在世界、意识、思想同其外部表达形式语言 / 言语的相互交叉和渗透关系^[1]。语言意识的理论基础是 A. A. Леонтьев (列昂节夫) 的“意识形式观”和“世界映射观”。最初，语言意识被看作是用于分析理解不同语言文化承载者言语句特点的工具或客体，而近年来则主要用于分析不同民族文化语言意识特点^[2]，因为不同国家、不同民族的语言意识各不相同。另外，语言意识具有历时动态性，随着社会的变迁和发展，不同时期所呈现出的语言意识将有所不同。

作为具有深刻民族文化内涵的对立词 свой-чужой（自己的-他人的，以下简写为“С—Ч”）被看做是人类意识的基础，同时也是民族特点和传统文化的深刻表现。俄罗斯学者 O. B. Балясникова（巴列斯尼科娃 2004）在《свой-чужой 语言意识内涵的心理语言学研究》^[3] – 文中对“С-Ч”的语言意识内容和结构进行了阐释。国内对“С-Ч”语言意识的研究仅有《从 свой-чужой 的语言意识内容和结构看俄罗斯人的语言哲学观》^[1]及《中俄大学生“自己的/他人的”语言意识联想场折射出的语言哲学观》^[4]两篇文章。前文通过对“С-Ч”的语言意识内容

© Чжао Цюе, Хуан Тяньдэ, 2019

(本文系国家社科基金项目《汉俄语言意识对比研究及联想数据库建设》(项目批准号: 18YY234), 广东外语外贸大学校级科研项目《俄罗斯民族“自己的-他人的”语言意识实证研究》(项目批准号: 18QN34) 及教育部国别区域研究中心“哈尔滨师范大学斯拉夫国家研究中心”的阶段性成果。)

和结构的系统研究，描写俄罗斯民族的思维方式、心理特点及语言文化定型，阐释了该民族的语言哲学观；后文则在此基础上，通过对比中俄两国大学生“自己的—他人的/свой-чужой”联想场探析中俄民族间的思维、心理、文化及语言定型的异同，并试图阐释各自的语言哲学观。国内相关研究还有从语言文化学角度对俄汉语中“С-Ч”观念进行对比分析^[5]；以成语为例进行“С-Ч”的语言文化认知研究^[6]。综上所述，有关“С-Ч”语言意识研究方面的成果很少，尚需要对“С-Ч”进行纵深研究，如：俄罗斯人“С-Ч”语言意识内容和结构的历时变化，汉俄“自己的—他人的/свой-чужой”语言意识对比研究，中国俄语学习者与俄罗斯人“С-Ч”语言意识内容的异同等。本文以俄罗斯科学院编撰的《俄语联想词典》¹（《Русский ассоциативный словарь》^{[7][8]}，1994-1998）中“С-Ч”的联想场为对比依据，于2013年对俄罗斯本土四所高校的大学生进行了“С—Ч”的言语自由联想实验，通过实验数据统计，得出“С—Ч”的联想场，从而进行俄罗斯人“С-Ч”的语言意识历时对比分析，以此揭示俄罗斯民族的思维方式、心理特点及语言文化定型，阐释其语言哲学观，为民族心理语言学、认知语言学、语言哲学研究，为中俄文化交流、俄语教学实践提供启示。

二、俄罗斯大学生 свой-чужой 言语自由联想实验

1. 实验目的和假设

Свой-чужой 这对刺激词的联想场内容能够反映俄罗斯人的联想方式、民族心理、文化内涵、语言哲学观，《俄语联想词典》中“С—Ч”的联想场反映了20世纪80-90年代俄罗斯人的语言意识内容，那么，近20年过去了，俄罗斯人“С-Ч”语言意识内容是否会随着社会变迁、时代变化而发生历时性变化呢，如果有变化，是哪些变化，又是为什么？笔者认为，尽管一个民族的语言意识内容和结构总体来说具有恒定性，但是，语言受文化的影响，随着时间的推移，“С-Ч”联想场所反映出的语言意识内容会发生一定的变化。为了验证该假设，笔者对俄罗斯大学生进行了“С—Ч”言语自由联想实验。

¹ 《俄语联想词典》是以俄罗斯科学院 Ю. Н. Караулов 为首的研究团队在历时10年联想实验基础上而编撰的。实验共选取7000个俄语刺激词（包括词的变体形式及词组），以俄罗斯各地区不同大学的11000名大学三年级学生为研究对象，参加实验的学生母语均为俄语。实验要求受试在7—10分钟内完成对100个刺激词的联想反应。实验分为三个阶段进行，第一阶段（1986-1991年）；第二阶段（1992-1994年）；第三阶段（1994-1996年）。目前该团队正在编撰《俄语区域联想词典》（《Русский региональный ассоциативный словарь》）。

2. 受试

实验受试是俄罗斯高校的本土大学生，其专业不限，年龄不限，性别不限，参加实验的学生母语均为俄语。之所以选择大学生为受试主体，是以俄罗斯科学院语言所心理语言学研究室的学者们基于大规模俄罗斯大学生为受试进行联想实验编撰的《俄语联想词典》为依据，这样可以确保对比研究主体的一致性及其对比的有效性。本实验共选取受试 300 人，他们分别来自俄罗斯四所高校：国立普希金俄语学院，乌利扬诺夫楚瓦什国立大学，西伯利亚联邦大学，后贝加尔国立大学，这些受试覆盖了俄罗斯欧亚两个地区，比较具有代表性。

3. 实验材料

以 **свой**（自己的）— **чужой**（他人的）这对词作为刺激词制成俄语词汇自由联想实验问卷。

4. 实验方法与过程

实验方法采用言语自由联想实验法，通过发放、填写调查问卷的方式来实现。实验在教室进行，由实验者向受试说明实验目的、要求、任务、具体做法。要求被试根据自由联想实验问卷中所给的俄语刺激词，写出头脑中最先联想到的俄语反应词，可以是单个词，也可以是词组或句子，不限词类。实验要求受试在 20 秒内完成对 2 个刺激词的联想反应。一个刺激词只需写出对应的一个反应词，如：**свой**（自己的）→**друг**（朋友），**чужой**（他人的）→**враг**（敌人）。要求独立作答。2013 年 9 月，笔者向俄罗斯四所大学发放了 300 份问卷，被试在规定时间内完成联想实验，我们收回有效问卷 300 份，有效率 100%。联想实验共获得 600 个联想词，其中以 **свой**（自己的）为刺激词的联想词 300 个，以 **чужой**（他人的）为刺激词的联想词 300 个。

5. 实验结果

我们借助 SPSS11 软件进行数据的输入及统计，获得带有刺激词、联想词（也称作反应词）、联想词频率、百分比、有效百分比及累计百分比的表格。根据 SPSS11 软件统计生成的表格，我们在本文中采用了另外一种联想场数据呈现方式，主要依据俄罗斯科学院出版的《俄语联想词典》(1994-1998) 里的做法，即《词典》中每一个刺激词(词条) 都对对应着一个由实验获得的反应词联想场，联想场中反应词的排序是依据实验中所获得的俄语联想词频率，联想场中刺激词后面的数字标注方式也与该《词典》相同，笔者这样做的目的是为了更方便与《俄语联想词典》(1994-1998) 的数据做俄语语言意识动态变化对比，且不影响今后汉俄双语实验数据对照，因此，我们将实验统计数据以俄语联想场的方式呈现。俄罗斯大学生 **свой-чужой**（自己的-

他人的)联想场见表 1 和表 2。需要特别说明的是,频率为 1 的联想词参考意义并不是十分之大,因此俄罗斯科学院语言所编纂联想词典中的联想场数据如表 3 未将频率为 1 的联想词放入联想场中。我们的实验结果反应频率为 1 的联想词也未完全列出,如表 1 我们从 94 个联想词频为 1 的联想词中选取了 28 个,未列出的以省略号表示,下表以此类推。

表 1 俄罗斯大学生 свой (自己的)联想场 (2013)

<p>дом (家/房子) 36; семья (家庭), телефон (电话/手机) 20; друг (朋友) 11; учебник (教科书) 8; мама (妈妈), компьютер (计算机) 6; человек (人), друзья (朋友们), кот (猫), мнение (意见), книга (书籍), машина (汽车) 5; любимый (心爱的), жизнь (生活), мир (世界/和平), папа (爸爸), парень (小伙子), судьба (命运), квартира (住房), карандаш (铅笔), ручка (钢笔), работа (工作), одежда (衣服) 3; родители (父母), деньги (钱), сад (花园), выбор (选择), характер (性格), город (城市), мировоззрение (世界观), дети (孩子), сон (梦), брат (弟兄), комната (房间), цветок (花), адрес (地址), день (日/天), стол (桌子), учитель (教师), муж (丈夫), кабинет (办公室) 2; близко (亲近), счастье (幸福), родной (亲近的/故乡的), родина (祖国), страна (国家), мечта (梦想), важный (重要的/极好的), язык (语言), родственники (亲戚), близкий (亲密的), рядом (在旁边), своя (自己的<阴>), свои (自己的<复>), дорога (道路), ребёнок (孩子), опыт (经验), взгляд (观点), студенческий (大学生的), внутренний мир (内部世界), среди чужих (他人中), университет (大学), нужный (需要的), знание (知识), дело (工作/事情), любовь (爱), открыть свои тайны (公开自己的秘密), радость и горе (欢乐与痛苦), которым можно довериться (可信赖的) ... 1. 300+42+0+94。¹</p>
--

表 2 俄罗斯大学生 чужой (他人的)联想场 (2013)

¹需要说明,表 1 中每个单词后的数字为由刺激词 свой (自己的)所得出的相同反应词的数量,我们称之为联想词频。联想场末尾的一组数字中 300 表示由刺激词 свой (自己的)产生出的反应词的总量,42 表示频率为 2 及以上的反应词的数量,0 表示受试拒绝联想的数量,94 表示联想频率为 1 的反应词数量。

человек (人) 24; дом (家/房子) 19; язык (语言) 16; телефон (电话/手机) 13; мнение (意见) 11; вещь (东西) 9; враг (敌人), фильм (电影), тетрадь (练习本) 8; жизнь (生命/生活), город (城市), деньги (钱) 6; мир (世界/和平), проблема (问题), ребёнок (孩子), книга (书籍), друг (朋友) 4; беда (不幸), страна (国家), носок (尖端/端头) 3; учебник (教科书), стол (桌子), парень (小伙子/男朋友), стул (椅子), велосипед (自行车), квартира (住房), мяч (球), диван (沙发), собака (狗), машина (汽车), часы (钟/时间), одежда (衣服), система (系统), сумка (包), семья (家庭), отец (父亲), интерес (兴趣/利益), огород (菜园) 2; кошелёк (钱包), далеко (远), забота (关心), грусть (悲伤), за-граница (国外), среди своих (自己人中), поддержка (支持), пиджак (夹克), замок (锁头/城堡), страх (恐惧), институт (学院), незнакомый (不熟悉的), опасность (危险), непонятный (不理解的), непонимание (不理解), не наш (不是我们的), не друг (不是朋友), не извест-ный (不熟知的) ... 1. 300+38+0+108.

为了更好地与 20 年前俄罗斯科学院 Ю.Н.Караулов (卡拉乌洛夫) 等所做的实验数据做对比分析, 我们在下面呈现 1994 年编撰的《俄语联想词典 I》中 свой (自己的) 的联想场, 见表 3^[7]。

表 3 俄罗斯人 свой (自己的) 联想场 (Ю. Н. Караулов 等, 1994)

человек (人) 103; дом (家/房子) 62; чужой (他人的) 50; парень (小伙子) 34; мой (我的) 33; в доску (到黑板前), твой (你的) 16; друг (朋友) 13; наш (我们的) 10; муж (丈夫), среди чужих (他人中) 6; портфель (公文包), родной (亲近的/故乡的) 5; брат (弟兄), люди (人们), ребёнок (孩子) 4, автомобиль (汽车), близкий (亲密的), голос (声音), карман (口袋), плащ (雨衣), собственный (私人的/私有的), чемодан (行李箱), чувак (楚瓦什人), язык (语言) 3; день (日/天), долг (义务/责任), дорогой (亲爱的), закон (定律/规则), знакомый (熟悉的), идеал (理想/标准), квартира (住房), кошелёк (钱包), мир (世界/和平), моё (我的), надёжный (可靠的/安全的), предмет (物品), своя (自己的<阴>), сын

(儿子), товарищ (同志/同事), учебник (教科书), хо-
роший (好的) 2...516+124+2+82。

《俄语联想词典Ⅲ》中 чужой (他人的) 的联想场, 见表 4^[8]。

表 4 俄罗斯人 чужой (他人的) 联想场 (Ю.Н.Караулов 等,
1996)

человек (人) 20; свой (自己的) 8; дом (家/房子), муж
(丈夫) 5; среди своих (自己人中) 4; фильм (电影) 3;
предмет (物品), пришёл (<他>来了/回来), родной (亲
的/故乡的), странник (<旧>徒步旅行者、朝圣者), страш-
ный (可怖的), язык (语言) 2; близкий (亲近的), в доме
(在家), взять (取/拿), видео (视频/录像), видео-
фильм (录像影片), враг (敌人), голубь (鸽子), город
(城市), гость (来宾), двор (庭院), друг (朋友), дядя
(叔叔), забота (关心), закон (定律/规则), иностранец
(外国人), камень (石头, <转>沉重的心情), кино (电影)
, мужик (男人), нагой (裸露的), наш (我们的), не
брать (不取), немой (哑的/无言的), неродной (疏远的
) , опасность (危险), орех (坚果), пиджак (夹克),
плохой (坏的), предатель (叛徒), пришлый (外来的),
пугающий (恐吓的), ребёнок (孩子), самолёт (飞机),
сапог (靴子), спать (睡觉), стакан (杯子), студент (大
学生), т. е. не свой (不是自己的), товарищ (同志/同事)
, трудно говорить (很难说), уклад (方式), учебник (教
科书), чёрный (黑色的), чёрный ворон (黑乌鸦) ...1.
105+55+5+43。

三、Свой-чужой 联想场历时对比研究

当前, 俄罗斯心理语言学界语言意识研究最被认可、最有效的方法
是联想实验。联想实验可分为三种: 1) 自由联想实验; 2) 定向
联想实验; 3) 链式联想实验。其中自由联想方法运用最为广泛, 即给
受试呈现刺激词, 要求受试在规定时间内记录下头脑中的首个反应词,
联想方式不限, 对反应词不做任何语义及形式上的限制。通过大量
受试所得到的反应词按频率排序从而获得了该刺激词的联想场。刺激
词的联想场不仅是人的言语记忆片段和反映该文化背景下人们意识中的
民族世界图景的一部分, 也是该语言承载者的动机、心理图景及语

言文化定型的反映。因此，可通过分析刺激词联想场的构成来认知某一民族的语言文化特点。“С-Ч”这对刺激词不是普通的刺激词，它们承载着俄罗斯人的认知基础、语言哲学观和民族文化特点，因而，对其语言意识内容进行历时对比研究具有理论意义和现实意义。

基于大量的联想实验数据，俄罗斯科学院语言研究所团队历时10年编写了6卷本的《俄语联想词典》，该词典可揭示俄罗斯民族语言意识的深层内涵及民族文化特点。这样的《联想词典》和传统的《词典》存在本质上的区别，如果说语言学家编著的《词典》在一定程度上是“个体语言学”语言意识的描写，那么《联想词典》则是语言的现实承载者的“集体日常”的语言意识描写，换句话说，《联想词典》是一般状态下的语言社团（即民族）的现实语言意识更真实的反映。因此，把《俄语联想词典》作为研究俄罗斯人语言意识的依据是可行且可靠的。

本文将2013年实验获得的“С-Ч”刺激词的联想场与《词典》中的联想场进行对比，以期描写“С-Ч”语言意识内容的动态变化，从而阐释社会文化变化对俄语语言意识的影响，同时，试图揭示俄罗斯人的思维方式、民族心理、语言文化定型及其语言哲学观。

1. Свой 联想场历时对比研究

将2013年实验所得 свой（自己的）的联想场与《俄语联想词典》中 свой（自己的）的联想场进行对比，我们发现：1）虽时隔20年，但2个联想场中 дом（家/房子）、человек（人）、друг（朋友）几个联想词以同样高频率最为恒定地排在联想场的前几位，这说明 свой（自己的）联想场中所反映的语言意识基本内容没有发生变化。而这几个主要联想词又与俄语语言意识核心词表（ядро языкового сознания）¹是高度吻合。俄罗斯科学院语言所经过大量的联想实验，最终确定75个“俄语语言意识核心词表”，其中，человек 1404（人）排在第一位，дом 864（家/房子）位居第二位，друг 565（朋友）排在第九位。^[9] друг（朋友）是 свой（自己的）最典型的具体化形象，这意味着“朋友”在俄罗斯人的语言意识中极其重要。我们通过查阅《现代俄语频率词典》（《Частотный словарь современного русского языка》，О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров, 2009）^[10]发现，“俄语语言意识核心词表”中的词汇与《频率词典》中的高频率词并不完全吻合，这是因为两本词典编撰所运用的方法与所表征的内容是不一样的。

¹语言意识核心词来源于为编写《俄语联想词典》所进行的3个阶段的自由联想实验，即能被许多刺激词引起的联想词依次成为语言意识核心词成员。核心词(ядро)可定义为是由那些具有很强联想能力的词相互连接而形成的相对稳定的网络。

的，前者是俄罗斯人词汇意义的心理现实性表征，是俄罗斯人素朴的语言世界图景的呈现。2) **парень**（小伙子）、**брат**（弟兄）、**муж**（丈夫）、**ребёнок/дети**（孩子）等联想词也以较高的联想频率保持其稳定性，体现了 **свой**（自己的）联想场中“表亲属关系”联想词的稳定性且多与男性密切相关。3) **свой**（自己的）联想场中“表籍贯、出生地”的联想词地位也非常恒定，如：**родной**（故乡的、亲的）、**родина**（祖国、故乡），**страна**（国家）等。4) 随着社会的发展，俄罗斯人语言意识内容在保持其稳定性的同时也出现了反映社会变化的词汇，如：**телефон**（电话/手机）、**компьютер**（计算机）、**машина**（汽车）等词汇。**свой**（自己的）联想场中“表领属关系”的词汇映射了俄罗斯社会经济的发展，受试俄罗斯大学生的“所属物品”相较 20 年前更现代、时尚、丰富，这些词汇也日益深入俄罗斯大学生的语言意识中并产生影响。5) **семья**（家庭）一词在 1994 年的联想场中并未出现，而 2013 年的实验中，它以高词频的联想词出现。这说明，“家庭”在俄罗斯年轻人心里的地位越来越重要，与“自己的”联系最为紧密。对于俄罗斯人家庭观念的日益重要性我们可以通过社会、民族文化等层面进一步研究。6) **свой**（自己的）始终与良好的、正面的情感相联系，如：**любимый**（心爱的/喜欢的）、**родной**（亲近的）、**важный**（重要的）、**близкий**（亲密的）等。

2. Чужой 联想场历时对比研究 将 2013 年实验所得数据与《俄语联想词典》中“**чужой**”（他人的）的联想场进行历时对比，我们发现：1) 时隔 20 年，2 个联想场中 **человек**（人）、**дом**（家、房子）依然均为最高频联想词，这再次证明俄语语言意识核心词的恒定性。2) 我们看到，在 **чужой**（他人的）的联想场中（2013），“表领属关系”的词汇有：**телефон**（电话/手机）、**машина**（汽车），它们均以高词频反映词出现，这进一步说明随着社会的发展，人民生活水平的提高，人们的生活变得更加时尚、现代、富有，因而，这些词汇进入俄罗斯大学生的语言意识联想场中。3) **язык**（语言）这个反应词的高词频出现体现了“语言”作为区分“自己人”与“他人”的一个重要因素，“自己”代表同一个种群，“他人”可代表另一种群，不同种群语言不同。这里，“语言”突显了其民族区分性的功能。洪堡特指出：“人们在他们的思想同源上划圈儿区分出那些说其他语言的人，这个特征把所有人类分为两种——“自己的”和“他人的”，——这是所有起源的社会联系基础。”^[11] 洪堡特这里所指的是人类相互联系的基础也就是一语言。扎维尔申斯卡娅认为：“没有产生民族语言，在某种语言内紧密的社会联系的建立将不可思议，不可能使得文化标准统一化，民族语言是一体化的手段，同时具有区分“他人的”功能。”^[12] 4) **чужой**（他人的）联想场中

的一些联想词表明, **чужой** (他人的) 始终与否定、负面的情感相联系, 20 年过去了, 这一语言意识内容没有发生变化, 如: **враг** (敌人)、**беда** (不幸)、**грусть** (悲伤)、**страх** (恐惧)、**опасность** (危险)。将“他人的”视为不是“自己的”、“陌生不熟悉的”、“不可理解的”; 而且, 将“他人的”视为是“敌对的”、“异己的”、“外国人”。

3. 结论

通过对 **свой** (自己的)、**чужой** (他人的) 联想场的历时对比, 我们发现, 不管时间过去了多久, 俄罗斯社会文化发生了怎样的变化, **свой**、**чужой** 联想场所反映出的语言意识内涵没有发生本质变化, 这说明俄语语言意识核心词具有稳定性, 无论是刺激词 **свой** 还是 **чужой** 的联想场中词频最高的一些反应词都与语言意识核心词紧密联系; 刺激词 **свой** 的相关联想始终与良好的、正面的情感相联系, 刺激词 **чужой** 的相关联想则始终与否定、负面的情感相联系, 没有发生变化; “朋友”始终是 **свой** 最典型的具体化形象, 且 **свой** 表亲属关系的联想多与男性相关, “家庭”在俄罗斯民族中的地位越显重要, 与 **свой** 联系日益紧密; “语言”则作为区分“自己的”与“他人的”的一个重要因素与 **чужой** 紧密联系; 另外, 随着俄罗斯社会经济的发展, 俄罗斯大学生相较 20 年前所属物品更丰富、更现代, 这些词汇也日益深入大学生的语言意识中并产生影响。

四、结语

本文借鉴俄罗斯心理语言学语言意识的研究方法, 以俄罗斯高校本土大学生为受试进行了“C—Ч”的言语自由联想实验, 并以《俄语联想词典》为依据, 对比分析了俄罗斯大学生“C—Ч”语言意识内涵的历时性变化, 以此揭示俄罗斯民族的思维方式、民族心理及其语言哲学观。该研究有利于俄汉民族更好的交流; 其次, 还有助于俄语学习者更好地掌握俄语言语定型和俄罗斯民族文化内涵, 有利于其俄语语言意识的培养与形成; 实验数据和结论为心理语言学、语言文化学、俄罗斯学研究提供参考。另外, 本研究可为词典的编撰、尤其是《俄汉联想词典》的编撰提供借鉴及启示。俄语语言意识尚需深入研究, 我们下一步将对对比研究俄罗斯大学生与中国俄语专业学生“C—Ч”的语言意识异同, 还将与中国人“自己的/别人的”汉语语言意识内容及结构进行对比, 目的在于描写中俄两国人汉俄语言意识异同, 探究中俄民族心理、思维方式及文化定型的特。

ЛИТЕРАТУРА

赵秋野, 黄天德. 从 **свой-чужой** 的语言意识内容和结构看俄罗斯人的语言哲学观 [J]. 外语学刊, 2013 (4):78-82.

赵秋野. 俄罗斯心理语言学: 关注语言意识与言语交际 [N]. 中国社会科学报, 2012 (A07 版):1~2.

Балясникова О. В. К проблеме содержания оппозиции «свой – чужой» в аспекте психолингвистики // Языковое сознание / под ред. Н. В. Уфимцевой. – М., 2004. С. 267-284.

[4] 赵秋野, 黄天德. 中俄大学生“自己的/他人的”语言意识联想场折射出的语言哲学观 [J]. 外国语文, 2015(5): 65~76.

刘尚伟. 俄汉语中“自己的”(свой)、“他人的”(чужой)观念对比分析. 吉林大学硕士论文 [D]. 2016.

王丽娟. Свой/Чужой 的语言文化与认知研究 – 以成语为例. 上海外国语大学博士论文 [D]. 2018.

Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь. – М. : Помовский и партнёры, 1994.

Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь. – М. : ИРЯ РАН, 1996.

Уфимцева Н. В. Образ мира русских: Системность и содержание // Язык и культура. – 2009. № 4. С. 98-111.

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М. : Азбуковник, 2009.

Гумбольдт В. Ф. Язык и философия культуры / пер. с нем., сост. общ. ред. и вступ. ст.: А. В. Гулыги, Г. В. Рамишвили. – М. : Прогресс, 1985.

Завершинская Н. А. Оппозиция «своего» и «чужого» в современной культуре // Вестник Новгородского государственного университета. – 2004. № 2. С. 41-47.

REFERENCES

Balyasnikova O. V. K probleme soderzhaniya oppozitsii «svoj – chuzhoj» v aspekte psikholingvistiki // Yazykovoe soznanie / pod red. N. V. Ufimtsevoy. – M., 2004. S. 267-284.

Karaulov Yu. N. Russkiy assotsiativnyy slovar'. – M. : Pomovskiy i partnery, 1994.

Karaulov Yu. N. Russkiy assotsiativnyy slovar'. – M. : IRYa RAN, 1996.

Ufimtseva N. V. Obraz mira ruskikh: Sistemnot' i soderzhanie // Yazyk i kul'tura. – 2009. № 4. S. 98-111.

Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka). – M. : Azbukovnik, 2009.

Gumboldt V. F. Yazyk i filosofiya kul'tury / per. s nem., sost. obshch. red. i vstup. st.: A. V. Gulygi, G. V. Ramishvili. – M. : Progress, 1985.

Zavershinskaya N. A. Oppozitsiya «svoego» i «chuzhogo» v sovremennoy kul'ture // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2004. № 2. S. 41-47.

Н. М. Чудакова

Нижний Тагил, Россия

КОНЦЕПТ «МОЛОДЕЖЬ» В ЗЕРКАЛЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются метафорические выражения, репрезентирующие концепт «молодежь» в дискурсе современных российских СМИ, в том числе и в оценках интернет-пользователей. Анализ метафорических словоупотреблений поможет выявить закономерности метафорического представления концепта «молодежь» с учетом специфики современного этапа развития российского общества. Метафоры вещества (глина, пластилин, золото, ржавчина, яд) и артефакта (губка) становятся наиболее подходящим средством для характеристики специфических социальных и психологических черт молодого поколения. Осознание особенностей поведения, растущей социальной дифференциации современной молодежи очень важно, так как именно от сегодняшних подростков зависит то, какой станет наша страна в будущем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептуальные метафоры; метафорическое моделирование; метафорические модели; концепты; молодежь; медиадискурс; медиалингвистика; медиатексты; средства массовой информации; СМИ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Чудакова Наиля Муллахметовна, кандидат филологических наук, доцент, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Адрес: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57.

E-mail: chudakova_n@rambler.ru.

N. M. Chudakova

Nizhny Tagil, Russia

CONCEPT “YOUTH” IN THE CONTEXT OF A CONCEPTUAL METAPHOR

ABSTRACT. Metaphorical expressions representing the concept of “youth” in the discourse of modern Russian media, including in the assessments of Internet users. An analysis of metaphorical word usage will help to reveal the patterns of a metaphorical representation of the concept of “youth” taking into account the specifics of the current stage of development of Russian society. Metaphors of a substance (clay, plasticine, gold, rust, poison) and an artifact (sponge) become the most suitable means for characterizing the specific social and psychological features of the younger generation. Awareness of the characteristics of behavior, the growing social differentiation of modern youth

is very important, since it depends on today's teenagers what our country will become in the future.

KEYWORDS: *conceptual metaphors; metaphorical modeling; metaphorical models; concepts; youth; media discourse; media linguistics; media texts; media.*

ABOUT THE AUTHOR: *Chudakova Nailya Mullakhmetovna, Candidate of Philology, Associate Professor, branch of Russian State Vocational Pedagogical University.*

Метафора, понимаемая в современной когнитивной лингвистике как основная ментальная операция, как «...когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 55], становится способом осмысления действительности.

Российская метафорика, тесно связанная с экономической, политической, общественной жизнью страны, отражает такие реалии, «которые особенно актуальны для общества, хорошо известны людям и вызывают их повышенный интерес» [Чудинов 2001б: 27]. При этом, по мнению А. Н. Баранова, «метафорическое мышление в политике – признак кризисного мышления, мышления в сложной проблемной ситуации, разрешение которой требует значительных усилий от когнитивной системы человека по усвоению новых знаний и переработке их для построения множества вариантов действий и выбора правильной альтернативы» [Баранов, Караулов 1991: 17].

Центрами метафорического притяжения становятся важнейшие социальные проблемы, среди которых – проблемы понимания России [Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация 2018], ситуация в сфере образования [Чудакова 2014, 2015, 2018], положение пожилых людей [Бутакова, Викулова 2018], реформирование пенсионной системы в России [Чудакова 2018] и др.

В современной русской языковой картине мира особое место занимает концепт «молодежь» как один из важнейших феноменов национального сознания. Молодежь является поко-

© Чудакова Н. М., 2019

Материалы были представлены в рамках Международной научной конференции по политической коммуникации «Лигвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (состоялась 29-30 ноября 2019 года на базе Уральского государственного педагогического университета)

лением, которое определяет будущее государства и представляет собой основной мобилизационный ресурс общества. Традиционно под молодежью понимается особая социальная группа, отличающаяся возрастными рамками и статусом в обществе: это переход от детства и юности к взрослому возрасту, достижение социальной ответственности. Так, по мнению В. Я. Суртаева, «Молодежь – это социальная возрастная группа молодых людей (иногда до 30 лет), с одной стороны, они несут в себе результаты влияния различных факторов, в целом представляют собой сформированные личности, а с другой стороны, их ценности остаются гибкими, подверженными различным влияниям. Жизненный опыт этой группы не богат, представления о морально-этических ценностях часто окончательно не определены» [Суртаев 1999: 38]. В «Социологическом словаре» под редакцией Г. В. Осипова и Л. Н. Москвичева молодежь определяется как большая общественная группа, имеющая специфические социальные и психологические черты, наличие которых определяется как возрастными особенностями молодых людей, так и тем, что их социально-экономическое и общественно-политическое положение, их духовный мир находятся в состоянии становления, формирования [Социологический словарь 2008: 208].

Таким образом, молодежь как социальная группа имеет ряд особенностей, среди которых – возраст (до 30 лет), отсутствие житейского опыта, гибкость и пластичность сознания, несформированность морально-этических ценностей, подверженность влиянию различных факторов и др.

Цель настоящей статьи – анализ метафорических репрезентаций концепта «молодежь», представленных в дискурсе электронных российских СМИ, в том числе и в оценках интернет-пользователей.

При анализе метафорических выражений применяется разработанная А. П. Чудиновым теория метафорического моделирования, в основе которой лежит выявление сфер-источников метафорической экспансии [Чудинов 2001a]. Используемые авторами статей концептуальные метафоры помогают осмыслить основные психологические особенности подрастающего поколения в терминах иных понятийных областей (вещества – *глины, пластилина, золота, ржавчины, яда*; артефакта – *губка* и др.). Анализ метафорических словоупотреблений позволил выделить доминантные метафорические модели, типичные при образной номинации и характеристике современной молодежи: «Моло-

дежь – это губка», «Молодежь – это пластилин, глина», «Дети высокопоставленных чиновников – это золотая молодежь».

МОЛОДЕЖЬ – это ГУБКА

В соответствии с данной моделью молодежь в России образно представляется как губка, обладающая высокими впитывающими свойствами. Использование метафоры губка при характеристике современной российской молодежи связано с представлением о том, что губка хорошо впитывает влагу, следовательно, все те знания, модели поведения, которые передаются молодежи, могут быть легко восприняты ею.

См.: Кто бы что ни говорил, а молодежь впитывает информацию как губка: быстро и в больших объемах (https://instascan.live/media/rbH_JdTEZLQ); Сознание молодых людей, как губка, способно впитывать, фильтровать и перерабатывать большой поток информации (<https://zazama.ru/samorealizatsiya/problemyi-samorealizatsii-molodezhi.html>).

Кроме того, губка – пористое, упругое изделие из резины, поролон и т. п. – служит для мытья, с ее помощью борются со всеми видами загрязнений, следовательно, она впитывает и грязную воду, к ней также может налипать мусор. Именно на это свойство губки обращают внимание журналисты, говоря о том, что у молодежи можно формировать как положительные, так и отрицательные качества.

См.: Молодежь как губка, которая впитывает в себя то, в какой среде находится. Если бы она была помещена в нектар социального государства, но не было бы прецедентов возникновения уличных банд. Получается, что эта губка в массе своей, кроме узкого верхнего края, полностью погружена в фильтр с мусорных полигонов, иначе бы не было такой катастрофической деморализации наших молодых людей (<https://todaynew.ru/2017-05-14-14-52-13/825-a-country-without-ideology-takes-young-people-to-the-streets-the-social-fire-of-modern-russia>); Молодежь, как губка, впитывает в себя как положительные качества прошлого и настоящего, так и отрицательные (https://xstud.ru/96013/etika/kachestva_lichnosti_professional); Они, как губка, впитывают в себя всё, без разбора. А вседозволенность исходит от господ чиновников, идеалом которых давно стала жажда наживы. Как бороться с такими проявлениями (<https://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=https%3A%2F%2Fznanija.com%2Ftask%2F3524938&tld=ru&lang=ru&la=1548580096&tm=1548856525&text=Молодежь%20—%20как%20губка%2C%20>

которая%20впитывает%20в%20себя&l10n=ru&mime=html&sign=502f615c64e0f836609c533ee55dd456&keyno=0).

Однако, по мнению журналистов, если в самом начале воспитания были заложены положительные качества, то в дальнейшем негативная социальная среда уже не будет оказывать своего пагубного воздействия на молодежь.

См.: Ну и как человеку-губке не впитать заразы??? Многим удается пройти испытание искушением, вовремя разобраться, где зараза, а где кристальная чистота, и освободиться от гадостей общественного поведения. Но! Есть маленькое «но»: впитав хоть раз в себя «грязь», губка хоть внешне и остается чистой, но внутри есть остатки предыдущего впитывания (http://vedamost-semia.blogspot.com/2012/12/blog-post_21.html).

Таким образом, положительное влияние на молодое поколение оказывает государство (*нектар социальное государство*), отрицательное – уличные банды, преступные сообщества (*фильтрат с мусорных полигонов*).

МОЛОДЕЖЬ – это ПЛАСТИЛИН, ГЛИНА

В дискурсе российских СМИ для обозначения молодых людей используются метафорические выражения *пластилин, глина* (пластичные массы для лепки и моделирования). При метафорической номинации актуализируются такие качества, как эластичность, податливость материала, способность принимать различные формы.

См.: Молодой человек – это «пластилин», из которого можно «слепить» то, что вздумается, – отличный «материал» для использования, манипулирования авторитетом с опытом. А авторитет для молодых – это сила, а не мудрость и порядочность. Я это к тому, что делать ставку на молодежь в управлении государственными делами – это значит создавать легко управляемый орган власти (<https://otvet.mail.ru/question/13011192>); Что такое молодежь? Это пластилин, из которого лепи, что захочешь. ЕРовцы собрали на Валдае немного молодых людей и думают, что за ними пойдет вся молодежь, а Навальный обработал всю молодежь России, и она не будет голосовать ни за ЕР ни за Путина (<https://otvet.mail.ru/question/201574076>); Надо понимать, что молодой человек – это «пластилин», подверженный провокациям. Но мы к этому не имеет никакого отношения; «Пластилин в ваших руках? – реагирует Лавров. – А вы в ваши молодые годы были пластилином?» (<https://vecherka.su/articles/society/127913/>); Молодежь –

это пластилин, из которого можно лепить все, что угодно. Но любые действия по мере взросления проходят верификацию через собственный жизненный опыт (<http://ekb.dk.ru/news/otkaz-ot-dialoga-bolshaya-glupost-vlasti-predprinimateli-o-vazhnyh-voprosah-k-protestu-237075076>); Молодежь – это пластилин, из которого можно вылепить навальненка, а можно юнармейца (<https://thequestion.ru/questions/422997/pochemu-v-nashei-strane-odnovremenno-mozhno-uslyshat-chno-razvalili-stranu-raboty-net-i-prietom-zavody-stoyat-nikto-rabotat-ne-khochet>); Молодежь – это «пластилин» по понятиям, и ее и лепят по своему усмотрению. ... Молодежь – это «пластилин», лепи, что хочешь (<http://forum.ykt.ru/viewtopic.jsp?id=444908>); Сегодняшняя молодежь – это хорошая глина, из которой можно вылепить все, что угодно. Не грьзь, а глина. Главное – дать направление, а уж глина сама вылепится... (С. Безруков. <https://burmatoff.livejournal.com/39181.html>); Если молодые – глина, то скульптор – государство (Ильинский И. М. По поводу молодежной политики).

Используемые в СМИ метафорические выражения, обозначающие пластичный материал (*пластилин, глина*), обращают внимание на гибкость ценностей подрастающего поколения, что таит в себе возможность манипулирования, – молодежь в современной ситуации может вопреки своей воле исполнять чьи-то указания, и, безусловно, многое зависит от того, в чьих руках она окажется, – государства, оппозиции или преступных сообществ.

ДЕТИ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫХ ЧИНОВНИКОВ – это ЗОЛОТАЯ МОЛОДЕЖЬ

Метафорическое выражение «золотая молодежь» характеризует привилегированную часть общества. «Золотой молодежью» принято называть молодых людей, жизнь и будущее которых устроены влиятельными или высокопоставленными родителями. Как правило, метафора носит негативный оценочный характер: *неприкасаемые, детки новой российской элиты, золотые беспредельщики, золоченая тля, почему золотая молодежь становится ржавой* и т. д.

См.: *Так «золотой молодежью» в народе называют великовозрастных детей современных нуворишей, тех их сынков и дочерей, которые любят игнорировать власть законов и морали и извлекать из этого кайф. Особенно модно у них сегодня гонять на супердорогих авто и выставлять свои проделки в Интернете, демонстрируя тем самым, что им дозволено все.*

Но именно такие «золотые» и могут положить предел человечеству.

Также «золотая молодежь» — это яд для их сверстников. Многие юноши и девушки, пытаясь подражать этим «счастливицам», но не имея для этого должных средств и возможностей, или идут на преступления, или изматывают себя на нескольких работах, или втягиваются в различные рискованные авантюры и оказываются в тюрьмах, получают увечья или даже гибнут.

...Однако «золотая молодежь», как вместители пива, сникерсов и убогих помыслов, не является уродом собственного производства (Н. Бондаренко // Завтра. http://zaYtra.ru/blogs/pochem_zoloto).

Компонент «золотой», воплощающий понятие «деньги», является обязательным, необходимым показателем, характеризующим способ приобретения статусности, причину вызывающего поведения и, по мнению СМИ, вседозволенности данной группы молодежи.

Метафорическая модель «Дети высокопоставленных чиновников – это золотая молодежь» репрезентирует концепт «молодежь» как особую часть общества, имеющую определенные привилегии перед другими членами общества. В контексте исследуемых нами статей «золотая молодежь» характеризуется как социально пассивная, не приспособленная к жизни в современном мире, неспособная самостоятельно отвечать за собственные поступки группа людей, наделенная материальными прерогативами по воле своего рождения (заголовки статей: «Почему золотая молодежь становится ржавой?», «Золоченая тля»). Об этом свидетельствуют такие метафорические словоупотребления, как *ржавая молодежь*, *золоченая тля*.

См.: Почему золотая молодежь становится ржавой? (http://zavtra.ru/blogs/pochemu_zolotaya_molodezh_stanovitsya_rzhavoj) – актуализируется отличие благородного металла от ржавчины – коррозии железа;

Великая русская революция, все социальные катаклизмы были направлены на то, чтобы жизнь стала устроена справедливо и никакая золоченая тля не смела бы ставить себя выше рабочего человека (http://www.aif.ru/society/opinion/zolochyonaya_tlya) – актуализируется знание о насекомом-вредителе, которое питается соком растений и в конечном итоге губит его. Именно о таком возможном исходе предупреждают

«Аргументы и факты»: «Золотая молодежь» подрывает прочность государства (aif.ru).

Таким образом, наши материалы показывают, что метафоры вещества (*глина, пластилин, золото, ржавчина, яд*) и артефакта (*зубка*) оказываются наиболее подходящим способом осмысления специфических социальных и психологических черт молодого поколения. В сфере метафорического притяжения оказываются непосредственно и сами молодые люди, и те, кто способен оказывать на них воздействие – воспитывать, руководить. В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что сегодня в обществе, с одной стороны, молодежь воспринимают как будущее нашей страны, а с другой стороны, граждане страны понимают, что молодое поколение – растущий организм и очень многое зависит от того, кто будет оказывать воздействие на его умонастроения и воспитание.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М.: Институт русского языка РАН, 1991. 193 с.

Бутакова Л. О., Викулова А. И. Региональный медиа-дискурс о людях пожилого возраста: закономерности организации и способов воздействия на читателя // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация : материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 10-14 октября 2018 г.) / отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2018. С. 36-40.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.

Социологический словарь / Акад. учеб.-науч. центр РАН-МГУ им. М. В. Ломоносова ; отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. – М.: Норма, 2008. 607 с.

Суртаев В. Я. Молодежь и культура / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры. – СПб.: [б. и.], 1999. 223 с.

Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация : материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 10-14 октября 2018 г.) / отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2018. 322 с.

Чудакова Н. М. Реформирование российской пенсионной системы в зеркале концептуальной метафоры // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация : материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 10-14 октября 2018 г.) / отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2018. – С. 290-295.

Чудакова Н. М. Современное образование в зеркале концептуальной метафоры // Педагогическое образование в России. – 2018. № 1. С. 125-131.

Чудакова Н. М. Современное российское образование – это здание на грани обрушения // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 27 нояб. 2015 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2015. С. 225-231.

Чудакова Н. М. Современное российское образование в оценках морбиальной метафоры // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 26-28 авг. 2014 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2014. С. 265-269.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) : монография. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001а. 238 с.

Чудинов А. П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001б. № 2. С. 26-31.

REFERENCES

Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovaryu). – M. : Institut russkogo yazyka RAN, 1991. 193 s.

Butakova L. O., Vikulova A. I. Regional'nyy media-diskurs o lyudyakh pozhilogo vozrasta: zakonomernosti organizatsii i sposobov vozdeystviya na chitatel'nyy // Uchimsya ponimat' Rossiyu: politicheskaya i massmediynaya kommunikatsiya : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Ekaterinburg, 10-14 oktyabrya 2018 g.) / otv. red. A. P. Chudinov. – Ekaterinburg, 2018. S. 36-40.

Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina ; pod obshch. red. E. S. Kubryakovoy. – M. : Izd-vo MGU, 1996. 245 s.

Sotsiologicheskii slovar' / Akad. ucheb.-nauch. tsentr RAN-MGU im. M. V. Lomonosova ; otv. red. G. V. Osipov, L. N. Moskvichev. – M. : Norma, 2008. 607 s.

Surtaev V. Ya. Molodezh' i kul'tura / Sankt-Peterburgskiy gos. un-t kul'tury. – SPb. : [b. i.], 1999. 223 s.

Uchimsya ponimat' Rossiyu: politicheskaya i massmediynaya kommunikatsiya : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Ekaterinburg, 10-14 oktyabrya 2018 g.) / otv. red. A. P. Chudinov. – Ekaterinburg, 2018. 322 s.

Chudakova N. M. Reformirovanie rossiyskoy pensionnoy sistemy v zerkale kontseptual'noy metafory // Uchimsya ponimat' Rossiyu: politicheskaya i massmediynaya kommunikatsiya : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Ekaterinburg, 10-14 oktyabrya 2018 g.) / otv. red. A. P. Chudinov. – Ekaterinburg, 2018. – S. 290-295.

Chudakova N. M. Sovremennoe obrazovanie v zerkale kontseptual'noy metafory // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2018. № 1. S. 125-131.

Chudakova N. M. Sovremennoe rossiyskoe obrazovanie – eto zdanie na grani obrusheniya // Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 27 noyab. 2015 g.) / gl. red. A. P. Chudinov. – Ekaterinburg : UrGPU, 2015. S. 225-231.

Chudakova N. M. Sovremennoe rossiyskoe obrazovanie v otsenkakh morbial'noy metafory // Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Ekaterinburg, 26-28 avg. 2014 g.) / gl. red. A. P. Chudinov. – Ekaterinburg : UrGPU, 2014. S. 265-269.

Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991-2000) : monografiya. – Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2001a. 238 s.

Chudinov A. P. Sportivnaya metafora v sovremennom rossiyskom politicheskom diskurse // Vestnik VGU. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – 2001b. № 2. S. 26-31.

Е. А. Ширяева

Екатеринбург, Россия

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РУССКИХ И БРИТАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С МОНЕТАРНОЙ СЕМАНТИКОЙ

АННОТАЦИЯ. В статье описывается синтагматический потенциал фразеологических единиц в синтаксических моделях, которые реализуются через реальное речевое употребление. Фразеологический состав различных языков все чаще рассматривается с точки зрения синтагматики. В связи с этим представляется актуальным описать ключевые синтаксические модели синтагматики для британских и русских фразеологических единиц, где значимой является лексема «деньги». Материалом для исследования стали предложения и диалоги из жизни русских и англоговорящих людей, которые были выявлены путем сплошной и репрезентативной выборки из художественной литературы, фильмов и блогов. В ходе работы было задействовано 13 фразеологических единиц и выявлено 122 предложения, где встречается фразеологизм с концептом «деньги». Каждая русская и британская модель синтагматики анализируется отдельно с точки зрения структуры предложения, его основных особенностей. Затем производится сравнение синтаксических моделей синтагматики, выявляются их сходства и различия, а также частотность их употребления в речи. Особое внимание уделяется сходствам и различиям в структуре фразеологических единиц. Синтагматические модели можно разбить на конкретные группы в зависимости от частотности употребления в различных синтаксических моделях. Хотя фразеологизм является устойчивой единицей, которая мало поддается трансформации, тем не менее в ходе работы были выявлены некоторые специфические особенности моделей с фразеологическими единицами. Их уникальность проявляется в том, что некоторые единицы внутри модели могут заменяться, комбинироваться друг с другом, а также трансформировать фразеологизм таким образом, что он меняет свое изначальное значение. В заключении статьи приводятся результаты исследования для каждой выделенной группы британских и русских фразеологических единиц в процентном соотношении, которые дают материал для дальнейших теоретических обобщений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: синтагматика; синтаксические модели; синтагматические модели; идиомы; концепты; русский язык; фразеология русского языка; фразеологизмы; фразеологические единицы; английский язык; фразеология английского языка.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ширяева Е. А., магистрант 2 курса, Уральский государственный педагогический университет.*
Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E. A. Shiryayeva
Ekaterinburg, Russia

SYNTAGMATIC MODELS OF THE BRITISH AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH MONEY COMPONENT

ABSTRACT. *The article describes syntagmatic potential of phraseological units in the syntactic models which are used through real language. The phraseological distribution of language is considered from the point of view of syntagmatics. In this connection it is actual to describe principal syntactic collocability models of the British and Russian phraseological units which convey the notion of money. The sentences and dialogues from life of the English and the Russian were used as research, this data was identified by universal and representative sampling from literature, films and weblogs. In the work 13 phraseological units were used and 122 sentences were found which include the concept of money. Each model is analyzed independently from the point of view of sentence structure and its special peculiarities. Particular attention is paid to the similarities and differences between the structures of phraseological units. These models can be divided into deferent groups depending on frequency of their occurrence in various syntactic models. Although idiom is an invariable unit which cannot be transformed, nevertheless, the article gives the description of some peculiarities for models including phraseological units. Units in syntactic models can be replaced, can interchange and combine with each other and can also move in another model of collocability. In conclusion of the article in percentage terms the results of research for every groups are given which provide material for further theoretical generalizations.*

KEYWORDS: *syntagmatics; syntactic models; syntagmatic models; idioms; concepts; Russian language; phraseology of the Russian language; phraseological units; phraseological units; English language; English phraseology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shiryayeva E. A., Master's Degree Student, Ural State Pedagogical University.*

Современная лингвистика проявляет особый интерес к изучению фразеологизмов с различными концептами через комбинаторику и комбинаторную модель. Комбинаторная лингвистика рассматривает синтагматические отношения и их синтагматический потенциал в реальном речевом общении. В данном направлении работают как зарубежные исследователи [Bozsëahin

2012; Stonham 1994 и др.], так и русские лингвисты [Мельчук 1984, 1999; Влавацкая 2011, 2017 и др.].

Комбинаторная лингвистика дает возможность рассмотреть «языковые нормы и речевые закономерности» [Влавацкая 2017: 35]. Известно, что язык не остается статичным. Любой язык постоянно подвергается различным изменениям. Поэтому сейчас уделяют особое внимание синтагматическим моделям как русского, так и английского языка. Это, в первую очередь, связано с интересом к изучению сочетаемости языковых единиц в речи.

Различные исследования показывают, что в языке регулярно появляются новые речевые факты, которые необходимо отслеживать и фиксировать. Одним из способов показать особенности речевых фактов, их сочетаемость, различного рода трансформации является составление и анализ синтагматических моделей. Это также касается и фразеологических единиц (далее – ФЕ), которые тоже имеют способность к трансформации и комбинации с различными лексемами. Поэтому нужна не просто фиксация самих ФЕ, но и отслеживание их моделей комбинаторики в новом речевом окружении.

Вопросами фразеологизмов занимались многие ученые [Виноградов 1977; Кунин 1996; Смирницкий 1956; Солнцев 1978]. Каждый из лингвистов интерпретировал этот термин по-разному. Наиболее общим определением к ФЕ можно выделить то, что фразеологизм является устойчивой, неизменяемой языковой единицей, которая обладает метафорическим значением. Соответственно, фразеологизм – идеальная языковая единица, которая позволяет выделить группы для синтаксических моделей синтагматики. Ранее к проблемам синтагматики обращались лишь философы и математики, но в связи с развитием английского и русского языков языковеды тоже стали обращаться к комбинаторике и рассматривать многие языковые явления с ее точки зрения.

Синтагматика помогает разобраться в характере взаимосвязи слов, она позволяет рассмотреть взаимосвязи слов в каких-либо синтаксических моделях. Она подразумевает под собой сочетаемость объектов внутри модели [Фриз 1952]. Сочетаемость включает в себя набор синтаксических связей и отношений, лексических распространителей и условия их реализации, проявляется в конкретных лексико-семантических и синтаксических отношениях языковых единиц с другими единицами [Найманова 2011].

Синтагматика представляет собой «выбор и расположение элементов синтаксического множества в рамках заданных моделей и в соответствии с заданными правилами» [Леденев 2007]. Комбинаторика языковой системы определяется за счет возможных и невозможных комбинаций в синтаксической модели, которые формируются за счет форм и значений слов внутри структуры. Если комбинации подвергаются изменениям, то формы и значения слов в этих комбинациях не могут сочетаться с прежней моделью и соответственно не могут реализовываться в речи [Базылев 2009; Влавацкая 2011; Мошегова 2006].

Таким образом, описание и анализ синтагматических моделей ФЕ является важным аспектом в изучении комбинаторной лингвистики.

Исследование помогло разделить все модели комбинаторики по частотности их употребления в различных структурах. Для анализа было взято 13 ФЕ (7 британских и 6 русских фразеологизмов) с концептом «деньги», которые были описаны в синтагматических моделях с точки зрения их постановки и взаимосвязи с другими частями речи в структуре предложения. Британские ФЕ были отобраны из «Большого англо-русского фразеологического словаря» под редакцией А. В. Кунина [Кунин 1984], а русские фразеологизмы были взяты из «Фразеологического словаря современного русского языка» под редакцией Ю. А. Ларионовой [Ларионова 2014].

Из словаря А. В. Кунина мы взяли следующие ФЕ: *money talks, pin money, black money, money to burn, caution money, money for jam or money for old rope and marry money*. Из словаря Ю. А. Ларионовой мы отобрали такие ФЕ, как *деньги на бочку, легкие деньги, шальные деньги, отмывать деньги, бросать деньги на ветер, сорить деньгами*.

Всего было проанализировано 122 предложения с этими ФЕ, которые были выявлены путем сплошной и репрезентативной выборки из художественной литературы, фильмов и блогов. Для наглядности рассмотрим некоторые из моделей комбинаторики и проведем анализ некоторых предложений с этими ФЕ, а также выделим некоторые группы частотности употребления синтаксических моделей комбинаторики с монетарной семантикой.

1. По частотности употребления ФЕ в сложных и простых предложениях

Для выделения данной группы было проанализировано 50 простых и 72 сложных предложения. Если рассматривать их в

процентном соотношении, то частотность употребления в сложных (43%) предложениях несколько отличается от частотности употребления ФЕ в простых (57%) предложениях. Это связано с тем, что ФЕ часто употребляются в речи, как правило, в разговорной, поэтому мы в простых предложениях встречаем их чаще.

Приведем русские и британские примеры синтагматических моделей простых предложений.

So your father's got money to burn?

• **N + has got + money to burn**

Модель представлена в виде простого, вопросительного предложения. ФЕ употребляется с глаголом *has got*, который указывает на принадлежность и входит в линию предиката.

Half of the nation's black money came to light.

• **N's + black money + Vph**

В структуру данной модели входит простое предложение. ФЕ неотделима от словосочетания. Она помогает образовать притяжательный падеж у существительного. ФЕ в данном случае сочетается с фразовым глаголом, но фразовый глагол, в зависимости от ситуации, может меняться, т. е. может быть изменен на другую похожую единицу.

• **... + Сущ + Сущ + Нар + Гл + пред + Прич + пред + бешеные деньги + Сущ + пред + Сущ + пред + Сущ**

Весь день приходилось сидеть в сакле. Алексей Алексеевич часто уезжал на купленном за бешеные деньги мерине в город на заседания.

В данном примере ФЕ употребляется через контекст. ФЕ стоит в простом предложении, в котором сочетается с простым глагольным сказуемым в прошедшем времени. Также в модели ФЕ комбинируется с причастием и предлогом. ФЕ употребляется в ее синонимичном варианте.

• **... дорог + Сущ + Сущ + пред + М.и + Сущ + союз + Нар + Сущ + Прич. Об (Пред + легкими деньгами)**

Для всех остальных мы – частные лица, пилигримы пыльных дорог, искатели приключений на свою голову и просто неудачники, гоняющиеся за лёгкими деньгами.

Приведем в пример синтагматические модели сложных предложений.

Well all I can say is he must have money to burn!

• **[Main Clause] + pronoun + must have (in passive) + money to burn (subordinate clause; Subject Clause)**

Комбинаторная модель представляет сложноподчиненное восклицательное предложение, которое включает предикативное придаточное. ФЕ находится в придаточной части и является частью предиката. Данная ФЕ используется в пассивном залоге с модальным глаголом.

Money talks if you want his consent.

• **Money talks + if (subordinate clause; Adverbial Clause of Condition)**

В этой модели показано сложноподчиненное предложение, которое включает придаточное обстоятельственного подтипа условия и которое вводится через союз *if*. ФЕ находится в главной части предложения, но также может менять свое положение в структуре.

• **[Пред + М.и + междом + М.и + М.и + деньги бешеные] + чтоб (придаточное обстоятельственное, придаточное цели) + пред + М.и + Числ + Гл**

У кого ж это такие деньги бешеные, чтоб за тебя триста тысяч дали?

Комбинаторная модель представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным обстоятельственным подтипа цели, которое присоединяется к главному предложению с помощью союза *чтоб*. ФЕ употребляется в главной части предложения. В данном случае она заменена на синоним, причем здесь применяется инверсия. По структуре ФЕ должна иметь схему: Прил + Сущ. В данной модели части ФЕ меняются местами, но идея предложения не изменяется. В этом примере ФЕ сочетается с указательными местоимениями.

• **[Вв. сл + Сущ + Гл + М.и. + Пред + Числ + Прил + Пред + Сущ + Сущ + Пред + Сущ + союз + Гл + М.и.] + чтоб (придаточное обстоятельственное, придаточное цели) + отмывать деньги + Сущ**

К твоему сведению, Лайонел выкупил его у одного нечистого на руку военного из Боснии, и использовал его, чтоб отмывать деньги «Лутор Корп».

Комбинаторная модель показывает сложноподчиненное предложение, которое включает придаточное обстоятельственное подтипа цели, которое вводится в предложение через союз *чтоб*. ФЕ употребляется в придаточной части предложения в своей неизменной форме. ФЕ является частью глагольного сказуемого и сочетается с существительным.

2. По частотности употребления ФЕ в сложносочиненных, сложноподчиненных и бессоюзносложных предложениях

Для выявления данной группы мы взяли 14 моделей сложносочиненных предложений с ФЕ, 37 моделей сложноподчиненных предложений и 2 модели бессоюзносложных предложений. В процентном соотношении видно, что ФЕ в сложносочиненных предложениях употребляются гораздо реже, чем в сложноподчиненных, а в бессоюзносложных предложениях вообще практически не употребляется. Количество ССП составило 26%, количество СПП составило 70%, а БСП – 4%. ФЕ используются чаще всего в СПП, так они в более полной форме помогают понять смысл не только самого высказывания, но и раскрыть значение фразеологизма.

Приведем примеры сложноподчиненных предложений.

• **[Main Clause] + that (subordinate clause; Object Clause) + pronoun + have + N + prp +N + prp + black money**

We've evidence that you have billions of rupees in black money.

В этой модели показано сложноподчиненное предложение, где ФЕ играет важную роль. ФЕ употребляется в придаточной части, которая присоединяется к главной при помощи союза *that*. Придаточное в предложении является придаточным дополнением. В предложении употреблен глагол принадлежности *have*, который сочетается с ФЕ. Особенность ФЕ в том, что она схожа по семантике с рядом стоящими единицами, а также употребляется с предлогом, но без артикля. В предложении ФЕ является дополнением.

• **[Main Clause] pronoun + has got + pronoun + Adj + money to burn + N + ... (subordinate clause; Object Clause)**

He's got that much money to burn Barry that's what it is.

Модель передает сложноподчиненное предложение, тип придаточного – дополнение. ФЕ находится в главной части предложения и сочетается с глаголом принадлежности *has got*. ФЕ универсальна в данном примере тем, что в ее состав можно включить дополнительные языковые единицы, которые не изменят смысла фразеологизма. В этом образце ФЕ сочетается с местоимением и с лексической единицей *much*, которая по своим признакам принадлежит к двум частям речи. ФЕ является частью сказуемого.

• [М.и. + Гл + бросать деньги на ветер + Дееприч. об] + где (придаточное обстоятельственное, придаточное места) + союз + М.и. + Гл + Част

Они рады бросать деньги на ветер, нанимая трёх лакеев там, где и один справился бы.

Комбинаторная модель представляет собой сложноподчиненное предложение, где придаточное является обстоятельственным подтипа места, которое присоединяется к главной части предложения с помощью союзного слова *где*. ФЕ употребляется в главной части предложения, где сочетается с кратким прилагательным и личным местоимением, а также соотносится с деепричастным оборотом. ФЕ выполняет функцию составного именного сказуемого.

• [Числ + Сущ + Гл + Сущ + когда (придаточное изъяснительное) + Гл + что (придаточное изъяснительное) + М.и. + не сорят деньгами + ...]

Многих богачей называют жадными, когда видят, что те не сорят деньгами, а всё ещё продолжают считать каждую копейку.

Синтагматическая модель представлена через сложноподчиненное предложение, которое состоит из двух придаточных изъяснительных. Первое придаточное присоединяется к главной части при помощи союза *когда*, а второе – при помощи союза *что*. ФЕ стоит во втором придаточном. Глагол в ФЕ употреблен в форме настоящего времени. ФЕ является частью составного именного сказуемого. В данном примере ФЕ сочетается с указательным местоимением и отрицательной частицей «не».

Теперь приведем примеры сложносочиненных и бессоюзно-сложных предложений.

• **The + N + Adv + V_{in passive} + pin money + ...**

The women here are paid pin money but we are breadwinners.

Данная синтаксическая модель показана через сложносочиненное предложение, части которого соединены сочинительным союзом *but*. Первая часть этого типа предложения сконструирована с помощью пассивного залога. ФЕ сочетается с глаголом, который имеет непосредственно монетарную семантику. В структуре предложения ФЕ является дополнением.

• [...] + [союз + М.и. + сорил деньгами]

В 1980 году моя компания Chuck E. Cheese's процветала, и я сорил деньгами.

Модель показывает сложносочиненное предложение. ФЕ употребляется во второй части. Она является частью составного именного сказуемого. ФЕ в данном случае сочетается с личным местоимением.

• [Союз + М.и. + М.и. + Сущ] + [Нар + не сори деньгами] + коли (придаточное обстоятельственное, придаточное условия) + Сущ + Част + Гл

Но мой тебе совет: никогда не сори деньгами, коли цену их не знаешь.

Комбинаторная модель представляет собой бессоюзно-сложное и сложноподчиненное предложение, где придаточное обстоятельственное подтипа условие. Оно присоединяется к главному предложению с помощью союзного слова *коли*. ФЕ стоит в главной части предложения. Глагол в ФЕ употреблен в форме повелительного наклонения. ФЕ является частью составного именного сказуемого. Она сочетается с отрицательной частицей и наречием.

3. По частотности употребления русских и английских ФЕ в СПП с разными типами придаточных (с учетом моделей, в которых несколько типов придаточных)

Мы выяснили, что в речи мы с наибольшей частотностью используем ФЕ в сложноподчиненных предложениях. Известно, что СПП может иметь разные типы придаточных, причем в одном сложноподчиненном предложении может быть использовано несколько придаточных. В нашем исследовании ФЕ употребляются в моделях, где есть придаточные обстоятельственные разных подтипов, придаточные определительные, придаточные дополнения, придаточные предложения подлежащие и придаточные предложения сказуемые. Вышеперечисленные типы придаточных относятся к английскому языку. Мы не можем соотносить их с типами придаточных в русском языке.

В русском языке выделяются такие придаточные, как изъяснительные, определительные и обстоятельственные. Они имеют кардинальные различия с английскими, потому что в русском языке – «смысловый принцип» выделения типов придаточных, а в английском – «грамматико-функциональный принцип».

При выборке английских сложноподчиненных предложений было выявлено 12 моделей с обстоятельными придаточными разных подтипов, 6 придаточных дополнения, 5 определительных придаточных и 1 подлежащее придаточное. Рас-

смагивая модели с ФЕ в процентном соотношении, мы видим 50%, 25%, 21% и 4% соответственно от общего числа предложений. Из этого можно сделать вывод, что по частотности употребления лидируют обстоятельственные придаточные, за ними следуют определительные придаточные и придаточные дополнения практически в равных процентах и с меньшей частотностью употребления встречаются модели с подлежащим придаточным. При выборке русских сложноподчиненных предложений было выявлено 8 придаточных изъяснительных, 6 придаточных определительных и 7 придаточных обстоятельственных, которые также имели разные подтипы. В процентном соотношении от общего числа моделей у нас вышло 19%, 13% и 16% соответственно. Результаты показывают, что ФЕ в различных типах придаточных используются примерно с одинаковой частотностью.

Приведем некоторые примеры подобных синтагматических моделей.

• **[Main clause] + because (subordinate clause; Adverbial Clause of Cause) pronoun + has + Adv + got + the money to burn + prp + ...**

He's keeping them for just fun cars for himself because he's just got the money to burn over there Marvellous.

Синтаксическая комбинаторная модель представлена как сложноподчиненное предложение, которое включает придаточное обстоятельственного подтипа причины и которое вводится через союз *because*. ФЕ находится в придаточной части предложения. В этом примере фразеологизм сочетается с определенным артиклем и предлогом, которые имеют возможность изменяться в зависимости от заданной ситуации. Также ФЕ употребляется с глаголом *has got*, который указывает на принадлежность. ФЕ является частью сказуемого.

• **[...] + что (придаточное изъяснительное) + М.и. + Част + отмывал деньги + Пред + Числ + Сущ + Сущ**

Скажи им, что ты только отмывал деньги к первому числу месяца.

В синтагматической модели представлено сложноподчиненное предложение, где придаточное изъяснительное, которое присоединяется к главной части предложения с помощью союза *что*. ФЕ является простым глагольным сказуемым, где глагольный элемент используется в прошедшем времени. ФЕ сочетается с личным местоимением и частицей.

• [Сущ + что (придаточное определительное) + Гл + Пред + М.и. + Пред + Сущ + Вв. сл + Част + Пред + М.и. + кто (придаточное определительное) + Нар + сорит деньгами + союз + Пред + Сущ + Гл + Нар]

Ребятки, что собираются у нас в клубе, конечно, не из тех, кто бездумно сорит деньгами, но по счетам платят исправно.

Синтагматическая модель представляет собой сложноподчиненное предложение, которое состоит из двух придаточных. Первое и второе придаточные являются определительными. Первое придаточное присоединяется к главной части при помощи союзного слова *что*, а второе придаточное присоединяется при помощи союзного слова *кто*. ФЕ употребляется во втором придаточном. Она является составным именным сказуемым. Глагол в ФЕ меняет свою форму с инфинитива на личный глагол настоящего времени. ФЕ сочетается в данном примере с наречием.

4. По частотности употребления ФЕ в моделях обстоятельственных придаточных в разных подтипах (с учетом моделей, где несколько придаточных)

Если одновременно рассматривать обстоятельственные придаточные в русском и в английском языках, то из выше представленных данных мы видим, что с большей частотностью употребляются обстоятельственные придаточные. Известно, что обстоятельственные придаточные могут иметь разные подтипы. В данном случае русские и английские подтипы обстоятельственных придаточных одинаковые. При выборке таких подтипов было задействовано 18 моделей с учетом того, что в предложении может быть два и более придаточных. Выделенная группа показывает, что модели обстоятельственных придаточных подтипа условия, в структуру которых входит ФЕ, встречаются с частотностью в 47%. Из всех трех позиций этот тип придаточного лидирует. Далее по убывающей употребляются модели с обстоятельственным придаточным подтипа времени (23%), с обстоятельственным придаточным причины (12%), с обстоятельственными подтипами места, образа действия и цели в одинаковом соотношении – 6%.

Приведем примеры русских и британских синтагматических моделей.

• [Main Clause] + because (subordinate clause; Adverbial Clause of Cause) + pronoun + V + money for jam

You get used to it because it's not money for jam.

Модель показывает сложноподчиненное предложение, которое включает придаточное обстоятельственного подтипа причины. Оно вводится с помощью союза *because*. ФЕ входит в состав придаточного. Если рассматривать придаточное как простое предложение, то ФЕ является главным компонентом в модели и несет основную идею всего предложения. Она является частью сказуемого.

• **N + prp + N + prp + caution money + must be + V_{in passive} + prp + N + after (subordinate clause; Adverbial Clause of Time) + ...**

Application for refund of caution money must be made within six months after the student has left the College by completing the appropriate form and submitting the original receipt of payment.

Комбинаторная синтаксическая модель изображена в виде сложноподчиненного предложения, которое включает придаточное обстоятельственного подтипа времени и вводится через союзное слово *after*. Морфологические категории глагола включают пассивный залог. В главной части предложения фигурирует ФЕ в сочетании с предлогом. ФЕ в модели является постпозитивным определением в структуре подлежащего.

• **[М.и. + Сущ + Гл + бросать деньги на ветер] + если (придаточное обстоятельственное, придаточное условие) + Пред + М.и. + Прил + Сущ + Сущ + ...**

Ни один миллиардер не станет бросать деньги на ветер, если у него разумное количество машин, вполне приличные для его положения в обществе часы на руке.

В синтагматической модели представлено сложноподчиненное предложение, где придаточное является обстоятельственным подтипа условие, которое вводится в модель с помощью союза *если*. ФЕ употребляется в главной части предложения в своей начальной форме. Она употребляется в форме инфинитива и сочетается с глаголом настоящего времени, который употребляется с отрицательной частицей *не*. ФЕ комбинируется с неопределенным местоимением и с существительным. ФЕ выполняет функцию составного именного сказуемого в модели.

• **Союз + М.и. + М.и. + Сущ] + [Нар + не сори деньгами] + коли (придаточное обстоятельственное, придаточное условия) + Сущ + Част + Гл**

Но мой тебе совет: никогда не сори деньгами, коли цену их не знаешь.

Комбинаторная модель представляет собой бессоюзно-сложное и сложноподчиненное предложение, где придаточное обстоятельственное подтипа условие. Оно присоединяется к главному предложению с помощью союзного слова *коли*. ФЕ стоит в главной части предложения. Глагол в ФЕ употреблен в форме повелительного наклонения. ФЕ является частью составного именного сказуемого. Она сочетается с отрицательной частицей и наречием.

- [Пред + М.и. + междом + М.и. + М.и. + деньги бешеные] + **чтоб** (придаточное обстоятельственное, придаточное цели) + **пред** + М.и. + Числ + Гл

У кого ж это такие деньги бешеные, чтоб за тебя триста тысяч дали?

Комбинаторная модель представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным обстоятельственным подтипа цели, которое присоединяется к главному предложению с помощью союза *чтоб*. ФЕ употребляется в главной части предложения. В данном случае она заменена на синоним, причем здесь применяется инверсия. По структуре ФЕ должна иметь схему: Прил + Сущ. В данной модели части ФЕ меняются местами, но идея предложения не изменяется. В этом примере ФЕ сочетается с указательными местоимениями.

5. По частотности употребления ФЕ в главной и придаточной частях предложения

Сложноподчиненные предложения включают в себя не только придаточную, но и главную часть. Мы рассмотрели СПП и выявили с помощью выборки, в какой из частей предложения используется ФЕ. Исследование показывает, что ФЕ чаще всего употребляются в придаточной части предложения. Если рассматривать в процентном соотношении, то мы видим, что ФЕ в придаточной части употребляются с частотностью в 59%, а ФЕ в главной части употребляются с частотностью в 41%. Их разница в употреблении не слишком большая, т. к. ФЕ имеет огромную сферу применения в речи.

Рассмотрим некоторые синтагматические модели, где ФЕ употребляется в главной части.

- **Money talks + if** (subordinate clause; Adverbial Clause of Condition) + ...

Money talks if you want his consent.

В этой модели показано сложноподчиненное предложение, которое включает придаточное обстоятельственного подтипа условия и которое вводится через союз *if*. ФЕ находится в главной части предложения, но также может менять свое положение в структуре.

• **[Main Clause] pronoun + has got + pronoun + Adj + money to burn + N +...** (subordinate clause; Object Clause)

He's got that much money to burn Barry that's what it is.

Модель передает сложноподчиненное предложение, тип придаточного – дополнение. ФЕ находится в главной части предложения и сочетается с глаголом принадлежности *has got*. ФЕ универсальна в данном примере тем, что в ее состав можно включить дополнительные языковые единицы, которые не изменят смысла фразеологизма. В этом образце ФЕ сочетается с местоимением и с лексической единицей *much*, которая по своим признакам принадлежит к двум частям речи. ФЕ является частью сказуемого.

• **[М.и. + Сущ + Гл + бросать деньги на ветер] + если (придаточное обстоятельственное, придаточное условие) + Пред + М.и. + Прил + Сущ + Сущ + ...**

Ни один миллиардер не станет бросать деньги на ветер, если у него разумное количество машин, вполне приличные для его положения в обществе часы на руке.

В синтагматической модели представлено сложноподчиненное предложение, где придаточное является обстоятельственным подтипа условие, которое вводится в модель с помощью союза *если*. ФЕ употребляется в главной части предложения в своей начальной форме. Она употребляется в форме инфинитива и сочетается с глаголом настоящего времени, который употребляется с отрицательной частицей *не*. ФЕ комбинируется с неопределенным местоимением и с существительным. ФЕ выполняет функцию составного именного сказуемого в модели.

• **[...] + которые (придаточное определительное) + сорили деньгами + Ср. об**

Город заполонила дикая орда миллионеров, которые сорили деньгами, как пьяные моряки.

Комбинаторная модель показывает сложноподчиненное предложение с придаточным определительным, которое присоединяется к главной части предложения с помощью союзного слова *которые*. ФЕ употребляется в придаточной части. Глагол в ФЕ принимает форму глагола прошедшего времени и сочета-

ется со сравнительным оборотом. В предложении ФЕ является составным именным сказуемым.

Также рассмотрим модели, где ФЕ встречается в придаточной части.

• **If (subordinate clause; Adverbial Clause of Condition) + pronoun + have + a little pin money + ...**

If you have a little pin money, you couldn't be better advised than to – "It's my company."

В этой модели показано сложноподчиненное предложение, которое включает придаточное обстоятельственного подтипа условия и которое вводится через союз *if*. ФЕ фигурирует в придаточной части предложения. Также она сочетается с глаголом *have*, который указывает на принадлежность. В структуре предложения ФЕ выполняет функцию сказуемого.

• **If (subordinate clause; Adverbial Clause of Condition) + pronoun + V + to marry money + [Main Clause]**

If I'd wanted to marry money, I'd have had the sense to marry someone who had a great deal more than you.

Данная модель демонстрирует сложноподчиненное предложение, которое включает придаточное обстоятельственного подтипа условия и вводится через союз *if*. ФЕ находится в придаточной части предложения. Она употреблена вместе с инфинитивом и вносит соответствующую окраску в предложение. ФЕ является частью сложного глагольного сказуемого.

• **[...] + что (придаточное изъяснительное) + М.и. + отмывал деньги + Пред + М.и. + Прил + Сущ + союз + Гл + Гл (инф)**

Я предполагаю, что он отмывал деньги для какого-то нового игрока и начал воровать.

В комбинаторной модели ФЕ употребляется в сложноподчиненном предложении, где придаточное изъяснительное, которое присоединяется к главному с помощью союза *что*. ФЕ применяется в придаточной части предложения. Глагол в ФЕ имеет форму прошедшего времени. Сама ФЕ является частью составного глагольного сказуемого и сочетается с личным местоимением и предлогом.

Таким образом, в современном английском и русском языках часто можно встретить фразеологизмы с компонентом «деньги» в различных контекстах. На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Синтагматическая модель, в состав которых входит ФЕ, может употребляться в сложных и простых предложениях. Простые предложения составили 43%, а сложные – 57%.

2. ФЕ с монетарной семантикой могут быть употреблены в моделях сложносочиненного, сложноподчиненного и бессоюзно-сложного (касается русских моделей) предложения, процент которых составляет 26%, 70% и 4% соответственно.

3. Исходя из британских предложений с ФЕ, чаще всего встречаются модели, в которых употребляются обстоятельственные придаточные в количестве 27% от общей суммы примеров.

4. Русские предложения с ФЕ чаще всего встречаются в модели, в которой употребляются изъяснительные придаточные в количестве 18% от общей суммы примеров.

5. Придаточные обстоятельственного подтипа условия лидируют в синтаксических моделях комбинаторики (47%).

6. Реже всего употребляется модель, в состав которой входит подлежащее придаточное (на основании английского языка).

7. ФЕ может употребляться как в главной, так и в придаточной части, анализ показал, что чаще всего ФЕ употребляется в придаточной части – 59%, а в главной – 41%.

В заключение важно отметить, что в настоящее время синтагматика лежит в основе комбинаторной лингвистики. Она позволяет рассматривать ФЕ с иной точки зрения и выявлять особенности их употребления в современном языке, которые крайне важны для развития различных отраслей лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

Базылев В. Н. Российская лингвистика XXI века: традиции и новации. – М. : Современная гуманитарная академия, 2009. С. 311.

Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М. : Наука, 1977. С. 118-127.

Влавацкая М. В. Теоретические проблемы комбинаторной лингвистики. Лексикология. Лексикография : монография. – Новосибирск : НГТУ, 2011. С. 508.

Влавацкая М. В. Функционально-семантический анализ как метод лингвистического исследования (на материале английских окказиональных словосочетаний) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. – 2017. № 2. С. 35-44.

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учебник. 2-е изд. – М. : Высшая школа ; Дубна ; Феникс, 1996. С. 4-6.

Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд. – М. : Русский язык, 1984. 944 с.

Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. – М. : Аделант, 2014. 512 с.

Леденев Ю. Ю. Ярусная синтаксическая модель и принципы синтаксической комбинаторики // Язык. Текст. Дискурс. – 2007. № 5. С. 246-249.

Мельчук И. А. Опыт лингвистических моделей «Смысл – Текст». – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с.

Мельчук И. А. Толково-комбинаторный словарь русского языка. – Вена : Wiener Slavistischer Almanach, 1984. 992 с.

Мошегова Н. А. Когнитивный подход в описании комбинаторных синтаксических моделей // Язык. Текст. Дискурс. – 2006. № 4. С. 52-55.

Найманова Ч. К. Языковой и речевой аспекты комбинаторики // Вестник КГУСТА. – 2011. № 2. С. 339-344.

Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. – М. : Иностранная литература, 1956. С. 24.

Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. – М. : Наука, 1978. С. 268.

Bozséahin C. Combinatory Linguistics. – Berlin & Boston : Walter de Gruyter Mouton GmbH, 2012. P. 284.

Fries Ch. The structure of English: an introduction to the construction of English sentence. – Harcourt, Brace, 1952. 1940 p.

Stonham Jh. T. Combinatorial Morphology. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1994. P. 206.

REFERENCES

Bazylev V. N. Rossiyskaya lingvistika XXI veka: traditsii i novatsii. – М. : Sovremennaya gumanitarnaya akademiya, 2009. S. 311.

Vinogradov V. V. Leksikologiya i leksikografiya. Izbrannye trudy. – М. : Nauka, 1977. С. 118-127.

Vlavatskaya M. V. Teoreticheskie problemy kombinatornoy lingvistiki. Leksikologiya. Leksikografiya : monografiya. – Novosibirsk : NGTU, 2011. S. 508.

Vlavatskaya M. V. Funktsional'no-semanticheskiy analiz kak metod lingvisticheskogo issledovaniya (na materiale angliyskikh okkazonal'nykh slovosochetaniy) // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. – 2017. № 2. S. 35-44.

Kunin A. V. Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka : uchebnyk. 2-e izd. – М. : Vysshaya shkola ; Dubna ; Feniks, 1996. С. 4-6.

Kunin A. V. Bol'shoy anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'. 4-e izd. – М. : Russkiy yazyk, 1984. 944 s.

Larionova Yu. A. Frazeologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. – М. : Adellant, 2014. 512 s.

Ledenev Yu. Yu. Yarusnaya sintaksicheskaya model' i printsipy sintaksicheskoy kombinatoriki // Yazyk. Tekst. Diskurs. – 2007. № 5. S. 246-249.

Mel'chuk I. A. Opyt lingvisticheskikh modeley «Smysl – Tekst». – М. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1999. 346 s.

- Mel'chuk I. A. Tolkovo-kombinatornyy slovar' russkogo yazyka. – Vena : Wiener Slavistischer Almanach, 1984. 992 s.
- Moshegova N. A. Kognitivnyy podkhod v opisaniy kombinatorynykh sintaksicheskikh modeley // Yazyk. Tekst. Diskurs. – 2006. № 4. S. 52-55.
- Naymanova Ch. K. Yazykovoy i rechevoy aspekty kombinatoriki // Vestnik KGUSTA. – 2011. № 2. S. 339-344.
- Smirnitkiy A. I. Leksikologiya angliyskogo yazyka. – M. : Inostrannaya literatura, 1956. S. 24.
- Solntsev V. M. Yazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie. – M. : Nauka, 1978. S. 268.
- Bozséahin C. Combinatory Linguistics. – Berlin & Boston : Walter de Gruyter Mouton GmbH, 2012. P. 284.
- Fries Ch. The structure of English: an introduction to the construction of English sentence. – Harcourt, Brace, 1952. 1940 p.
- Stonham Jh. T. Combinatorial Morphology. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1994. P. 206.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

13 (2019)

Выпускающий редактор Еремина С. А.
Верстка Адясовой О. А.
Корректурa Адясовой О. А.